Рикман

Описание боевой
жизни короля
Вюртембергск. пехоты
1877-1878 г.

А 167/794

А 167
794

ОПИСАНІЕ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

44-го ДРАГУНСКАГО НИЖЕГОРОДСКАГО

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

КОРОЛЯ ВИРТЕМБЕРГСКАГО ПОЛКА

ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ 1877—1878-го ГОДОВЪ.

Составили того-же полка штабсъ-ротмистръ *Рикманъ* и корнетъ *Поремб скій*.

Подъ редакціею артилеріи генералъ-маіора Черпявскаго.

ТИФЛИСЪ.
1885.

ОПИСАНІЕ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

44-го ДРАГУНСКАГО НИЖЕГОРОДСКАГО

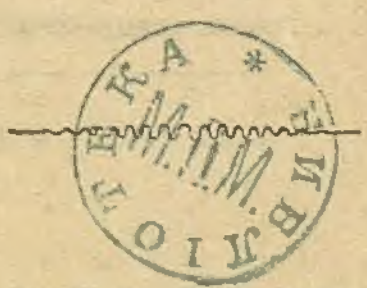
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

КОРОЛЯ ВИРТЕМБЕРГСКАГО ПОЛКА

ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ 1877—1878-го ГОДОВЪ.

Составили того-же полка штабсъ-ротмистръ *Рикманъ* и корнетъ *Поремб*скій.

Подъ редакціею артилеріи генералъ-маіора Чернявскаго.



ТИФЛИСЪ.
1885.

Типографія Штаба Кавказскаго военнаго округа.

Напечатано по распоряженію Его Сіятельства Командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа.

2007097036

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. Походъ изъ Пятигорска къ Александрополю. Зимнія квартиры. Приготовленія къ войнѣ. Составъ полка. 1

ГЛАВА II. Переходъ черезъ границу. Стычка у селенія Тихнисъ. Кавалерійскій рейдъ за Карсъ. Дѣло при с. Каны-кёй. Движеніе кавалеріи къ Кагызману. Дѣло при с. Магараджикъ. . . 10

ГЛАВА III. Дѣло при селеніи Бегли-Ахметъ. Движеніе войскъ къ Карсу для блокады этой крѣпости. Дѣло при Аравартанѣ 3-го іюня. Первый походъ за Соганлугъ. Сраженіе при Зивинѣ. . . 28

ГЛАВА IV. Отступленіе соганлугскаго отряда. Снятіе осады Карса. Занятіе турками аладжинской позиціи. Рекогносцировка 16-го іюля. Бой 6-го августа. Нападеніе на турецкій караулъ. 54

ГЛАВА V. Бой 13-го августа за Кизилъ-Тапу. Пріѣздъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго арміею. Вооруженіе полка ружьями Бердана. Первый стрѣлковый бой полка съ новымъ оружіемъ. Отступленіе турокъ отъ Кизилъ-Тапы . . 66

ГЛАВА VI. Обходное движеніе колонны генерала Лазарева въ тылъ аладжинской позиціи. Бой 2-го октября на орлокскихъ высотахъ. Взятіе Авліара и пораженіе турецкой арміи 3-го октября. Нижегородцы въ турецкихъ траншеяхъ. Дѣло 3-го эскадрона и 2-хъ сотенъ съ шестью турецкими таборами. 81

ГЛАВА VII. Второй походъ за Соганлугъ. Сформированіе своднаго драгунскаго полка. Дѣло при Зивинѣ. Ночное дѣло 1-го эскадрона при Гассанъ-Кала. Соединеніе соганлугскаго и эриванскаго отрядовъ. Сраженіе на Деве-Бойну. Неудачный штурмъ Эрзерума. Штурмъ и взятіе Карса. Зимнія квартиры. Первый походъ въ Хнысъ-Кала 96

ГЛАВА VIII. Занятіе хнысъ-калинскаго округа. Появленіе тифа. Походъ за Ефратъ. Дѣло 2-го эскадрона съ курдами послѣ перемирія. Возвращеніе полка въ Пасынванъ, а затѣмъ въ Александрополь. Убыль понесенная полкомъ въ дѣлахъ и отъ болѣзней. Награда пожалованная полку. 119

Приложенія.

Къ главѣ первой 137

Къ главѣ второй 138

Къ главѣ шестой 139

Къ главѣ седьмой 140

Къ главѣ восьмой. 141

I.

Походъ изъ Пятигорска къ Александрополю. Зимнія квартиры. Приготовленія къ войнѣ. Составъ полка.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1876-го года штабъ Нижегородскаго драгунскаго полка по обыкновенной дислокаціи мирнаго времени расположенъ былъ въ Пятигорскѣ, а эскадроны занимали въ окрестностяхъ города казачьи станицы.

Тревожное, въ то время, положеніе дѣлъ на востокѣ—погромъ Сербіи, волненія въ Болгаріи и другихъ вассальныхъ Турціи княжествахъ—естественно вызывало толки о неизбѣжности военнаго столкновенія Россіи съ Турціею, о крайней необходимости протянуть руку угнетеннымъ славянамъ балканскаго полуострова. Тѣмъ не менѣе, до войны было еще далеко.

Освоившись въ теченіе тринадцати лѣтъ съ требованіями мирнаго времени, нижегородцы почти всецѣло посвящали себя строевымъ занятіямъ и тщательной подготовкѣ новобранцевъ, столь необходимой въ виду только что сокращенныхъ сроковъ службы. Ревниво оберегая свои боевыя традиціи, стараясь внушить молодымъ солдатамъ духъ старыхъ нижегородцевъ, отважныхъ въ бояхъ до безумной дерзости, полкъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда Державная воля призоветъ его на столь знакомыя ему поля Башъ-Кадыкляра и Кюрюкъ-Дара, уже не разъ обагренныя его кровью.

Наконецъ общее желаніе какъ будто исполнилось: 14-го числа получено было приказаніе выступить изъ Пятигорска къ кр. Александрополю, на кавказско-турецкой границѣ. Немедлен-

но закипѣла обыкновенная въ подобныхъ случаяхъ дѣятельность; сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія, посланы приказанія въ эскадроны и черезъ два дня весь полкъ собрался у станціи Незлобной ростово-владикавказской желѣзной дороги, въ 30-ти верстахъ отъ Пятигорска.

Здѣсь полку предстояло новое для него и, притомъ, довольно копотное дѣло нагрузки вагоновъ. Способъ вводить лошадей въ вагоны съ завязанными глазами оказался весьма неудобнымъ; лошади пугались стука, упрямились, бросались въ стороны, рискуя упасть съ мостка и переломать себѣ ноги. Въ виду такого неудобства, мостки покрыли мягкими полостями, чтобы уменьшить стукъ отъ копытъ, и смирныхъ лошадей вводили въ вагоны просто подъ уздцы, какъ будто въ конюшню; для болѣе же строгихъ—принятъ былъ весьма оригинальный и, къ тому же, чрезвычайно опасный пріемъ: лучшіе ѣздоки садились верхомъ, подъѣзжали къ мосткамъ и, затѣмъ, давъ шпоры, карьеромъ влетали въ вагонъ. Опасность такого способа заключалась въ необходимости вовремя нагнуться,чтобы не разбить голову о притолоку дверей и потомъ моментально осадить лошадь въ вагонѣ. Ни одного несчастнаго случая, однако, не было и къ 4-мъ часамъ утра посадка была окончена. 18-го сентября уже весь полкъ высадился во Владикавказѣ и, послѣ дневки, направился далѣе, по военно-грузинской дорогѣ, къ Тифлису. Прибывъ 29-го числа въ селеніе Мцхетъ, полкъ былъ встрѣченъ бывшимъ своимъ командиромъ, свиты Его Величества генералъ-маіоромъ княземъ Амилахвари, проживавшимъ въ то время въ своемъ имѣніи близъ Мцхета.

Князь Амилахвари принадлежитъ къ числу такихъ начальниковъ, имена которыхъ никогда не забываются ихъ подчиненными. Искренно любя полкъ, онъ, въ свою очередь, былъ горячо любимъ какъ офицерами, такъ и нижними чинами. Имя его до такой степени популярно въ полку, что ни одинъ эскадронный праздникъ, ни одна, сколько нибудь выдающаяся офицерская пирушка не обходятся безъ того, чтобъ не былъ предложенъ самый задушевный тостъ за его здоровье. Встрѣтивъ полкъ, князь предложилъ

офицерамъ и нижнимъ чинамъ обѣдъ въ виноградномъ саду. За офицерскимъ столомъ присутствовали многія почетныя лица, пріѣхавшія для встрѣчи полка. Радушный пріемъ гостепріимнаго хозяина, обиліе вина, музыка, пѣсенники, наконецъ самая обстановка обѣда, въ саду, подъ южнымъ небомъ, быстро развязали языки. Посыпались тосты, импровизированныя рѣчи, причемъ преимущественно высказывалось убѣжденіе, что въ предстоящую кампанію полкъ „по нижегородски“ исполнитъ свой долгъ и останется на уровнѣ своей вѣковой славы. День прошелъ въ шумномъ веселіи, а на слѣдующее утро полкъ, выступивъ изъ Мцхета, къ 12-ти часамъ прибылъ въ Тифлисъ и сейчасъ же имѣлъ счастіе представиться Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему арміею.

Дальнѣйшее движеніе отъ Тифлиса къ Александрополю, по кратчайшей дорогѣ, черезъ селеніе Коды, чатахскій чугунно-литейный заводъ и мокрыя горы не оставило по себѣ никакихъ воспоминаній. Проѣзжая по этой мѣстности, всякій частный туристъ, конечно, на каждомъ шагу былъ бы пораженъ богатствомъ, роскошью и разнообразіемъ окружающей его природы; но кавказскія войска, привыкшія ко всевозможнымъ видамъ, мало обращаютъ вниманія на природу и она своими прелестями рѣдко можетъ оживить монотонность походнаго движенія. Случалось, что проходя по военно-грузинской дорогѣ у подножія Казбека, сверкавшаго въ лучахъ восходящаго солнца, солдаты говорили: „вишь какая здоровая гора,—туда не влѣзешь“— этимъ и ограничивалось ихъ увлеченіе природой. Вступивъ въ Александрополь 12-го октября, полкъ прямо направился къ холму чести *), гдѣ на могилахъ нижегородцевъ, павшихъ въ крымскую войну и погребенныхъ на этомъ холмѣ отслужена была панихида. Впослѣдствіи, зимою, въ память этихъ героевъ-однополчанъ сооруженъ былъ отъ имени полка памятникъ и, послѣ торжественнаго освященія, поставленъ на холмѣ чести. По окончаніи панихиды полкъ подошелъ къ берегу р. Арпачая и распо-

*) Кладбище въ Александрополѣ, гдѣ погребены павшіе въ дѣлахъ съ турками.

ложился лагеремъ на указанномъ ему мѣстѣ. Въ тотъ же день всѣ офицеры приглашены были на обѣдъ въ тверской драгунскій полкъ, прибывшій въ Александрополь, изъ Царскихъ-Колодцевъ, гораздо раньше насъ. Во время обѣда повсюду слышались выраженія сильнѣйшаго желанія скорѣе помѣряться силами съ врагомъ, пограничные посты котораго видиѣлись за Арпачаемъ.

Первое время по прибытіи въ Александрополь посвящено было исключительно устройству лагеря и отдыху, въ которомъ нуждались и люди и лошади, пройдя около 600-тъ верстъ отъ Пятигорска; но вскорѣ начались строевыя занятія и лагерная жизнь потекла своимъ обычнымъ порядкомъ. Въ этотъ періодъ времени особенное вниманіе обращено было на быстроту походной сѣдловки и возможно скорый сборъ эскадроновъ по тревогѣ. Нерѣдко эскадронные командиры вызывали свои эскадроны простой командой: „такой-то эскадронъ сѣдлай по тревогѣ“—и люди до такой степени привыкли къ этому, что застать эскадроны врасплохъ было почти невозможно.

Не долго, однако, продолжались лагерныя занятія подъ Александрополемъ. Проливные дожди и невыносимый холодъ на этой возвышенной мѣстности скоро вынудили размѣстить войска на зимнихъ квартирахъ. Вслѣдствіе этого, 8-го ноября, полкъ выступилъ изъ лагеря и, отойдя около 15-ти верстъ отъ Александрополя, занялъ армянскія селенія Кяфтарлы, Хорумъ, Томарташъ и Мечетли. Штабъ полка помѣстился въ Хорумѣ, вмѣстѣ съ 2-мъ эскадрономъ.

Съ прибытіемъ на эти квартиры, пришлось серьезно озаботиться хоть сколько нибудь сноснымъ размѣщеніемъ нижнихъ чиновъ и лошадей въ буйволятникахъ. Сплошной слой навоза, сырость, почти полное отсутствіе свѣта и ѣдкій, удушливый запахъ до такой степени присущи любому армянскому буйволятнику, что обратить такую клоаку въ человѣческое жилище требовало громадныхъ усилій. Еще за двѣ недѣли до прихода полка командированы были въ названныя селенія квартирьеры для приведенія буйволятниковъ въ болѣе опрятный видъ. Благодаря имъ, помѣщенія эти были вычищены, провѣтрены, насколько

возможно дезинфецированы и отверстія въ крышахъ расширены, что до нѣкоторой степени увеличивало притокъ воздуха и свѣта. Не смотря, однако, на эти мѣры, людей, во избѣжаніе болѣзней, при всякомъ удобномъ случаѣ выводили изъ помѣщеній, а лошадей въ ясные дни все время держали въ коновязяхъ.

Устроившись кое-какъ, полкъ, не теряя времени, началъ дѣятельно готовиться къ предстоящей кампаніи. Строевыя занятія и устройство хозяйственной части одинаково поглощали вниманіе командира полка полковника Кельнера. Всѣ ученья, какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строю, стали производиться съ обозначеннымъ противникомъ и непремѣнно съ тактическою цѣлью. Весьма серьезное вниманіе обращено было на аванпостную и развѣдывательную службу. Офицерамъ вмѣнялось въ обязанность вникать во всѣ мелочи солдатской жизни, изучить какъ можно лучше солдата, развивать въ немъ смѣлость, находчивость и расторопность. Все это исполнялось добросовѣстно, съ полнымъ сознаніемъ долга, такъ что къ началу военныхъ дѣйствій полкъ, въ тактическомъ отношеніи, былъ уже прекрасно подготовленъ. Хозяйственная часть въ полку тоже приведена была въ возможно хорошее состояніе. Всѣ нижніе чины имѣли полушубки, теплыя портянки и первосрочную мундирную одежду.

Лошади, перепавшія во время продолжительнаго похода изъ Пятигорска, поправились и были въ хорошихъ тѣлахъ. Солдатская аммуниція и конское снаряженіе—въ полной исправности. Форменные солдатскіе чемоданы, съ которыми полкъ пришелъ изъ Пятигорска, сданы были въ полковой цейхгаузъ, а вмѣсто нихъ для укладки солдатскихъ вещей заведены были, по старому кавказскому обычаю, подушки изъ сѣраго сукна, съ продольнымъ разрѣзомъ, застегивающимся на пуговицы. Размѣръ подушки около 10-ти вершковъ въ длину и отъ 12-ти до 14-ти вершковъ въ ширину. Наполненная мягкими солдатскими вещами, такая подушка, при сѣдловкѣ, накладывалась на ленчикъ, разрѣзомъ вдоль живца, покрывалась попоною и сверху прихватывалась обыкновеннымъ круговымъ ремнемъ. Еще во время кавказской войны подушки эти признаны были гораздо практичнѣе и во всѣхъ отно-

шеніяхъ удобнѣе чемодановъ; тоже самое обнаружилось и въ минувшую кампанію. Что касается обоза, то онъ приведенъ былъ въ нормальный составъ по штатамъ военнаго времени и состоялъ изъ 16-ти фургоновъ при 64-хъ лошадяхъ. Къ сожалѣнію, во время кампаніи полку довольно рѣдко приходилось пользоваться своимъ обозомъ.

Находясь постоянно въ авангардахъ, или передовыхъ отрядахъ, удаленныхъ не рѣдко верстъ на сто отъ главныхъ силъ, при быстротѣ движеній и дурныхъ путяхъ сообщенія, полкъ, понятно, не могъ таскать за собою обозъ. Артельныя повозки, запряженныя хорошими лошадьми, иногда поспѣвали за эскадронами, но только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда движеніе производилось по хорошей колесной дорогѣ. Устроенный при началѣ кампаніи офицерскій обозъ тоже почти всегда опаздывалъ, такъ что впослѣдствіи офицеры перевозили необходимыя вещи на вьюкахъ, иногда даже на своихъ заводныхъ лошадяхъ. Постоянное отсутствіе обоза во время передвиженій имѣло, однако, весьма существенныя неудобства: эскадроны по приходѣ на ночлегъ оставались безъ коновязей и, за неприбытіемъ повозокъ съ артельными котлами, приходилось варить пищу въ маленькихъ форменныхъ котелкахъ. Первое неудобство устранялось, отчасти, тѣмъ, что въ каждомъ взводѣ два человѣка обязаны были возить при себѣ колья, на которыхъ изъ фуражныхъ аркановъ протягивалась коновязь. Но такая воздушная коновязь требовала бдительнаго надзора за лошадьми, а это чрезвычайно стѣсняло людей во время отдыха. Что касается котелковъ, то въ нихъ постоянно ощущался недостатокъ.

Выборъ людей въ дальніе разъѣзды и командировки затруднялся необходимостью снабжать ихъ котелками, а каждый лишній котелокъ, выданный изъ эскадрона, стѣснялъ остающихся людей. Сварить въ котелкѣ борщъ съ мясомъ для трехъ человѣкъ далеко не то, что влить въ него уже готовый борщъ изъ общаго котла, безъ говядины, которую обыкновенно принято разбирать отдѣльно. Вслѣдствіе этого, эскадроны очень часто вынуждены были варить себѣ пищу въ двѣ очереди, что значительно сокращало время отдыха. Кромѣ того, котелки въ кавалеріи имѣютъ еще

другое значеніе: въ нихъ солдаты носятъ воду для уборки лошадей. Если вода близко, то число котелковъ не особенно важно, въ противномъ случаѣ—каждый лишній котелокъ оказываетъ неоцѣнимую услугу. При такихъ условіяхъ, остается пожелать, чтобы въ военное время кавалерія снабжалась котелками въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это опредѣлено нынѣ существующими положеніями. Необходимо имѣть, по меньшей мѣрѣ, одинъ котелокъ на двухъ человѣкъ, такимъ образомъ, чтобы одна шеренга (передняя или задняя) вся была снабжена ими.

Говоря о готовности нижегородцевъ къ открытію военныхъ дѣйствій нельзя умолчать о нравственномъ ихъ развитіи, которое, безъ сомнѣнія, неизмѣримо важнѣе всякой внѣшней подготовки. Громкая боевая репутація полка уже сама по себѣ могла служить порукою, что онъ не упуститъ случая украсить новыми лаврами свои закоптѣлые въ пороховомъ дыму штандарты. Славныя боевыя преданія, передаваясь при всякомъ удобномъ случаѣ молодымъ солдатамъ, повели къ тому, что новобранцы послѣдняго призыва считали уже величайшею для себя честью носить имя нижегородца. Слушая постоянно разсказы о доблестныхъ дѣяніяхъ своихъ предшественниковъ они невольно заражались желаніемъ подняться до ихъ уровня, пріучались любить свой полкъ, гордились имъ и съ первыхъ же дней своей службы усваивали убѣжденіе, что честь полка дороже ихъ собственной жизни. При такомъ воспитаніи солдата, полкъ, естественно, представлялъ собою крѣпко сплоченное тѣло, проникнутое насквозь сознаніемъ военнаго долга, военной чести, прочно связанное узами увлекательныхъ наслѣдственныхъ преданій. Весьма распространенное въ наше время мнѣніе, что вслѣдствіе преобладанія огня надъ холоднымъ оружіемъ кавалерія утратила значеніе въ современномъ бою, что роль ея съузилась до крайнихъ предѣловъ, къ счастію не находило себѣ отголоска въ Нижегородскомъ полку. Офицеры и солдаты оставались вѣрны завѣту своихъ предшественниковъ, а въ послѣдствіи цѣлымъ рядомъ кровавыхъ опытовъ еще болѣе утвердились въ убѣжденіи, что хорошая кавалерія и въ настоящее время можетъ быть страшнымъ бичемъ для пѣхоты. Отсюда видно, что не-

редъ началомъ кампаніи военный духъ полка оставался на той же высотѣ, какъ и во время прежнихъ войнъ, когда имя нижегородцевъ гремѣло по Кавказу.

Мобилизація и сосредоточеніе войскъ подъ Александрополемъ въ теченіе зимы давали обильную пищу предположеніямъ о болѣе или менѣе близкомъ объявленіи войны; но время проходило, а ожидаемое съ такимъ нетерпѣніемъ приказаніе перейти границу не получалось. Приближалась весна. Вмѣстѣ съ пробуждающеюся природою оживились общія надежды на скорый выходъ изъ томительнаго выжиданія, въ какомъ находились всѣ войска. Нижегородскій полкъ давно уже готовъ былъ къ дѣйствію и вызванный по тревогѣ на смотръ корпуснаго командира генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова оправдалъ вполнѣ эту готовность.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что приготовленія нижегородцевъ къ войнѣ были не продолжительны и не сложны. Благодаря существующей у насъ организаціи кавалеріи, дѣятельность полка, съ приведеніемъ на военное положеніе, не могла имѣть того суетливаго характера, какимъ отличается мобилизація войскъ, комплектуемыхъ призывомъ людей изъ запаса арміи. Только устройство обоза требовало нѣкотораго времени, такъ какъ необходимо было заказать нѣсколько новыхъ нѣмецкихъ фургоновъ вмѣсто старыхъ, негодныхъ для движенія по турецкимъ дорогамъ, и прикупить нѣсколько обозныхъ лошадей.

Вскорѣ послѣ смотра корпуснаго командира, эскадроны покинули свои зимнія квартиры и собрались въ сел. большой Караклисъ, откуда черезъ три дня выступили къ Баяндуру, на смотръ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго арміею. Объ этомъ смотрѣ упоминается почти во всѣхъ описаніяхъ боевой жизни различныхъ частей кавказской арміи, входившихъ въ составъ александропольскаго отряда, такъ какъ онъ произведенъ былъ на знаменитомъ баяндурскомъ полѣ, гдѣ 2-го ноября 1853-го года горсть кавказскихъ войскъ съ честью выдержала натискъ турецкой анатолійской арміи.

Возвратившись со смотра 8-го апрѣля въ сел. б. Караклисъ, полкъ вновь выступилъ къ Баяндуру и расположился лагеремъ на

лѣвомъ флангѣ александропольскаго отряда.

Численный составъ полка къ 12-му апрѣля былъ слѣдующій: по списку 7 генераловъ *), 8 штабъ, 37 оберъ-офицеровъ, 73 унтеръ-офицера, 24 трубача и трубаческихъ ученика, 674 рядовыхъ, 612 строевыхъ лошадей; врачей: 1 старшій, 1 младшій и 1 ветеринарный, 1 дѣлопроизводитель по хозяйственной части, 1 священникъ, 1 оружейный мастеръ (вольнонаемный), 1 классный медицинскій фельдшеръ, 4 фельдшера, 6 фельдшерскихъ учениковъ, 141 прочихъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ и денщиковъ и 64 обозныхъ лошади. Въ томъ числѣ: больныхъ—2 трубача, 18 рядовыхъ, 15 строевыхъ лошадей; командированныхъ—4 штабъ, 15 оберъ-офицеровъ, 2 унтеръ-офицера, 36 рядовыхъ, 4 строевыя лошади, 1 фельдшерскій ученикъ и 53 нестроевыхъ нижнихъ чина и денщика; арестованный—1 рядовой и, затѣмъ, на лицо: 4 штабъ, 22 оберъ-офицера, 71 унтеръ-офицеръ, 22 трубача и трубаческихъ ученика, 619 рядовыхъ, 593 строевыя лошади, 1 старшій, 1 младшій (прикомандированный) и 1 ветеринарный врачи, 1 дѣлопроизводитель по хозяйственной части, 1 священникъ, 1 оружейный мастеръ, 1 классный медицинскій фельдшеръ (прикомандированный), 4 фельдшера, 5 фельдшерскихъ учениковъ, 85 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ и денщиковъ и 64 обозныхъ лошади.

Еще задолго до выступленія изъ Пятигорска эскадроны приведены были въ новый штатный составъ и имѣли по 16-ти рядовъ во взводахъ, при 16-ти унтеръ-офицерахъ, а потому мобилизація арміи не коснулась боевой силы полка.

Впослѣдствіи, въ іюлѣ мѣсяцѣ, прибылъ маршевой эскадронъ съ лошадьми и полнымъ вооруженіемъ, но преимущественно для пополненія убыли, понесенной полкомъ во время военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, строевой штатъ полка по мирному и

*) Въ числѣ генераловъ показаны: Государь Императоръ, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи Сергѣй Дмитріевичъ Безобразовъ, генералъ-отъ-кавалеріи Александръ Федоровичъ Багговутъ и генералъ-лейтенанты: князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ, графъ Иванъ Григорьевичъ Ностицъ и графъ Николай Павловичъ Граббе.

военному времени оставался одинъ и тотъ же. Эскадронами въ это время командовали: 1-мъ—капитанъ Тетюцкій, 2-мъ—капитанъ Чернышевъ, 3-мъ—маіоръ Витте и 4-мъ—капитанъ Кусовъ. Дивизіонами командовали: 1-мъ—маіоръ Маралинъ и 2-мъ—маіоръ Наврузовъ.

II.

Переходъ черезъ границу. Стычка у селенія Тихинсъ. Кавалерійскій рейдъ за Карсъ. Дѣло при с. Каны-кёй. Движеніе кавалеріи къ Кагызману. Дѣло при с. Магараджикъ.

Продолжительная и скучная своимъ однообразіемъ стоянка полка въ окрестностяхъ Александрополя приближалась къ концу. Насталъ памятный всѣмъ день 11-го апрѣля, но и онъ прошелъ спокойно, хотя слухи о скоромъ, неизбѣжномъ объявленіи войны все чаще и настойчивѣе передавались изъ устъ въ уста. Офицеры и солдаты, утомленные безпрерывнымъ ожиданіемъ предстоящихъ военныхъ событій, въ полной неизвѣстности что будетъ завтра, по обыкновенію около 10-ти часовъ вечера улеглись спать, хотя присутствіе въ лагерѣ начальника кавалеріи, въ такое, сравнительно позднее время, заставляло догадываться, что почь едва ли пройдетъ спокойно. Рѣшеніе объявить войну на слѣдующій день уже было извѣстно въ штабахъ, но сохранялось въ глубокой тайнѣ; а потому строевыя части войскъ до послѣдней минуты ничего не знали. Наконецъ, въ 11-ть часовъ вечера, начальникъ кавалеріи генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе потребовалъ къ себѣ полковаго адъютанта прапорщика князя Андроникова и поручилъ ему передать первому дивизіону приказаніе готовиться къ переходу границы *). Въ тоже время потребованы были въ палатку командира полка, гдѣ находился и начальникъ

*) Генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе—старый нижегородецъ, извѣстный на Кавказѣ своею храбростью. Имя его часто встрѣчается въ лѣтописяхъ кавказской войны. Впослѣдствіи командовалъ тверскимъ драгунскимъ полкомъ.

кавалеріи, поручики Панчулидзевъ и Карапгозовъ. Офицерамъ этимъ приказано было немедленно послѣ переправы черезъ Арпачай отдѣлиться отъ дивизіона и слѣдовать съ разъѣздами одному вверхъ, а другому—внизъ по теченію рѣки. Въ два часа пополуночи, къ выстроившемуся уже 1-му дивизіону подъѣхалъ начальникъ кавалеріи и поздравивъ людей съ походомъ приказалъ двинуться къ переправѣ черезъ Арпачай.

Настала торжественная минута, величіе которой сознавалъ всякій. Солдаты, снявъ кивера, крестились и словами простой, но горячей молитвы поручали себя Всевышнему. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту незабвенную минуту всѣ проникнуты были одною и тою же мыслью: всякій думалъ о родинѣ, которая, какъ на зло, именно теперь представлялась во всѣхъ своихъ лучшихъ проявленіяхъ, о дорогихъ, близкихъ сердцу своему людяхъ, которыхъ онъ покидалъ, быть можетъ, навсегда. Но это грустное чувство, свойственное каждому человѣку въ минуту опасности, блѣднѣло передъ другимъ, болѣе могучимъ чувствомъ—чувствомъ сознанія великаго долга воина. Слова „смерть или побѣда" казалось божественнымъ перстомъ отмѣчены были на всѣхъ лицахъ. Жалкой мысли о возможности неисполненія святаго долга здѣсь не было мѣста. Подойдя къ рѣкѣ, дивизіонъ остановился, такъ какъ мостъ не былъ еще наведенъ, но жители Баяндура, бросаясь одѣтыми въ воду, указали бродъ.

Пройдя около двухъ верстъ отъ Арпачая, дивизіонъ остановился у турецкаго башъ-шурагельскаго поста, гдѣ уже находился разъѣздъ поручика Панчулидзева, захватившій на посту 12-ть человѣкъ плѣнныхъ. Это были первые плѣнные въ эту кампанію. Отправивъ ихъ въ Александрополь, дивизіонъ продолжалъ движеніе такимъ образомъ, что 1-й эскадронъ направился вправо отъ шурагельскихъ высотъ, а второй обогнулъ эти высоты съ лѣвой стороны. Узнавъ отъ жителей, что въ сел. Тихисъ собралось около 800-тъ курдовъ, находившійся при дивизіонѣ полковникъ Кельперъ выслалъ къ этому селенію разъѣздъ, подъ командой прапорщика Тургіева, и въ тоже время послалъ 2-му эскадрону приказаніе присоединиться къ первому. Подойдя къ селенію, пра-

порщикъ Тургіевъ замѣтилъ человѣкъ 15-ть или 20-ть пѣшихъ и около 40 конныхъ курдовъ, встрѣтившихъ его ружейнымъ огнемъ. Долго не думая, разъѣздъ (6-ть рядовъ) бросился въ шашки, изрубилъ нѣсколько человѣкъ и, видя, что остальные пустились бѣжать по хатамъ, спѣшилъ часть людей, которые продолжали рубить бѣгущихъ въ саклях и между саклями. Въ это время прискакалъ на выстрѣлы 1-й эскадронъ. Ничтожная стычка эта памятна намъ собственно потому, что здѣсь раздался первый выстрѣлъ и пролита была первая кровь, спустя два или три часа послѣ объявленія войны. Потеря наша состояла въ одной легко раненой пикою лошади. Курдовъ изрублено 6-ть, а 9-ть человѣкъ раненыхъ взято въ плѣнъ.

Хотя нижегородскій разъѣздъ работалъ исключительно шашками, не прибѣгая къ огнестрѣльному оружію, но между изрубленными курдами оказался одинъ съ прострѣленнымъ глазомъ. На вопросъ офицеровъ, кто такъ мѣтко всадилъ пулю въ глазъ курду, никто не сознавался. Впослѣдствіи оказалось, что курдъ былъ убитъ изъ револьвера штабъ-трубачемъ Березнякомъ, въ тотъ моментъ, когда съ пикою бросился на командира полка, прискакавшаго съ 1-мъ эскадрономъ. По статуту Березнякъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена и это былъ первый георгіевскій крестъ, пожалованный въ минувшую кампанію.

2-й дивизіонъ полка, въ составѣ авангарда главныхъ силъ, перешелъ границу 12-го апрѣля въ 10-ть часовъ утра и соединился съ 1-мъ дивизіономъ у селенія Тихисъ. Въ тотъ же день весь полкъ направился къ сел. Аргыня, гдѣ и расположился на ночлегъ, бивакомъ, на берегу р. Карсъ-чая, выставивъ 2-й эскадронъ на аванпосты. Утромъ 13-го числа, подойдя къ сел. Кизилъ-Чахчахъ, полкъ получилъ приказаніе остановиться до прибытія обоза. Здѣсь же получено было отъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что на горѣ Караялъ виднѣется непріятельскій лагерь, вслѣдствіе чего 3-й эскадронъ посланъ былъ на рекогносцировку, но, возвратившись часа черезъ два, донесъ, что непріятеля нигдѣ не видно. Послѣ обѣда, по прибытіи обоза, полкъ двинулся дальше и подойдя къ сел. Джамусли, на берегу Карсъ-чая, остановился на ночлегъ.

На слѣдующій день корпусный командиръ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, объѣзжая войска, приказалъ нижегородцамъ слѣдовать къ сел. Кюльверанъ, гдѣ въ то время уже находились сѣверскій драгунскій, три казачьихъ и дагестанскій конно-иррегулярный полки съ конною батареею терскаго войска.

Соединившись съ этими частями своей дивизіи, бывшей подъ командою генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, полкъ расположился бивакомъ, выславъ очередной эскадронъ въ составъ аванпостной цѣпи отъ всей дивизіи.

Утромъ 15-го апрѣля посланы были эскадронные квартермистры для пріема ячменя и пшеницы, брошенныхъ непріятелемъ въ сел. Суботанъ, при быстромъ отступленіи.

Благодаря этому, эскадроны имѣли возможность пополнить израсходованныя саквы, что было весьма важно, такъ какъ уже ходили слухи о предстоящемъ кавалерійскомъ рейдѣ за Карсъ. Слухи эти дѣйствительно вскорѣ оправдались: прибывшій на бивакъ начальникъ кавалеріи генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе въ 10-ть часовъ вечера приказалъ сѣдлать лошадей и, вслѣдъ затѣмъ, вся дивизія потянулась черезъ Суботанъ къ сел. Хаджи-Вали, гдѣ соединилась съ 1-ю сводною кавалерійскою дивизіею, бывшею подъ начальствомъ свиты Его Величества генерала Шереметева. Здѣсь разрѣшено было отдохнуть до утра. Остатокъ ночи прошелъ совершенно спокойно; непріятеля нигдѣ не было видно, но нѣсколько казаковъ, зайдя въ одну саклю, встрѣтили какихъ-то вооруженныхъ людей и, полагая что это турки, подняли тревогу. По прибытіи офицеровъ, объяснилось, что это были наши же милиціонеры. Въ 6-ть часовъ утра вся кавалерія, въ составѣ двухъ сводныхъ дивизій съ двумя конными казачьими батареями, выступила изъ Хаджи-Вали по направленію къ Карсу, имѣя въ авангардѣ Нижегородскій драгунскій и 2-й волгскій казачій полки. Вскорѣ отъ передовыхъ разъѣздовъ получено было донесеніе, что по дорогѣ изъ Карса замѣчено движеніе небольшаго коннаго отряда. Вслѣдствіе этого, высланъ былъ навстрѣчу ему усиленный разъѣздъ, а авангардъ продолжалъ слѣдовать въ прежнемъ порядкѣ. Оказалось, что это дѣйствительно турецкій кавалерійскій

отрядъ, конвоирующій нашего эрзерумскаго консула Обермиллера, оставившаго послучаю объявленія войны свой постъ. Турецкій конвой, увидя насъ, повернулъ назадъ и ускакалъ въ Карсъ.

Слѣдуя далѣе въ безмолвномъ ожиданіи и надеждѣ увидѣть скоро карсскія твердыни, отрядъ невольно прибавлялъ шагъ. Наконецъ, верстахъ въ 3-хъ отъ греческаго селенія Визинкея, городъ, со своими фортами, представился глазамъ, какъ на ладони. Во время непродолжительнаго привала явилась возможность, при помощи биноклей, разсмотрѣть всю карсскую равнину. Спустя не болѣе четверти часа, замѣчены были выходившія изъ Карса конныя толпы. Сѣвъ на коней, авангардъ двинулся впередъ рысью и, пройдя селеніе Визинкей, развернулъ вправо, по склону холмовъ, спускающихся въ карсскую равнину, цѣпь наѣздниковъ отъ 3-го и 4-го эскадроновъ, подъ командой штабсъ-капитана Дебогорій-Мокріевича и прапорщика князя Церетели. Наѣздники завязали перестрѣлку, а авангардъ продолжалъ движеніе къ селенію Капы-Кёй, гдѣ остановился на ночлегъ въ небольшой котловинѣ. Съ высотъ окружающихъ эту котловину видѣнъ былъ уже турецкій лагерь близь селенія Бозгала. Въ виду возможности появленія противника со всѣхъ сторонъ, аванпостная цѣпь была выдвинута вокругъ всего бивачнаго расположенія. Въ эту ночь рѣдко кому удалось заснуть: сильный холодъ исключалъ всякую возможность отдыха.

Передъ разсвѣтомъ, 17-го апрѣля, сѣверскій драгунскій и 2-й волгскій казачій полки, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, выступили форсированнымъ маршемъ на сообщенія Карса съ Эрзерумомъ для уничтоженія телеграфной линіи. Нижегородскій же полкъ, съ остальными частями кавалеріи, черезъ два часа послѣ ихъ выступленія, направился къ Владикарсу, чтобы въ случаѣ надобности поддержать ихъ и удержать непріятеля, еслибы онъ попытался отрѣзать ихъ. Съ разсвѣтомъ замѣчено было, что усмотрѣнный наканунѣ турецкій лагерь у Бозгала исчезъ—палатки были сняты.

Подойдя къ Владикарсу, старыя укрѣпленія котораго напоминали геройскіе подвиги нашихъ войскъ въ кампанію 1853—

1856 г.г., солдаты снимали кивера и крестились на могилы павшихъ при штурмѣ Карса. Остановивъ полкъ для привала, полковникъ Кельперъ поздравилъ эскадроны съ днемъ рожденія Государя Императора, выразивъ при этомъ убѣжденіе, что драгуны съумѣютъ порадовать Царя и сослужить службу Россіи. Неумолкаемое „ура" заглушило его дальнѣйшую рѣчь. Трубачи заиграли народный гимнъ въ виду Карса, гдѣ можно было видѣть въ бинокль необычное оживленіе, вѣроятно по случаю близкаго присутствія русскаго отряда.

Во время привала получено было отъ мѣстныхъ жителей подтвержденіе, что турецкій лагерь у Бозгала, замѣченный нами накануѣ, снятъ и что бывшіе въ немъ шесть баталіоновъ, подъ личнымъ начальствомъ Мухтара-паши, ушли къ соганлугскому хребту. Желая провѣрить показанія жителей и убѣдиться въ какомъ направленіи отступилъ непріятель, начальникъ кавалеріи князь Чавчавадзе немедленно выслалъ къ Соганлугу три сотни кизляро-гребенскаго казачьяго полка, подъ командою начальника штаба 1-й сводной кавалерійской дивизіи полковника Малама *), а затѣмъ, послѣ привала, выступилъ самъ со всею кавалеріею. Вскорѣ полковникъ Малама прислалъ достовѣрное донесеніе о томъ, что Мухтаръ-паша прошелъ черезъ селеніе Сойгутли, а потому кавалерія рысью направилась къ названному селенію и соединившись съ генералъ-маіоромъ Лорисъ-Меликовымъ, уже занявшимъ Сойгутли, продолжала слѣдовать за непріятелемъ, пока наступившая темнота не заставила остановиться на ночлегъ.

Три сотни кизляро-гребенскаго полка, подъ начальствомъ полковника Малама, всетаки безостановочно преслѣдовали непріятеля до самаго Соганлуга. Такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ отъ нихъ не было никакихъ извѣстій, хотя отъ начальника кавалеріи было послано приказаніе вернуться, то 4-му эскадрону капитана Кусова поздно ночью приказано было выступить къ Соганлугу и узнать, что съ ними случилось. Пройдя около десяти верстъ за аванпостную цѣпь, занимаемую 3-мъ эскадрономъ,

*) Нынѣ командиръ Нижегородскаго полка.

капитанъ Кусовъ встрѣтилъ двухъ казаковъ, ѣхавшихъ съ конвертомъ отъ полковника Малама и узнавъ отъ нихъ, что кизляро-гребенцы, послѣ незначительной перестрѣлки съ турками въ согаплугскомъ лѣсу, отступаютъ—возвратился съ эскадрономъ къ биваку. Утромъ 18-го апрѣля вся кавалерія двинулась въ обратный путь къ Владикарсу.

Форсированное движеніе съ 15-го числа сильно утомило людей и лошадей. Недостатокъ отдыха, фуража и провіанта становился слишкомъ ощутительнымъ. Отъ безпрерывнаго дождя, града и сильнаго вѣтра люди промокли и промерзли. Лошади ни разу не разсѣдлывались и не мало было набитыхъ. Однако всѣ эти невзгоды и лишенія были очень скоро забыты. Погода начала проясняться, а вмѣстѣ съ нею прояснились и физіономіи. Подходя къ Карсу всѣ окончательно оживились; вызваны были пѣсенники, заиграли всѣ хоры трубачей, послышались веселые разговоры, какъ будто грозная турецкая твердыня обѣщала всѣмъ самый теплый и уютный пріютъ. Когда голова колонны приблизилась къ переправѣ черезъ Карсъ-чай, впереди показались густыя массы турецкихъ войскъ, вышедшія изъ Карса съ очевидною цѣлью перерѣзать намъ путь. Не смотря на это, кавалерія продолжала движеніе и безпрепятственно переправилась черезъ рѣку по довольно глубокому броду, причемъ конная артилерія лихо вывозила свои орудія, совсѣмъ покрытыя водою. Такъ какъ лежащія впереди высоты были уже заняты непріятелемъ, то шедшая въ головѣ отряда 1-я кавказская кавалерійская дивизія, свернувъ съ дороги вправо, направилась къ капы-кёйскому ущелью. Но едва головныя части ея втянулись въ ущелье—баши-бузуки и черкесы, занявъ лѣвый гребень высотъ, открыли по нимъ ружейный огонь. Въ тоже время гранаты большого калибра стали разрываться вблизи нашего фронта все чаще и чаще. 1-я дивизія, ускоривъ аллюръ, рысью заняла правый гребень высотъ. При этомъ, лазаретный фургонъ тверскаго драгунскаго полка отсталъ отъ своей части и баши-бузуки, воспользовавшись этимъ, изрубили трехъ санитаровъ.

Нижегородскій полкъ, находясь въ головѣ 2-й дивизіи, про-

должалъ движеніе шагомъ подъ пушечными выстрѣлами. Но лишь только ущелье освободилось отъ частей 1-й дивизіи, полкъ рысью построился во взводныя эскадронныя колонны и, быстро перемѣнивъ фронтъ налѣво, карьеромъ взнесся на высоту, занятую баши-бузуками. Всѣ эскадроны, мгновенно спѣшившись, бросились въ цѣпь, оставивъ интервалъ для терской батареи, которая вслѣдъ за полкомъ въѣхала на позицію. Коноводы, подъ прикрытіемъ наѣздниковъ, спустились на косогоръ. Ошеломленные внезапнымъ налетомъ полка, баши-бузуки и черкесы бросились внизъ на равнину, а когда цѣпь открыла бѣглый огонь—они ускакали къ своей батареѣ. Вскорѣ остальные полки дивизіи пристроились за флангами нижегородцевъ, а затѣмъ ружейный огонь прекратился и началось любопытное состязаніе нашихъ четырехфунтовокъ съ турецкими орудіями большаго калибра. Офицеры и солдаты съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за паденіемъ снарядовъ, далеко не долетавшихъ до непріятеля, но когда командиръ батареи полковникъ Прозоркевичъ приказалъ для увеличенія дальности полета подрыть хоботы у своихъ лафетовъ, то очень скоро одно турецкое орудіе было подбито, а остальныя замолкли. Непріятель началъ отступать къ Карсу и бой прекратился.

Хотя во все время дѣла полкъ находился подъ сильнымъ ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ, тѣмъ не менѣе наша потеря была ничтожна: раненъ одинъ рядовой и убиты двѣ лошади. Счастье очевидно благопріятствовало намъ, такъ какъ турецкія гранаты, разрываясь въ самой срединѣ фронта, не причиняли никакого вреда.

Когда смерклось, полкъ, съ остальными частями дивизіи, спустился съ занятой высоты, и, оставивъ на ней одинъ взводъ въ видѣ пикета, расположился на ночлегъ у сел. Каны-Кёй. Въ эту ночь опять пришлось не разсѣдлывать лошадей и остаться безъ фуража, сухарей и воды.

2-й дивизіонъ, подъ начальствомъ командира полка, отправленъ былъ къ лежащей впереди позиціи деревнѣ Азатъ-кевъ, съ цѣлью прикрыть бивакъ кавалеріи. Проникнувъ въ эту деревню, не занятую непріятелемъ, полковникъ Кельнеръ выдвинулъ впередъ

3-й эскадронъ, который, возвратившись, подтвердилъ извѣстіе о полномъ отступленіи турокъ въ Карсъ.

Передъ разсвѣтомъ вся кавалерія выступила изъ Капы-кёй по дорогѣ черезъ Магараджикъ къ Визинкею. Нижегородскому полку приказано было выждать на капы-кёйскихъ высотахъ, пока 1-я дивизія съ артилеріею и обозами дойдетъ до Магараджика, а затѣмъ, снявшись съ позиціи, слѣдовать по той же дорогѣ. въ арріергардѣ. Хотя людямъ и лошадямъ крайне необходимъ былъ отдыхъ, тѣмъ не менѣе пришлось сдѣлать новый трудный переходъ по каменистымъ тропинкамъ и оврагамъ. 3-й взводъ 4-го эскадрона, подъ командой прапорщика барона де-Форжета, высланъ былъ на полверсты назадъ, чтобы прикрыть движеніе арріергарда. Баши-бузуки вздумали потревожить взводъ, но одной команды „шашки вонъ" было достаточно, чтобы заставить ихъ отхлынуть. Когда же взводъ бросился отбить у нихъ милиціонера, отставшаго отъ отряда на израненой лошади и захваченнаго ими, то они, не выдержавъ натиска, ускакали назадъ. Преслѣдуя ихъ, прапорщикъ де-Форжетъ, въ свою очередь, принужденъ былъ отступить въ виду турецкаго кавалерійскаго отряда, наступавшаго по дорогѣ.

Во время привала, въ сел. Магараджикъ, оказалось возможнымъ купить у жителей сѣно и ячмень. Выкормивъ лошадей и наполнивъ саквы, полкъ двинулся дальше, такъ какъ вдали снова показались турецкія колонны, очевидно желавшія обойти насъ. Подходя къ Визинкею, вся кавалерія стянулась для встрѣчи корпуснаго командира, прибывшаго въ Визинкей съ бригадою кавказскихъ гренадеръ. Подъѣхавъ къ отряду, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ благодарилъ всѣхъ за понесенные труды и славный рейдъ, причемъ видимо былъ доволенъ прекраснымъ, бодрымъ видомъ людей, послѣ такого утомительнаго движенія, сопряженнаго со всевозможными лишеніями. 4-ре знака отличія военнаго ордена четвертой степени, пожалованные въ полкъ, выданы были эскадроннымъ вахмистрамъ: Казначейскому, Лецкусу, Клюшникову и унтеръ-офицеру 3-го эскадрона Ильину, такъ какъ вахмистръ этого эскадрона Плетеницкій уже имѣлъ двѣ степени

знака за кавказскую войну. Проводивъ корпуснаго командира, полкъ, съ музыкой и пѣсенниками, направился къ предназначенному биваку, гдѣ расположилась вся кавалерія и гренадерская бригада съ своею артилеріею.

Разбивъ коновязи и убравъ лошадей, люди начали варить себѣ пищу въ котелкахъ, добывъ мясо и сухари у гренадеръ, маркитанты которыхъ снабдили полкъ также водкою. Чарка водки и горячій супъ живо подбодрили солдатъ, забывшихъ свою усталость. До поздняго вечера раздавались пѣсни и музыка. На слѣдующій день прибылъ обозъ и фургоны полковаго маркитанта, но послѣдній почему то не пріѣхалъ, а потому вся кладка его была свалена въ кучу и офицеры сами начали продавать солдатамъ, по таксѣ, все необходимое.

Вечеромъ генералъ Гейманъ, потребовавъ къ себѣ полковаго адъютанта, отдалъ полку приказаніе снять кивера—по выраженію генерала „горшки"—и надѣть фуражки. Къ сожалѣнію, фуражекъ не оказалось, такъ какъ ихъ оставили въ штабъ-квартирѣ, и потому всю кампанію нижніе чины продолжали носить кивера; офицеры же выходили въ строй въ фуражкахъ и безъ лядунокъ.

Такимъ образомъ, выступивъ изъ Кюльверана на ночь 15-го апрѣля, полкъ возвратился въ Визинкей 19-го числа, пройдя въ это время 130-ть верстъ и ни на минуту не разсѣдлывая лошадей.

Такіе переходы кавалеріи, конечно, далеко еще нельзя называть усиленными, но движеніе къ Согаплугу прочно врѣзалось въ нашей памяти, такъ какъ въ минувшую войну это былъ первый военный походъ со всѣми неизбѣжными трудами и лишеніями. Холодъ и почти безпрерывный дождь были тѣмъ болѣе невыносимы, что за неимѣніемъ дровъ въ этой совершенно безлѣсной мѣстности, невозможно было пользоваться бивачными огнями. Кизяки тоже попадались рѣдко. Горячей пищи небыло, воды на ночлегахъ мало и нерѣдко дурнаго качества. Послѣдніе два дня лошади были почти совсѣмъ безъ зерна и водопоя. При всемъ томъ отрадно было видѣть, что солдаты, даже молодые, бодро переносили всѣ лишенія, заболѣвшихъ и отставшихъ не было—сознаніе долга видимо

укрѣпляло и одушевляло всѣхъ.

Стоянка въ Визинкеѣ тоже дурно повліяла на лошадей. За неимѣніемъ проточной воды, приходилось поить ихъ грязно-мутной водой изъ большаго пруда, въ самомъ селеніи. Всѣ нечистоты стекали въ этотъ прудъ и жители купали въ немъ свой скотъ. Нѣсколько случаевъ глазныхъ и другихъ болѣзней у лошадей скоро доказали весь вредъ этого водопоя. Люди тоже пили эту воду. Къ счастью, скоро пришлось покинуть это селеніе.

23-го апрѣля, въ 5-ть часовъ вечера, 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, 1-й и 2-й волгскіе казачьи полки, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, выступили изъ Визинкея на югъ. 2-й дивизіонъ, вернувшись вечеромъ съ аванпостовъ, получилъ приказаніе, не разсѣдлывая, догнать 1-й дивизіонъ. Никто не зналъ цѣли этого труднаго ночнаго движенія по скалистымъ тропинкамъ, болотамъ и оврагамъ. Лошади спотыкались, теряли подковы, рѣзали ноги о камни и ледъ. Послѣ суточной аванпостной службы, промокшіе отъ дождя, безъ пищи и отдыха, люди до такой степени утомились, что засыпали на лошадяхъ. Ночь была темная и только въ 2 часа выпавшій снѣгъ позволилъ легче различать дорогу. Къ разсвѣту отрядъ началъ спускаться по глубокому оврагу къ деревнѣ Зибни, возлѣ которой остановился для отдыха. Восходящее солнце нѣсколько обогрѣло и обсушило насъ, а въ деревнѣ оказалось возможнымъ, за невѣроятно, впрочемъ, дорогую плату, накормить лошадей и себя подкрѣпить пищею. Черезъ три часа полкъ выступилъ дальше, имѣя сзади оба казачьи полка. Вскорѣ отрядъ подошелъ къ длинному крутому спуску въ долину Аракса и взорамъ нашимъ представилась живописная картина: внизу, въ зеленѣющемся ущелья, Араксъ, съ быстротою горнаго потока, катилъ свои прозрачныя волны, а вдали за нимъ виднѣлись сады, въ роскошной растительности которыхъ утопали разбросанныя селенія. Глаза наши, утомленные однообразнымъ видомъ голыхъ скалъ, отдыхали, глядя на этотъ цвѣтущій уголокъ. Оставалось спуститься еще 1½ версты и мы вступали въ оазисъ, гдѣ въ полномъ смыслѣ слова уже царствовало лѣто. Остановившись на краю спуска, полкъ спѣ-

шился и началъ спускаться справа по одному, по узкой каменистой тропинкѣ. Напоивъ внизу лошадей, мы двинулись дальше и около 4-хъ часовъ пополудни встрѣтили депутацію отъ кочевниковъ-куртинъ, прибывшихъ изъявить свою покорность.

Подойдя къ сел. Керсъ и занявъ пикетами выходы изъ ущелій, отрядъ расположился на ночлегъ. На слѣдующій день, въ пять часовъ утра, мы выступили дальше къ гор. Кагызману, занятому уже летучимъ отрядомъ полковника графа Граббе. Вскорѣ городъ—конечная цѣль нашего движенія—представился намъ, на горномъ плато, окруженный весь зеленью.

Подойдя къ мосту съ пѣснями и музыкою, мы привѣтствовали части войскъ, расположенныя на другомъ берегу Аракса, а затѣмъ, не доходя до города, остановились на отдыхъ. Начальникъ дивизіи генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, взявъ двѣ сотни казаковъ и нашъ 2-й эскадронъ съ трубачами, направился въ городъ вводить русское управленіе. Всѣмъ желающимъ офицерамъ разрѣшено было также ѣхать въ городъ. Прекрасная погода, обиліе провизіи и фуража заставили скоро забыть о трудномъ переходѣ по горамъ. Летучій отрядъ, уходя изъ Кагызмана, оставилъ въ городѣ 4 сотни кавказскаго казачьяго полка, съ которыми мы выступили обратно въ тотъ же день, послѣ обѣда. Движеніе по другой, лучшей дорогѣ и, притомъ, въ хорошую погоду было теперь далеко не такъ затруднительно. Перепочевавъ въ сел. Кемерли, отрядъ на другой день, 26-го числа, прибылъ въ Хаджи-Халиль. Здѣсь голодъ и холодъ опять напомнили о себѣ. Въ селеніи невозможно было достать ничего съѣстного, такъ какъ жители очевидно не хотѣли ничего продавать. Когда же одинъ солдатъ 3-го эскадрона поймалъ курицу, то немедленно подана была жалоба и начальникъ дивизіи генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ хотѣлъ за это предать суду командира эскадрона.

Обстоятельство это, обрисовывая весьма наглядно гуманныя чувства нашихъ начальниковъ, въ тоже время невольно вызывало сравненія нашего образа дѣйствій съ тѣмъ, какой практиковался нѣмцами во Франціи, въ 1870-мъ году.

Изъ Хаджи-Халиля отрядъ выступилъ 27-го апрѣля и въ тотъ

же день прибылъ въ Визинкей, пройдя въ послѣдніе четыре дня 140 верстъ. Послѣ дневки, весь отрядъ передвинулся къ главнымъ силамъ у Заима, оставивъ въ Халифъ-Оглы одинъ казачій полкъ для занятія аванпостовъ. Вся кавалерія расположилась бивакомъ на берегу Карсъ-чая и намъ предоставленъ былъ десятидневный отдыхъ для поправки лошадей. Подвезенный фуражъ, сѣно, хорошій водопой и полный отдыхъ возстановили, мало-по-малу, силы изнуренныхъ лошадей. Хозяйственная часть въ полку, воспользовавшись этимъ временемъ, распорядилась доставкой изъ александропольскихъ складовъ необходимыхъ вещей, подковъ, потниковъ и, такимъ образомъ, все приведено было въ порядокъ для дальнѣйшихъ движеній.

4-го мая, въ 10-ть часовъ утра, пушечные выстрѣлы со стороны Карса подняли на ноги весь лагерь. Дежурный сѣверскій полкъ двинулся рысью на выстрѣлы. Никто не зналъ причины тревоги, но вскорѣ объяснилось, что конная бригада дагестанской милиціи, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора князя Челокаева, бывшаго нижегородца, посланная на рекогносцировку къ Карсу, завязала горячее дѣло съ турецкою кавалеріею, вышедшею изъ крѣпости въ превосходномъ числѣ. Дѣло уже дошло до рукопашной схватки, но непріятель, увидя наши колонны, спѣшившія къ мѣсту боя, ускакалъ назадъ, преслѣдуемый дагестанцами. Послѣдніе потеряли въ этотъ день до ста человѣкъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ своего начальника, генералъ-маіора князя Челокаева, умершаго вскорѣ отъ раны.

На другой день, 5-го, и затѣмъ 9-го мая полкъ входилъ въ составъ отрядовъ, посылаемыхъ на рекогносцировки подступовъ къ Карсу, въ виду предстоящей блокады крѣпости. Во время этихъ рекогносцировокъ непріятель не выказывалъ намѣренія противодѣйствовать намъ, не обмѣнялся даже ни однимъ выстрѣломъ.

9-го мая вся кавалерія вышла навстрѣчу корпусному командиру, для поздравленія его съ взятіемъ Ардагана. Подъѣхавъ къ Нижегородскому полку, и, по обыкновенію своему, ласково привѣтствуя людей, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, между прочимъ, порадовалъ полкъ слѣдующими словами: „нижегородцы, вы,

конечно, хотите дѣла—я вамъ скоро доставлю его".

12-го мая, 2-я кавказская кавалерійская дивизія, съ 2-мъ дивизіономъ нижегородцевъ, выступила, подъ командой генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, изъ Занма на Хаджи-Халиль и далѣе, съ цѣлью служить передовымъ отрядомъ для главныхъ силъ, имѣющихъ вслѣдъ за симъ двинуться для блокады Карса.

1-й же дивизіонъ Нижегородскаго полка, оставшійся въ Занмѣ, долженъ былъ присоединиться къ дивизіи черезъ нѣсколько дней, конвоируя начальника кавалеріи. Выступивъ въ два часа послѣ обѣда, съ полнымъ обозомъ, дивизія дошла безпрепятственно до Халифъ-Оглы, гдѣ, какъ сказано выше, расположенъ былъ казачій полкъ, занимающій аванпосты. Такъ какъ ночлегъ въ Халифъ-Оглы, за недостаткомъ воды, былъ неудобенъ, то на слѣдующій день, 13-го мая, всѣ съ удовольствіемъ поднялись, чтобы слѣдовать дальше. Въ 7-мь часовъ утра лагерь былъ снятъ и, лишь только весь обозъ вытянулся по дорогѣ въ селеніе Магараджикъ, отрядъ тронулся, имѣя 2-й дивизіонъ нижегородцевъ въ авангардѣ. Обѣ конныя батареи, состоящія при дивизіи, слѣдовали подъ прикрытіемъ сѣверскаго драгунскаго полка и казаковъ, а александропольскій конно-иррегулярный полкъ составлялъ арріергардъ отряда.

Вслѣдствіе медленнаго движенія обоза отрядъ подошелъ къ Магараджику только въ два часа дня. Между тѣмъ, здѣсь предстояло всей дивизіи переправиться черезъ каменистый оврагъ, почти непроходимый для артилеріи и обоза. Во время непродолжительнаго привала на краю оврага, вдругъ показался непріятель, вышедшій изъ Карса.

Густыя массы кавалеріи, преимущественно изъ кавказскихъ горцевъ, въ числѣ около 3000 человѣкъ, стали приближаться къ нашему расположенію. Начальникъ дивизіи приказалъ обозу немедленно подтянуться, а головной его части начать переправу. Пока дивизія перестраивалась въ боевой порядокъ, хлынулъ проливной дождь и вскорѣ вся мѣстность покрылась водою, а ручей въ оврагѣ превратился въ бѣшеный потокъ. Переправа обоза становилась невозможною.

Необходимо было, во что бы то ни стало, остановить непріятеля, смѣло наступающаго, подъ покровительствомъ сильнаго огня своихъ дальнобойныхъ батарей. Немедленно сдѣланы были соотвѣтствующія распоряженія: терская конная батарея, подъ прикрытіемъ сѣверскаго драгунскаго полка, расположилась въ центрѣ позиціи, фронтомъ къ Карсу. Правѣе и рядомъ съ нею выстроилась кубанская батарея, прикрываемая кизляро-гребенскимъ полкомъ, выславшимъ одинъ дивизіонъ въ цѣпь по фронту позиціи, и 2-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка, на крайнемъ правомъ флангѣ. 2-й волгскій казачій полкъ, быстро переправившись черезъ оврагъ, расположился на той сторонѣ, выславъ сильную цѣпь наѣздниковъ вправо, для поддержанія связи съ 1-мъ волгскимъ полкомъ, составлявшимъ нашъ лѣвый флангъ, по сю сторону оврага. Уступомъ за нижегородскимъ дивизіономъ сталъ александропольскій конно-иррегулярный полкъ, для наблюденія за дорогою въ Халифъ-Оглы. Обѣ батареи, снявшись съ передковъ, открыли огонь по турецкой кавалеріи, наступающей съ фронта. Въ то же время вызваны были впередъ сотня 1-го волгскаго полка и 1-й эскадронъ сѣверскаго. Послѣдній, спѣшившись, занялъ цѣпью скалистый кряжъ, лежащій впереди позиціи, и открылъ ружейный огонь, а казаки, спустившись на равнину, мѣткимъ огнемъ изъ берданокъ два раза отразили атаку налетѣвшихъ на нихъ турокъ, послѣ чего, вскочивъ на лошадей, бросились въ шашки.

Такимъ образомъ, попытки непріятеля атаковать насъ оказались неудачными. Тѣмъ не менѣе, положеніе наше было весьма затруднительно. Скученныя на небольшой площадкѣ войска, не имѣя возможности развернуться, сильно терпѣли отъ убійственнаго огня непріятельской артилеріи. Суматоха и безпорядокъ въ обозѣ увеличивались отъ попадавшихъ гранатъ. Фургоны разгружались и люди на себѣ переносили тяжести. Выгруженныя повозки съ трудомъ перевозились на лямкахъ, или съ помощью припряжки кавалерійскихъ лошадей. Вѣтеръ, дождь и грязь еще болѣе утомляли людей.

Непріятель, испытавъ неудачу фронтальной атаки, нѣкоторое время ограничивался канонадой, но вскорѣ, охвативъ нашъ пра-

вый флангъ, обнаружилъ намѣреніе отрѣзать насъ отъ Халифъ-Оглы. Взобравшись на каменистыя высоты противъ нашего праваго фланга и укрывшись за природными завалами, турки осыпали нашъ нижегородскій дивизіонъ градомъ пуль изъ своихъ магазинокъ. Въ тоже время артилерія ихъ также сосредоточила свой огонь противъ нашего праваго фланга. Впрочемъ, гранаты не причиняли намъ вреда; одна только попала въ 3-й взводъ 4-го эскадрона. Командиръ эскадрона капитанъ Кусовъ, спросивъ у вахмистра нѣтъ ли раненыхъ, получилъ отрицательный отвѣтъ; но подъѣхавъ ближе къ взводу, замѣтилъ струившуюся кровь на шинели рядоваго Зайцева.

Оказалось, что правая рука у Зайцева была оторвана. Послѣ перевязки, перенесенной совершенно спокойно, онъ умолялъ, чтобы его не отправляли въ госпиталь, а оставили въ полковомъ околодкѣ. Когда его привезли на перевязочный пунктъ, то бывшій при обозѣ рядовой изъ штрафованныхъ Аксеновъ, схвативъ его лошадь и ружье, безъ разрѣшенія прискакалъ въ эскадронъ на его мѣсто, умоляя позволить ему остаться въ дѣлѣ.

Между тѣмъ, ружейный огонь турокъ во флангъ нашъ становился слишкомъ чувствительнымъ: оказывались раненые люди и лошади. Необходимо было выбить турокъ, засѣвшихъ за камнями, но дивизіонъ, не получая никакихъ приказаній, оставался прикованнымъ къ батареѣ. При такихъ условіяхъ, командиръ дивизіона маіоръ Наврузовъ приказалъ 4-му взводу 4-го эскадрона спѣшиться и, перемѣнивъ фронтъ направо, начать наступленіе. Взводъ, подъ командой поручика князя Церетели, быстро спѣшившись, бросился въ цѣпь и затѣмъ продолжалъ наступленіе бѣгомъ. Въ тоже время командиръ кизляро-гребенскаго полка подполковникъ Клементовъ—бывшій нижегородецъ—спѣшивъ оставшійся у него дивизіонъ, началъ наступать лѣвѣе драгунъ.

Непріятель участилъ огонь. Видя ничтожность силъ драгунскаго взвода и гребенцовъ, кубанская батарея выдѣлила два орудія, подъ командою сотника Албановича, который, быстро догнавъ лѣвый флангъ цѣпи, снялся съ передковъ и открылъ учащенный огонь картечью. Непріятель, угрожаемый штыковой схваткой и

поражаемый картечью, не выдержалъ атаки. Повернувъ назадъ, турки бѣгомъ спустились съ высоты, послѣ чего ружейный огонь прекратился и только батареи обмѣнивались еще выстрѣлами. При наступленіи сумерекъ турецкія батареи замолчали и бой прекратился. Въ этомъ дѣлѣ убыль въ нижегородскомъ дивизіонѣ была слѣдующая: нижнихъ чиновъ—убитъ одинъ, ранено восемь, изъ нихъ двое очень тяжело; лошадей убито двѣ, ранено три. Въ ожиданіи ночнаго нападенія коновязи не разбивались, а приказано было, оставаясь на своихъ мѣстахъ, держать лошадей въ поводу и выслать впередъ секреты.

Подъ холоднымъ дождемъ, безъ пищи, фуража и воды пришлось провести эту ночь. Обозъ переправлялся черезъ оврагъ при свѣтѣ факеловъ и фонарей. Когда уже совершенно разсвѣло, переправился обозъ нижегородскаго дивизіона, а вслѣдъ за нимъ батареи, снявшись съ позиціи, направились къ спуску. Къ 12-ти часамъ дня уже весь отрядъ вытянулся на той сторонѣ, по дорогѣ въ Хаджи-Халиль.

Обозъ слѣдовалъ подъ прикрытіемъ казаковъ, а батареи—подъ прикрытіемъ сѣверскаго полка. Нижегородцы, переправившись послѣ всѣхъ, составили арріергардъ отряда. Разстояніе до Хаджи-Халиль пройдено было безъ затрудненій: непріятель нигдѣ не показывался и дорога для колеснаго обоза была сносная. Вслѣдствіе донесенія лазутчиковъ, что непріятельскія войска собираются у селенія Кягачъ, отрядъ расположился бивакомъ впереди Хаджи-Халиль, на позиціи выбранной для принятія боя въ случаѣ нападенія. Въ это время дождь опять полилъ съ новою силою и уже не прекращался въ теченіе нѣсколькихъ дней. Весь бивакъ покрылся жидкою грязью, а вода въ канавахъ сдѣлалась до того мутною, что лошади не могли пить ее. На слѣдующій день прибылъ въ Хаджи-Халиль начальникъ кавалеріи князь Чавчавадзе съ первымъ дивизіономъ полка; а 17-го мая подошла кавказская гренадерская дивизія и пріѣхалъ командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ. Выразивъ въ самыхъ теплыхъ словахъ свою благодарность нижегородскому дивизіону за дѣло 13-го мая, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, въ тоже время, на-

градилъ георгіевскими крестами наиболѣе отличившихся нижнихъ чиновъ. Вахмистру 3-го эскадрона Плетеницкому пожалованъ былъ золотой крестъ.

Между тѣмъ, у насъ имѣлись уже положительныя свѣдѣнія, что почти вся турецкая кавалерія, подъ начальствомъ извѣстнаго паши Муса-Кундухова, сосредоточилась у сел. Кягачъ, съ цѣлью сдѣлать на насъ нападеніе. Въ тоже время и у насъ принято было рѣшеніе атаковать лагерь Кундухова. Такимъ образомъ, обѣ стороны одновременно готовились къ столкновенію, которое послѣдовало въ ту же ночь.

Въ 5-ть часовъ вечера получено было отъ начальника кавалеріи приказаніе снять лагерь и приготовиться къ выступленію; а часа черезъ два, послѣ ужина, кавалерія начала уже вытягиваться въ походную колонну по дорогѣ въ Ардостъ. Движеніе по каменистой и пересѣченной мѣстности было дотого затруднительно, что голова колонны подошла къ Ардосту только въ десять часовъ и пройдя это селеніе была остановлена, чтобы дать возможность стянуться отставшимъ частямъ. Почти въ тоже время, внезапно, показались огни непріятельскихъ костровъ близъ селенія Бегли-Ахметъ—верстахъ въ семи впереди. Пока начальникъ кавалеріи отдавалъ приказаніе командирамъ отдѣльныхъ частей, офицеры Нижегородскаго полка, собравшись въ группы, съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія полковника Кельнера, чтобы узнать, рѣшено ли нападеніе въ эту ночь. Передъ нами была лучшая турецкая конница, преимущественно изъ кавказскихъ горцевъ, и нѣсколько регулярныхъ эскадроновъ сувари, а потому понятно съ какимъ любопытствомъ всѣ ожидали столкновенія.

Возвратившись отъ начальника кавалеріи, полковникъ Кельнеръ сообщилъ, что нападеніе рѣшено произвести передъ разсвѣтомъ. Сущность диспозиціи заключалась въ слѣдующемъ: кавалерія наступаетъ на Бегли-Ахметъ тремя колоннами. Средняя, состоящая изъ Нижегородскаго драгунскаго и 1-го волгскаго казачьяго полковъ, при 12-ти конныхъ орудіяхъ, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе, черезъ часъ послѣ захожденія луны, наступаетъ прямо на селеніе для рѣшительнаго удара. Боко-

выя колонны выступаютъ немедленно въ обходъ обоихъ флаговъ непріятельскаго расположенія, причемъ лѣвая—въ составѣ 2-го волгскаго казачьяго, горско-кабардинскаго и 2-го дагестанскаго конно-иррегулярныхъ полковъ, подъ командою полковника князя Эристова, предназначается для прегражденія непріятелю пути отступленія на Соганлугъ, а правая, состоящая изъ сѣверскаго драгунскаго, · кавказскаго и 2-го кизляро-гребенскаго казачьихъ полковъ, при 4-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова—для одновременной атаки съ первою колонною, со стороны большой карсской дороги.

При всей своей простотѣ, диспозиція эта не была выполнена и вся тяжесть боя обрушилась на Нижегородскій полкъ.

III.

Дѣло при селеніи Бегли-Ахметъ. Движеніе войскъ къ Карсу для блокады этой крѣпости. Дѣло при Аравартанѣ 3-го іюня. Первый походъ за Соганлугъ. Сраженіе при Зивинѣ.

Въ два часа ночи, послѣ захожденія луны, въ полной тишинѣ двинулась средняя колонна, имѣя впереди 1-й волгскій казачій полкъ, а за нимъ Нижегородскій драгунскій, съ конными орудіями между дивизіонами. Только стукъ колесъ и фыркапіе лошадей могли обнаружить наше движеніе въ такую темную ночь. Направляясь прямо на костры, мы замѣчали какъ пламя ихъ постепенно угасало, что могло служить признакомъ полнаго спокойствія и глубокаго сна въ турецкомъ лагерѣ. Пройдя верстъ пять, колонна спустилась въ лощину и вскорѣ подошла къ подножію

довольно отлогой возвышенности, скрывшей отъ глазъ бивачные огни. Здѣсь начальникъ кавалеріи приказалъ остановиться, чтобы дать фланговымъ колоннамъ возможность подойти своевременно.

Оставалось не болѣе двухъ или трехъ верстъ до лагеря, а непріятель не обнаруживалъ никакихъ признаковъ бдительности. Въ это время, общее опасеніе, чтобы какая либо изъ фланговыхъ колоннъ не поспѣшила преждевременной атакой, къ сожалѣнію, оправдалось. Выстрѣлы послышались со стороны лѣвой колонны, которая, какъ оказалось, была въ верстѣ отъ средней и нѣсколько впереди ея. Видя, что движеніе наше открыто непріятелемъ, князь Чавчавадзе выслалъ на выстрѣлы 1-й волгскій казачій полкъ, а нижегородцамъ приказалъ слѣдовать съ артиллеріею дальше. Подвигаясь впередъ по лощинѣ въ такомъ направленіи, что сел. Бегли-Ахметъ, скрытое за возвышенностью, оставалось впереди и нѣсколько вправо, Нижегородскій полкъ построился во взводныя эскадронныя колонны, а батарея заняла интервалъ между дивизіонами. При этомъ построеніи, обычный порядокъ размѣщенія эскадроновъ по нумерамъ былъ нарушенъ тѣмъ, что 2-й дивизіонъ, по условіямъ мѣстности, пристроился правѣе перваго.

Въ такомъ порядкѣ весь полкъ продолжалъ наступленіе къ лагерю; но вскорѣ начальникъ кавалеріи приказалъ первому дивизіону заѣхать налѣво и тоже идти на выстрѣлы. Поднявшись рысью на возвышенность, и пройдя отступавшую уже спѣшенную цѣпь 1-го волгскаго казачьяго полка, первый дивизіонъ понесся полнымъ карьеромъ, хотя страшная темнота ночи не позволяла въ десяти шагахъ различать предметы. Проскакавъ около двухъ верстъ, дивизіонъ вынужденъ былъ остановиться, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля. Вѣроятно горцы, оттѣснивъ лѣвую колонну, успѣли ускакать къ своей главной массѣ, расположенной у самаго селенія. Между тѣмъ, второй дивизіонъ полка, слѣдуя безостановочно по лощинѣ, подошелъ къ возвышенности, занятой главными силами Кундухова. Грохотъ ружейной пальбы раздавался уже по всему фронту непріятеля; послышались также пушечные выстрѣлы и нѣсколько гранатъ прошипѣли надъ головами ниже-

городцевъ. Наша батарея, въ свою очередь, сдѣлала одинъ или два выстрѣла, но сейчасъ же прекратила огонь, изъ опасенія поражать въ темнотѣ своихъ. Вскорѣ, однако, огонь началъ повсемѣстно ослабѣвать и, наконецъ, почти совсѣмъ прекратился. Изрѣдка лишь раскаты безпорядочныхъ залповъ, нарушая тишину ночи, обнаруживали присутствіе непріятеля. Казалось, все дѣло сводится къ пустой, безцѣльной перестрѣлкѣ, какъ вдругъ одинъ, внезапно раздавшійся выстрѣлъ, послужилъ сигналомъ къ отчаянной рѣзнѣ. Дѣло въ томъ, что начальникъ кавалеріи князь Чавчавадзе, ѣхавшій все время впереди второго дивизіона, отдѣлился слишкомъ далеко отъ фронта нижегородцевъ и, увидя какую то конную толпу—громко окликнулъ: „какая это часть?“ Въ отвѣтъ послѣдовалъ выстрѣлъ отъ подскакавшаго къ нему всадника. Убѣдившись, такимъ образомъ, что темнѣющія вблизи массы—непріятель, князь Чавчавадзе приказалъ 3-му эскадрону идти въ атаку. Приказаніе это было исполнено моментально. Выстроивъ фронтъ направо, эскадронъ, по командѣ своего командира маіора Витте, съ громкимъ крикомъ „ура“, съ мѣста бросился карьеромъ.

Конныя толпы черкесовъ не выдержали удара и ускакали назадъ, но спѣшенныя ихъ части попали подъ шашки эскадрона, который, увлекшись, все сметалъ съ дороги, обозначая свой путь множествомъ непріятельскихъ труповъ. Охваченный вдругъ конными толпами слѣва, эскадронъ, быстро перемѣнивъ фронтъ, врубился въ конную толпу. Черкесы и здѣсь не выдержали удара—бросились назадъ, но эскадронъ, несмотря на сильный ружейный огонь съ праваго фланга, насѣлъ на нихъ и началъ буквально косить, какъ траву. Видя вокругъ себя подавляющія силы, бросаясь во всѣ стороны, эскадронъ всюду вносилъ страшныя опустошенія. Тѣмъ не менѣе, бѣгущія толпы смѣнялись новыми; казалось, конца не будетъ побоищу. Здѣсь невольно навязывается вопросъ: что было бы, еслибы въ эту минуту остальные три эскадрона нижегородцевъ были введены въ дѣло? Какой ужасный образчикъ безпощадной кавалерійской свалки внесла бы въ свою лѣтопись послѣдняя война!

Остановивъ, наконецъ, утомленный эскадронъ, маіоръ Витте

успѣлъ собрать людей, повѣрить ряды и приготовиться къ новой атакѣ, но такъ какъ непріятель впереди фронта началъ отходить уже, то возвратился съ эскадропомъ къ батареѣ.

Пришла очередь дѣйствовать четвертому эскадропу. Услышавъ вновь возобновившуюся перестрѣлку, почти въ томъ же направленіи, гдѣ только-что дѣйствовалъ маіоръ Витте, начальникъ кавалеріи приказалъ выслать туда четвертый эскадронъ капитана Кусова. Во время атаки третьяго эскадрона, четвертый эскадронъ оставался при батареѣ, выславъ впередъ на незначительное разстояніе неразсыпанныхъ наѣздниковъ, подъ командою поручика князя Церетели 1-го. Получивъ отъ командира дивизіона маіора Наврузова приказаніе начальника кавалеріи идти въ атаку, капитанъ Кусовъ повелъ свой эскадронъ рысью, но видя медленное движеніе наѣздниковъ, поскакалъ къ нимъ узнать о причинѣ задержки.

Оказалось, что наѣздники слышали за ближайшимъ бугромъ какой-то разговоръ, а когда маіоръ Наврузовъ приказалъ князю Церетели узнать кто тамъ находится, то офицеръ этотъ, поднявшись на бугоръ, замѣтилъ бѣлую чалму и громко крикнулъ: „здѣсь непріятель“. Раздавшійся вслѣдъ затѣмъ залпъ подтвердилъ слова князя Церетели. Въ отвѣтъ на залпъ сверкнули шашки и въ ту же минуту четвертый эскадронъ, съ капитаномъ Кусовымъ воглавѣ, врубился въ громадную толпу. Драгуны и горцы смѣшались въ общую массу и началась свирѣпая рубка, но послѣ непродолжительнаго, хотя отчаяннаго сопротивленія, горцы обратились въ безпорядочное бѣгство. Налетъ эскадрона былъ дотого стремителенъ, что прапорщикъ баронъ де-Форжетъ, скакавшій впереди взвода на рѣзвомъ конѣ, не могъ остановить его въ моментъ удара и, углубившись далеко въ толпу, былъ изрубленъ. Нѣсколько горцевъ, соскочивъ съ лошадей, хотѣли уже добить его, но рядовые Морозовъ и Башковъ изрубили ихъ и отняли своего офицера, умершаго, впрочемъ, отъ ранъ вскорѣ послѣ дѣла. При этой атакѣ, подъ капитаномъ Кусовымъ убита была лошадь, но рядовой Сидоровъ подвелъ ему свою, а самъ, примкнувъ штыкъ, пошелъ за эскадропомъ пѣшкомъ

Преслѣдуя непріятеля, рубя его безпощадно, эскадронъ на-

летѣлъ на главныя силы Кундухова, смялъ ихъ и, захвативъ два горныхъ орудія, понесся дальше, продолжая истребленіе. Ни упорное сопротивленіе, ни отчаянная храбрость горцевъ при защитѣ своихъ орудій, не спасли ихъ отъ полнаго погрома. Началось поголовное бѣгство. Видя, что эскадронъ зарывается, маіоръ Наврузовъ, остановившись съ вѣстовымъ и трубачемъ при захваченныхъ орудіяхъ, послалъ просить помощи у казаковъ, а затѣмъ поспѣшилъ къ эскадрону, ускакавшему далеко впередъ, съ громкимъ, по всему полю разносившимся крикомъ „ура“. Услышавъ голосъ Наврузова, просящаго подкрѣпленій, начальникъ кавалеріи выслалъ къ нему первый эскадронъ капитана Тетюцкаго, находившійся при батареѣ, которая съ началомъ атаки четвертаго эскадрона отошла подъ прикрытіе перваго дивизіона.

Произведя атаку на протяженіи двухъ верстъ, капитанъ Кусовъ остановилъ эскадронъ, чтобы собрать людей, такъ какъ уже начало разсвѣтать, а горцы, замѣтивъ изолированное положеніе эскадрона, легко могли атаковать его со всѣхъ сторонъ, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ. Зная, что непріятель не упуститъ случая отомстить за свое жестокое пораженіе, капитанъ Кусовъ отправилъ раненыхъ съ поручикомъ княземъ Церетели назадъ и приготовился дать надлежащій отпоръ. Дѣйствительно, преслѣдуемые горцы, переправившись черезъ оврагъ, поднялись уже на возвышенность, по ту сторону оврага, но замѣтивъ, что эскадронъ остается внизу безъ всякой поддержки, начали съѣзжать съ высоты, съ цѣлью напасть на него. Въ эту минуту показалась запоздавшая колонна генералъ-маіора Лорисъ-Меликова. Опасаясь быть атакованными съ тыла, горцы очистили высоту и ускакали къ сел. Кягачъ, а эскадронъ безпрепятственно отошелъ назадъ Пройдя полверсты, капитанъ Кусовъ встрѣтилъ первый эскадронъ, спѣшившій къ нему на помощь, но надобности въ этомъ уже не было.

Такъ кончилось это лихое кавалерійское дѣло, слава котораго всецѣло принадлежитъ нижегородцамъ и ихъ доблестному руководителю князю Чавчавадзе.

Если дѣйствія третьяго эскадрона, бросавшагося на непрія-

теля во всѣ стороны, поражали своей беззавѣтной отвагой, то атака четвертаго эскадрона еще болѣе достойна вниманія, какъ по настойчивости, съ какою велась, такъ и по своимъ результатамъ. Черкесы были частью истреблены, частью разсѣяны; эскадронъ отбилъ два значка, два орудія, четыре зарядныхъ ящика и захватилъ турецкаго полковника регулярныхъ войскъ. По разсказамъ плѣнныхъ, одинъ изъ этихъ значковъ принадлежалъ Кундухову, который самъ едва не попался въ плѣнъ, но успѣлъ ускакать къ Согаплугу. Когда разсвѣло, то далеко впереди видны были группы непріятеля, бѣжавшаго въ горы, а сзади путь эскадрона обозначался множествомъ раненыхъ и убитыхъ горцевъ, составлявшихъ главную массу турецкой кавалеріи. До 70-ти непріятельскихъ труповъ валялось на протяженіи фронта эскадрона— на мѣстѣ первой атаки. Это были жертвы перваго столкновенія съ четвертымъ эскадрономъ.

Убыль людей и лошадей во второмъ дивизіонѣ нижегородскаго полка была слѣдующая: убито—оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 3, ранено нижнихъ чиновъ 22, изъ нихъ трое умерли отъ ранъ; лошадей убито 14 и ранено 14. Сравнительно съ громадными потерями, понесенными непріятелемъ, цифры эти, конечно, надо признать ничтожными. Замѣчательно, что изъ числа раненыхъ одинъ только вѣстовой маіора Наврузова рядовой Савченко былъ раненъ пулею, всѣ остальные—шашками. Разсказываютъ, что Савченко, смертельно раненый двумя пулями, упавъ съ лошади, вытащилъ изъ кармана бутылку водки и, передавая ее подбѣжавшему товарищу, сказалъ: „береги господскую водку!“ Нельзя не отмѣтить этотъ фактъ, такъ рельефно обрисовывающій героя, заботящагося въ послѣднюю минуту жизни объ исполненіи столь ничтожнаго долга.

Въ этой молодецкой схваткѣ лихо рубились нижегородцы. Страшно было видѣть изуродованные трупы горцевъ. Многіе лежали съ отрубленными совсѣмъ головами и руками. При атакѣ 3-го эскадрона, рядовой Юпайтусъ перерубилъ почти пополамъ черкеса, бросившагося на маіора Витте. Взводный вахмистръ четвертаго эскадрона Денисенко, отличавшійся громадною физическою силою,

налетѣлъ въ небольшой балкѣ на пятерыхъ горцевъ и изрубилъ всѣхъ. Нѣкоторые весельчаки сами себѣ командовали: „налѣво коли, направо руби"—и тутъ же слѣдовало исполненіе. Спасаясь отъ преслѣдованія, горцы начали прибѣгать къ хитрости. Нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь сходствомъ своей одежды съ казачьею, пристраивались къ эскадрону, кричали „ура", и въ тоже время, изподтишка, наносили солдатамъ удары сзади. Замѣтивъ скачущаго рядомъ съ нимъ и кричавшаго „ура" черкеса, старшій вахмистръ Клюшниковъ страшнымъ ударомъ шашки снесъ ему полъ головы *).

Въ общемъ, бегли-ахметское дѣло нельзя назвать вполнѣ удавшимся, такъ какъ правая колонна, сдѣлавъ слишкомъ большое обходное движеніе, опоздала остановить бѣгущаго непріятеля, а лѣвая, сбившись съ дороги, обнаружила свое движеніе и была вынуждена преждевременно вступить въ бой. Тѣмъ не менѣе, побѣда была полная и результаты ея не замедлили отразиться на дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ военныхъ операцій. Вся кавалерія па-

*) Въ описаніи бегли-ахметскаго дѣла, помѣщенномъ въ сочиненіи „Война 1877 и 1878 гг.", изданномъ подъ редакціею генералъ-маіора Зыкова (томъ III), вкрались такія неточности, которыя желательно было-бы исправить. На стр. 67, между прочимъ, говорится, что посланные на выручку князя Эристова волгскіе казаки и 2-й эскадронъ нижегородцевъ, ударивъ въ штыки, погнали непріятеля. Такъ какъ казаки не имѣютъ штыковъ, то, очевидно, это относится къ нижегородцамъ. Но 2-й эскадронъ, дѣйствуя вмѣстѣ съ первымъ, проскакалъ около 2-хъ верстъ не встрѣтивъ непріятеля, а потому и гнать его не могъ. Еслибы эскадрону представился случай столкнуться съ противникомъ, то онъ несомнѣнно пустилъ бы въ ходъ шашки, такъ какъ по условіямъ мѣстности, дозволившей скакать въ темнотѣ двѣ версты, очевидно не было никакой надобности спѣшиваться и открывать огонь или бросаться въ штыки. На стр. 68-й сказано, что 4-й эскадронъ, преслѣдуя непріятеля, наткнулся на главныя силы Кундухова и тотчасъ открылъ мѣткій огонь. Это тоже положительно невѣрно. Не только 4-й эскадронъ, но ни одинъ нижегородецъ подъ Бегли-Ахметомъ не сдѣлалъ ни одного выстрѣла, даже не вынималъ ружья изъ чахла. Спѣшивались поневолѣ и примыкали штыки только тѣ люди, у которыхъ были убиты лошади. Вообще, это была отчаянная, вполнѣ кавалерійская свалка двухъ эскадроновъ нижегородцевъ съ массами турецкой кавалеріи, исключающая всякую надобность прибѣгать къ штыкамъ или къ огнестрѣльному оружію.

шп Муса-Кундухова была разсѣяна и разбѣжалась по домамъ. Спаслись только два эскадрона сувари, при самомъ началѣ дѣла ускакавшіе въ Карсъ.

Единственныя два орудія, которыя Кундуховъ съ большимъ трудомъ выпросилъ у Мухтара-паши, были отняты съ полной запряжкой и четырмя зарядными ящиками. Говорятъ, что Мухтаръ-паша, давая Кундухову эти орудія, смѣясь сказалъ: „зачѣмъ тебѣ пушки? вѣдь русскіе отнимутъ!“ Вѣроятно онъ не предполагалъ, что его шуточное предсказаніе сбудется такъ поразительно скоро. Этотъ Муса-Кундуховъ—бывшій генералъ-маіоръ русской службы. Во время кавказскихъ экспедицій, Нижегородскій полкъ очень часто бывалъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ. Многіе старые нижегородцы были съ нимъ лично знакомы и хорошо его помнятъ. На другой день послѣ бегли-ахметскаго дѣла, онъ прислалъ сказать капитану Кусову, что ему очень прискорбно быть разбитымъ наголову своими учениками, которыхъ онъ самъ же когда то водилъ къ побѣдамъ.

Хотя по нѣкоторымъ источникамъ у Кундухова, подъ Бегли-Ахметомъ, было не болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ, но въ дѣйствительности цифра эта должна быть почти удвоена. Взятый четвертымъ эскадрономъ въ плѣнъ турецкій полковникъ лично говорилъ начальнику кавалеріи князю Чавчавадзе, что въ этотъ день у него было на продовольствіи восемь тысячъ человѣкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такая громадная масса отчаянной конницы могла намъ надѣлать немало хлопотъ. Покончивъ съ нею однимъ ударомъ, мы развязали себѣ руки, пріобрѣли гораздо больше свободы въ своихъ дѣйствіяхъ и избавились отъ назойливаго элемента, могущаго безпокоить насъ на каждомъ шагу. Отсюда видно громадное значеніе бегли-ахметскаго погрома.

Геройскій подвигъ нижегородцевъ былъ по достоинству оцѣненъ начальствомъ. Командиръ полка и начальникъ кавалеріи благодарили эскадроны за лихую—по выраженію князя Чавчавадзе—кавказскую рубку; затѣмъ, оба подъѣхали къ капитану Кусову и, снявъ фуражки, почтили въ немъ героя этого памятнаго дня. За блестящимъ дѣломъ послѣдовали блестящія награды: командиру

дивизіона маіору Паврузову пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 4-й ст., а командиры эскадроновъ—маіоръ Витте и капитанъ Кусовъ—получили слѣдующіе чины и золотыя шашки. Впослѣдствіи, по окончаніи войны, 2-му дивизіону пожалована на георгіевскій штандартъ высшая военная награда—георгіевскія ленты первой степени со звѣздами и надписью: „за дѣла при Бегли-Ахметѣ 18-го мая и на орлокскихъ высотахъ 2-го октября 1877-го года“ *).

Съ прибытіемъ колонны генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, вся кавалерія двинулась преслѣдовать непріятеля, оставивъ у Бегли-Ахмета Нижегородскій полкъ. До 12-ти часовъ дня полкъ оставался на мѣстѣ боя. Время это употреблено было на перевязку своихъ и турецкихъ раненыхъ, на погребеніе убитыхъ и доставку подводъ для перевозки раненыхъ, такъ какъ невозможно было ихъ всѣхъ помѣстить въ лазаретныхъ фургонахъ.

Между тѣмъ, князь Чавчавадзе, преслѣдуя по пятамъ отступающаго непріятеля, замѣтилъ близъ сел. Кягачъ пѣхотную колонну, очевидно принимавшую на себя разсѣянную кавалерію, а потому, опасаясь слишкомъ удаляться отъ главныхъ силъ съ утомленными лошадьми, въ восемь часовъ утра прекратилъ преслѣдованіе и возвратился къ Бегли-Ахмету. Отправивъ раненыхъ, подъ конвоемъ волгскаго полка, въ селеніе Ардостъ, уже занятое кавказскими гренадерами, кавалерія, послѣ непродолжительнаго отдыха, направилась туда же, имѣя въ головѣ колонны Нижегородскій полкъ. Войска главныхъ силъ, знавшія уже объ успѣшномъ дѣлѣ подъ Бегли-Ахметомъ, выстроившись передъ своими палатками, громкими криками „ура“ встрѣтили полкъ, подходившій къ лагерю во взводной полковой колоннѣ. Впереди шелъ четвертый эскадронъ съ отбитыми значками и орудіями. Аплодисменты

---

*) Узнавъ о пораженіи турецкой кавалеріи подъ Бегли-Ахметомъ, бывшій командиръ Нижегородскаго полка генералъ-лейтенантъ графъ Постицъ письмомъ на имя полковника Кельнера поздравилъ нижегородцевъ, съ блестящимъ дѣломъ, просилъ передать маіорамъ Паврузову и Витте, капитану Кусову и всѣмъ офицерамъ свой сердечный поклонъ, а солдатамъ—искренній привѣтъ, причемъ выслалъ 500 рублей для раздачи раненымъ нижнимъ чинамъ и тѣмъ, кои удостоились получить знаки отличія военнаго ордена.

и крики: „браво, нижегородцы", раздавшіеся въ рядахъ гренадеръ, живо напомнили намъ наше старое кавказское купачество съ этими доблестными полками. По мѣрѣ приближенія драгунъ, всѣ хоры музыки играли нижегородскій маршъ. Корпусный командиръ, встрѣтивъ проходившій мимо его ставки полкъ, благодарилъ эскадроны за лихое дѣло, обѣщая прислать георгіевскіе кресты, а двѣ трети офицеровъ приказалъ немедленно представить къ наградамъ. Вскорѣ, на указанномъ мѣстѣ, устроился бивакъ, загремѣла музыка, раздались пѣсни, нерѣдко прерываемыя крикомъ „ура". Въ веселой офицерской пирушкѣ и за чаркой водки въ эскадронахъ, праздновали драгуны свое бегли-ахметское дѣло; солдаты качали своихъ товарищей, назначенныхъ къ награжденію знакомъ отличія военнаго ордена, не забыли также помянуть и своихъ павшихъ товарищей.

Къ вечеру прибылъ обозъ, а вмѣстѣ съ нимъ явилась возможность расположиться поудобнѣе. На слѣдующій день получено было приказаніе представить корпусному командиру отличившихся нижнихъ чиновъ, для пожалованія имъ георгіевскихъ крестовъ, коихъ выдано по 4-ре на эскадронъ, а въ четвертый эскадронъ— 6-ть. Кромѣ того, корпусный командиръ, посѣтивъ лазареты, навѣсилъ раненымъ нижегородцамъ еще нѣсколько крестовъ, привязывая ихъ къ шейнымъ образкамъ и цѣлуя каждый. Въ 12-ть часовъ, всѣ офицеры и нижніе чины собрались передъ бивакомъ для присутствованія при панихидѣ по убитомъ баронѣ де-Форжетъ и отданія ему послѣдней почести, передъ отправленіемъ тѣла въ Александрополь. Спустя два мѣсяца, стараніемъ полка поставленъ былъ ему памятникъ на холмѣ чести, гдѣ онъ погребенъ. Изъ офицеровъ полка онъ былъ первою жертвою войны. Преждевременно погибъ этотъ юный, подающій надежды офицеръ, но за то палъ съ честью, стяжавъ себѣ вѣнецъ героя.

19-го мая, 1-й дивизіонъ полка, съ отрядомъ генералъ-маіора Духовскаго, выступилъ въ 12-ть часовъ къ Согаплугу, съ цѣлью успокоить горское населеніе, бросившее свои аулы послѣ пораженія подъ Бегли-Ахметомъ. Нѣкоторыя селенія оказались совсѣмъ брошенными, а въ другихъ—черкесы выходили навстрѣчу

войскамъ, увѣряя въ своей преданности и покорности русскимъ, хотя въ толпахъ замѣтны были многіе съ повязками, ясно доказывавшими ихъ участіе въ бегли-ахметскомъ дѣлѣ. Къ 11-ти часамъ вечера дивизіонъ возвратился къ биваку. 20-го мая, корпусный командиръ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ произвелъ рекогносцировку ближайшихъ окрестностей Карса съ западной стороны, съ цѣлью выбрать удобныя позиціи для войскъ, предназначенныхъ блокировать эту крѣпость. Отрядъ, состоявшій изъ Нижегородскаго и сѣверскаго драгунскихъ, 2-го владикавказскаго, 2-го кизляро-гребенскаго казачьихъ полковъ, 2-хъ конныхъ, одной пѣшей батареи и баталіона охотниковъ изъ кавказскихъ гренадеръ, выступилъ въ 8-мь часовъ утра. Непріятель непрепятствовалъ рекогносцировкѣ и только кавалерія его завязала близь сел. Бозгала перестрѣлку съ казаками, совершенно, впрочемъ, безвредную по дальности разстоянія. Драгуны съ артилеріею составили резервъ отряда. Въ 4-ре часа пополудни рекогносцировка была окончена и корпусный командиръ, съѣхавъ съ возвышенности противъ форта Тохмасъ, приказалъ всѣмъ частямъ отходить обратно въ Ардостъ.

Утромъ 23-го мая войска главныхъ силъ, вслѣдствіе полученной накапунѣ диспозиціи, выступили изъ мѣстъ своего расположенія для блокированія Карса. 2-я кавказская кавалерійская дивизія, состоявшая въ то время изъ Нижегородскаго и сѣверскаго драгунскихъ, 3-хъ казачьихъ и кабардинско-кумыкскаго конно-иррегулярнаго полковъ, съ двумя конными казачьими батареями, оставалась пока у Ардоста, а въ 4-ре часа пополудни, получивъ извѣстіе, что пѣхота уже утвердилась на избранныхъ позиціяхъ, двинулась къ сел. Бозгала, для занятія аванпостовъ между этимъ селеніемъ и Владикарсомъ. Расположившись бивакомъ, дивизія выставила на позицію обѣ конныя батареи, подъ прикрытіемъ дежурной части. Въ вечернемъ приказаніи, отданномъ въ тотъ же день, были подробно разъяснены всѣ правила блокадной службы, указаны способы дѣйствій въ случаѣ вылазокъ непріятеля, подтверждено строжайшимъ образомъ повѣрять посты и опредѣлена очередь, по которой, ежедневно, одинъ

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ СЕЛ. БЕГЛИ-АХМЕТЪ 18 МАЯ.

полкъ долженъ былъ занимать аванпосты и одинъ, съ дивизіоннымъ конной батареи, составлять дежурную часть. Вообще, служба предстояла не легкая: расходъ людей и лошадей былъ слишкомъ значителенъ. Каждый день одинъ эскадронъ и казачья сотня назначались для прикрытія фуражировъ, высылаемыхъ косить траву, верстахъ въ четырехъ отъ лагеря. Зерновой фуражъ доставлялся съ немалыми затрудненіями. Фургоны, подъ прикрытіемъ эскадрона, отправлялись въ отдаленныя селенія наразсвѣтѣ и возвращались лишь къ вечеру. Въ первые дни блокады время проходило однообразно-монотонно. Непріятель не безпокоилъ нашихъ постовъ, хотя они находились весьма близко отъ расположенія его цѣпи. Наконецъ, 26-го мая, около трехъ часовъ пополудни, неожиданно грянулъ пушечный выстрѣлъ и трубачъ у ставки командующаго дивизіею протрубилъ тревогу. Дежурный Нижегородскій полкъ немедленно выдвинулся рысью правѣе батарей, а сѣверскій и дагестанскій полки, съ терскою батареею, получили приказаніе слѣдовать за нимъ. Никто не зналъ причины тревоги, но вскорѣ все объяснилось: командующій дивизіею генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, подъѣхавъ къ частямъ, объявилъ, что кабардинско-кумыкскій полкъ, слѣдовавшій вдоль линіи обложенія къ Александрополю, для несенія тыльной службы, подвергся нападенію турокъ, сдѣлавшихъ вылазку на селеніе Магараджикъ, и окруженъ непріятелемъ со всѣхъ сторонъ.

Переправившись по мосту черезъ Карсъ-чай, отрядъ двинулся рысью къ Магараджику, навыручку кумыковъ. Пройдя верстъ шесть, генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ вызвалъ охотниковъ изъ присоединившагося здѣсь александропольскаго конно-иррегулярнаго полка и направилъ ихъ, подъ командою юнкера Самата, на развѣдки къ Магараджику, откуда все еще не слышно было выстрѣловъ. Когда начало смеркаться, отрядъ остановился, выставивъ наблюдательные посты, и людямъ разрѣшено было спѣшиться. Недолго пришлось ожидать возвращенія охотниковъ. Прискакавъ къ отряду, они донесли, что близъ сел. Каны-кёй были остановлены турецкою кавалеріею, занимавшею окрестныя высоты, и принуждены отступить. По ихъ словамъ, они хорошо слышали пере-

стрѣлку у Магараджика.

Вслѣдствіе этого, первый и третій эскадроны Нижегородскаго полка, подъ общей командой маіора Витте, высланы были немедленно къ названному селенію. Лишь только они втянулись въ ущелье, отрядъ началъ медленно отходить къ своему лагерю, оставивъ два промежуточные поста для скорѣйшей передачи донесеній. Вся ночь прошла въ ожиданіи новой вылазки изъ Карса, а потому всѣ находились въ полной готовности къ немедленному выступленію. Вѣроятно тревога ожидалась и въ пѣхотномъ лагерѣ, такъ какъ изъ отряда генерала Геймана присланы были двѣ роты гренадеръ, для подкрѣпленія оставшейся у Бозгала кавалеріи. Передъ разсвѣтомъ, генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, съ сѣверскимъ драгунскимъ полкомъ, вновь выступилъ къ Магараджику, но, не доходя селенія Капы-кёй, встрѣтилъ высланные наканунѣ оба эскадрона нижегородцевъ. Оказалось, что непріятель, увидя ихъ приближеніе, отступилъ къ Карсу, очистивъ, такимъ образомъ, дорогу кабардинско-кумыкскому полку.

28-го мая, вся вторая кавалерійская дивизія, входящая въ составъ отряда генерала Геймана, передвинута была на высоты къ селенію Когалы, гдѣ на укрѣпленной позиціи расположенъ былъ тифлисскій гренадерскій полкъ, съ двумя пѣшими батареями. Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда къ сѣверу, у сел. Аравартанъ, сосредоточенъ былъ весь отрядъ генерала Геймана, а въ небольшомъ переходѣ отъ него, близъ селенія Мацра, къ сѣверо-востоку отъ Карса, находился лагерь блокаднаго отряда генерала Девеля. Связь между обоими отрядами сохраняла 1-я кавалерійская дивизія, посредствомъ постовъ, расположенныхъ по дорогѣ, разрабатываемой для движенія ожидаемаго осаднаго парка. Хотя назначеніе колонны генерала Геймана заключалось въ блокированіи Карса съ сѣверо-западной и западной сторонъ, но уже въ то время предполагалось направить ее къ Согаплугу, для дѣйствій противъ Мухтара-паши, въ случаѣ появленія его арміи изъ-за горъ. Войска сознавали необходимость покончить съ Карсомъ прежде, чѣмъ Мухтаръ-паша спустится съ Согаплуга, и потому съ нетерпѣніемъ ожидали штурма, какъ средства, ведущаго къ цѣли кратчай-

нимъ путемъ. Тѣмъ не менѣе, время проходило, а слухи о предстоящемъ штурмѣ не находили себѣ подтвержденія. Нижегородскій полкъ, оставаясь у Когалы, освобожденъ былъ отъ аванпостной службы, возложенной на казаковъ, и вполнѣ пользовался предоставленнымъ ему кратковременнымъ отдыхомъ. Непріятель ничего рѣшительнаго не предпринималъ, но мелкими нападеніями на наши секреты и передовые посты изрѣдка тревожилъ кавалерійскій лагерь. Вѣроятно въ отместку за это, Нижегородскому полку приказано было произвести тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ. Въ 10-ть часовъ вечера 28-го мая, полкъ съ конною батареею выступилъ къ Карсу. Для сохраненія возможной тишины, колеса орудій обмотаны были сѣномъ и строго воспрещено было разговаривать. Имѣя проводника впереди, маленькій отрядъ перешелъ мостъ у Чивтлика, занятый уже взводомъ охотниковъ-гренадеръ и, пройдя еще нѣсколько впередъ, остановился. Батарея, снявшись съ передковъ, открыла учащенный огонь по городу гранатами, затѣмъ, подвинувшись еще впередъ, сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ картечными гранатами по лагерю. Когда суматоха подняла на ноги гарнизонъ, полкъ, съ батареею, отошелъ въ свой лагерь. На слѣдующій день тоже самое было повторено сѣверскимъ драгунскимъ полкомъ.

Необходимо замѣтить, что блокада Карса далеко не могла считаться вполнѣ дѣйствительною: при малочисленности нашихъ войскъ нечего было и думать о полномъ обложеніи такой громадной крѣпости. Восточная и, отчасти, южная стороны Карса блокировались лишь небольшими пикетами и разъѣздами, что не лишало гарнизонъ возможности сноситься почти со всею Анатоліею. Нападеніе, произведенное турками со стороны Согаплуга на казачій пикетъ близъ Ардоста, наглядно доказало легкость прорыва черезъ нашу слабую цѣпь.

Около этого же селенія, генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, расположивъ въ засадѣ 2-й волгскій казачій полкъ, захватилъ въ концѣ мая непріятельскую почту; причемъ изъ офиціальной турецкой переписки обнаружилось, что Мухтаръ-паша дѣйствительно имѣетъ намѣреніе предпринять изъ-за Согаплуга наступленіе въ

тылъ осаждающимъ войскамъ.

Между тѣмъ, въ отрядахъ генераловъ Девеля и Геймана производились дѣятельныя приготовленія къ предстоящему штурму. Осадный паркъ—болѣе ста орудій—уже прибылъ въ Мацра и часть его была направлена въ Аравартанъ, къ отряду генерала Геймана. Обоимъ отрядамъ предписано было въ одну ночь возвести двадцать двѣ осадныя батареи.

Прекрасный духъ нашихъ войскъ и полная, повидимому, апатія карсскаго гарнизона, весьма краснорѣчиво говорили въ пользу штурма, который и былъ рѣшенъ окончательно. Войска рвались въ бой; всѣ горѣли желаніемъ участвовать въ штурмѣ знаменитой крѣпости. При такимъ условіяхъ, слухи о движеніи къ Соганлугу не могли быть пріятны нижегородцамъ. Тѣмъ не менѣе, они не замедлили оправдаться. 1-го іюня, 2-я кавалерійская дивизія, кромѣ сѣверскаго драгунскаго полка, оставленнаго у Когалы, получила приказаніе выступить къ селенію Кякячъ, на эрзерумской дорогѣ и дальними разъѣздами наблюдать за проходами черезъ соганлугскій хребетъ, откуда ежеминутно можно было ожидать появленія Мухтара-паши. Взявъ сухарей на три дня, ячменя на два, и по два фунта говядины на человѣка, дивизія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, выступила изъ лагеря ровно въ 12-ть часовъ ночи. Обозъ оставался въ лагерѣ, при сѣверскомъ полку; при отрядѣ же слѣдовали только вьюки съ патронами. Страшная темнота, скверная дорога съ крутыми подъемами и спусками замедляли движеніе такъ, что къ тремъ часамъ утра пройдено было не болѣе 15-ти верстъ. На долю нижегородцевъ, по обыкновенію, выпало вытаскивать орудія изъ рѣчекъ, враговъ и втаскивать ихъ на крутизны. По странной-ли случайности, или вслѣдствіе какого-либо особеннаго расчета, нижегородцы, съ самаго начала кампаніи, постоянно назначались въ прикрытіе къ артилеріи. что составляло полную дисгармонію съ духомъ и свойствами полка, требующаго для себя возможно широкой свободы дѣйствій.

Выбравшись, наконецъ, на ровное мѣсто, дивизія ускорила движеніе и въ шесть часовъ утра, пройдя селеніе Кякячъ, остано-

вилась на позиціи, предварительно выбранной генералъ-маіоромъ Лорисъ-Меликовымъ. Объ конныя батареи заняли центръ позиціи, для обстрѣливанія двухъ дорогъ ведущихъ къ Согаплугу. Дивизіоны Нижегородскаго полка поставлены были на флангахъ батарей. Сзади, за нижегородцами, уступами расположились казачьи полки, а дагестанскій конно-иррегулярный полкъ, за центромъ общаго расположенія, составилъ резервъ. Имѣя въ виду одну лишь оборону, командующій дивизіею приказалъ разбить коновязи и выкормить лошадей, причемъ два полка, поочереди, должны были оставаться осѣдланными. Позиція выбрана была весьма удачно для самой стойкой обороны. Длинный холмистый кряжъ, на которомъ расположились войска, командовалъ всею, лежащею впереди мѣстностью, такъ что всякое движеніе непріятеля могло быть замѣчено нами на далекомъ разстояніи. Правый флангъ упирался въ отвѣсную скалу, составляющую оконечность неприступнаго скалистаго хребта, а лѣвый—обезпеченъ былъ болотами, расплывшимися на нѣсколько верстъ. Въ случаѣ обхода болотъ, тамъ тоже имѣлась сильная фланговая позиція. Впрочемъ обходъ, скрытно отъ насъ, былъ невозможенъ.

Прекрасная погода, чудный свѣжій воздухъ, пропитанный ароматомъ благоухающихъ цвѣтовъ, заставили скоро забыть объ отсутствіи палатокъ и обоза. Прелестная долина, разстилающаяся впереди фронта на значительное разстояніе, съ раскинутыми, тамъ и сямъ, черкесскими аулами, своею мягкою зеленью ласкала взоры, а вдали на горизонтѣ бѣлѣли освѣщенныя солнцемъ, еще снѣжныя, вершины лѣсистаго Согаплуга. Подъ вліяніемъ роскошной природы, какое то отрадное чувство тѣснилось въ груди, и въ эту минуту, быть можетъ, не одинъ впечатлительный офицеръ, или солдатъ, съ невольной грустью подумалъ о томъ, что мы пришли сюда не наслаждаться природой, а покрыть кровью ея ласкающую зелень. Вскорѣ прибыли на бивакъ жители селенія Кякячъ, съ баранами, курицами, лавашами и разными другими съѣстными припасами. Моментально явились импровизированные повара, и весьма пріятная дѣятельность закипѣла въ устроенныхъ наскоро кухняхъ. Послѣ непродолжительнаго отдыха, высланы были

къ Согаплугу отъ Нижегородскаго полка четыре разъѣзда, въ 15-ть человѣкъ каждый, подъ командою штабсъ-капитана Випарскаго, прапорщиковъ Долинскаго, Бернадскаго и Гурскаго. Движеніе этихъ разъѣздовъ должно было освѣтить мѣстность и открыть непріятельскіе посты на трехъ путяхъ, ведущихъ отъ Эрзерума къ Карсу. Къ тремъ часамъ пополудни разъѣзды возвратились съ донесеніями, что главныя силы непріятеля находятся еще за Согаплугомъ и лишь небольшія партіи башп-бузуковъ показываются на перевалѣ, не рѣшаясь спуститься на равнину. Вѣроятно донесенія разъѣздовъ показались командующему дивизіею недостаточно полными, такъ какъ онъ призналъ необходимымъ выслать особый сильный разъѣздъ изъ взвода нижегородцевъ и взвода казаковъ, подъ командою штабсъ-капитана Карангозова, для самой точной повѣрки полученныхъ свѣдѣній. Карангозову генералъ-маіоръ Лорисъ-Мпликовъ лично отдалъ приказаніе слѣдовать съ разъѣздомъ черезъ селеніе Чаплахлы и, перевалпвъ черезъ Согаплугъ, во что бы то ни стало, открыть гдѣ находится непріятель. „И не возвращайтесь—прибавилъ генералъ—пока собственными глазами не увидите турокъ“.

Выступивъ съ разъѣздомъ немедленно, Карангозовъ безпрепятственно дошелъ до селенія Чаплахлы, а затѣмъ, пройдя селеніе Верпшанъ и поднявшись на перевалъ, неожиданно увидѣлъ передъ собою редутъ, никѣмъ, впрочемъ, не занятый. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, редутъ этотъ былъ построенъ по приказанію Мухтаръ-паши въ то время, когда шесть турецкихъ баталіоновъ, преслѣдуемые нашею кавалеріею, уходили изъ Карса. Захвативъ въ первомъ попавшемся селеніи проводника, Карангозовъ осторожно вошелъ въ согаплугскій лѣсъ, приказавъ своему новому спутнику ѣхать возлѣ себя. Проводникъ, между прочимъ, сообщилъ Карангозову, что слѣдуя обыкновеннымъ шагомъ лошади, они черезъ два часа увидятъ лагерь значительнаго турецкаго отряда у Зивина и что вправо отъ дороги, въ ближайшемъ селеніи, находится до пятисотъ курдовъ. Наступила темная ночь. Остановивъ разъѣздъ, Карангозовъ приказалъ старшему унтеръ-офицеру ожидать себя въ лѣсу, а самъ, съ трубачемъ и проводникомъ, поѣхалъ

дальше, предупредивъ послѣдняго, что въ случаѣ какой либо съ его стороны хитрости, пуститъ ему пулю въ лобъ. Трубачу Карангозовъ приказалъ, въ случаѣ неожиданной встрѣчи съ непріятелемъ, скакать къ разъѣзду и трубить условный сигналъ. Часа черезъ три, слова проводника оправдались. Подходя къ Зивину, Карангозовъ, при свѣтѣ взошедшей уже луны, увидѣлъ бѣлѣющія палатки и успѣлъ высмотрѣть, что въ лагерѣ находятся всѣ три рода оружія.

Исполнивъ, такимъ образомъ, возложенное на него порученіе, онъ поскакалъ къ своему разъѣзду и передъ разсвѣтомъ возвратился съ нимъ на бивакъ. Не находя своихъ аванпостовъ, онъ былъ въ недоумѣніи куда идти, но въ это время нѣсколько голосовъ окликнули его по фамиліи. Оказалось, что дивизія, вслѣдствіе полученнаго приказанія, поздно вечеромъ выступила обратно къ Карсу, а второй эскадронъ, зная какое опасное порученіе дано Карангозову, испросилъ разрѣшеніе ожидать его возвращенія. Съ эскадрономъ оставался и командиръ полка полковникъ Кельнеръ. На разсвѣтѣ 3-го іюня, дивизія прибыла въ свой лагерь у Когалы. Штурмъ Карса былъ отмѣненъ и уже начали ходить слухи о движеніи всего отряда генерала Геймана къ Соганлугу, для дѣйствій противъ Мухтара-паши.

Между тѣмъ странная апатія турецкаго гарнизона, смотрѣвшаго до сихъ поръ сложа руки на наши безпрерывныя рекогносцировки, смѣнилась совершенно неожиданно какимъ-то судорожнымъ припадкомъ рѣшительности. 3-го іюня густыя массы турецкихъ войскъ, всѣхъ родовъ оружія, вышли изъ укрѣпленій Карса съ цѣлью атаковать аравартанскій лагерь и захватить прибывшій недавно осадный паркъ. По какому-то непонятному недоразумѣнію въ отрядѣ генерала Геймана не были выставлены аванпосты, что дало непріятелю возможность подойти скрытно къ самому лагерю. Кавалерія турецкая захватила при этомъ нѣсколько лошадей и маркитантскій скотъ, а пѣхота, въ числѣ девяти баталіоновъ, занявъ гребень аравартанскихъ высотъ, открыла сильный ружейный огонь по лагерю и особенно по осадному парку. Въ то же время нѣсколько полевыхъ орудій начали осыпать гранатами лагерь. При

другихъ условіяхъ, такое внезапное нападеніе могло бы имѣть для насъ гибельныя послѣдствія, но здѣсь непріятель нарвался на лучшія кавказскія войска, не привыкшія теряться передъ врагомъ, и всѣ его расчеты разлетѣлись въ прахъ. Нѣсколько ротъ грузинскаго и охотники эриванскаго гренадерскихъ полковъ, быстро выбѣжавъ изъ палатокъ, мѣткимъ огнемъ удержали наступленіе турокъ, а затѣмъ, долго не думая, сами бросились въ штыки. Одна батарея кавказской гренадерской артилерійской бригады поддержала гренадеръ огнемъ съ мѣста, не выходя изъ лагеря. Пока части эти такъ мужественно боролись съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ, расположенныя у Когалы войска уже спѣшили къ мѣсту боя. Замѣтивъ вышедшія изъ укрѣпленій турецкія войска, начальникъ кавалеріи князь Чавчавадзе, долго наблюдавшій за ихъ движеніемъ, приказалъ всей кавалеріи приготовиться къ бою. По первому пушечному выстрѣлу турокъ, кавалерія уже выступила изъ своего лагеря и, пройдя лѣвѣе Бозгала, зашла правымъ плечемъ по направленію къ Аравартану. Вслѣдъ за кавалеріею двинулся бѣгомъ тифлисскій гренадерскій полкъ. Раньше другихъ частей кавалеріи прискакалъ дагестанскій конно-иррегулярный полкъ подполковника князя Чавчавадзе и занявъ командующую высоту открылъ ружейный огонь. Непріятель занималъ высоты впереди Аравартана и разсыпавъ густыя цѣпи наступалъ на лагерь; его артилерія поддерживала атаку; сзади еще надвигались сильныя пѣхотныя части. Въ это время подходила кавалерія и впереди сѣверскій полкъ. Непріятель, завидя приближеніе кавалеріи съ фланга, сталъ быстро перемѣнять фронтъ. Князь Чавчавадзе, слѣдившій за ходомъ боя съ высоты занятой дагестанцами, приказалъ сѣверцамъ немедленно идти въ атаку. Выстроивъ фронтъ въ линію развернутыхъ эскадроновъ, сѣверцы лихо бросились карьеромъ на успѣвшихъ уже перестроиться турокъ и представлявшихъ густыя сомкнутыя части. Встрѣченные страшнымъ огнемъ, сѣверцы врубились въ ряды непріятеля. Турки дрогнули и вскорѣ обратились въ бѣгство, причемъ четыре орудія конной батареи полковника Ризенкампфа, прибывшія съ Нижегородскимъ полкомъ, вносили свою шрапнелью, страшныя

опустошенія въ толпы бѣгущихъ. Блестящая атака сѣверцевъ произведена была такъ стройно и въ такомъ порядкѣ, какой невсегда можно видѣть даже на парадахъ и ученьяхъ. Сѣверцы, возвращаясь въ лагерь, встрѣчены были остальными войсками съ восторгомъ. Музыка Нижегородскаго полка играла сѣверскій маршъ.

Нижегородскій полкъ не принималъ въ этомъ дѣлѣ непосредственнаго участія. Выступивъ изъ лагеря съ конною артилеріею вслѣдъ за сѣверцами, онъ былъ остановленъ на возвышенномъ плато, противъ форта Тохмасъ, и расположился подивизіонно на флангахъ батареи, занявшей позицію. Во время атаки сѣверцевъ, полкъ, находясь подъ градомъ бомбъ и гранатъ, сыпавшихся на него съ фортовъ, выполнялъ свою пассивную роль прикрытія, такъ какъ мѣстность не дозволяла развернуть для атаки два полка. Нельзя было не удивляться поразительной мѣткости непріятельской артилеріи. Лишь только какой-либо дивизіонъ сходилъ съ своего мѣста, все прежде занимаемое имъ пространство буквально осыпалось гранатами. Тѣмъ не менѣе, благодаря ловкому маневрированію, полкъ понесъ ничтожную потерю. Такимъ образомъ, первая серьезная вылазка непріятеля потерпѣла полную неудачу. Съ тѣхъ поръ турки, повидимому, отказались тревожить насъ и мы спокойно отдыхали нѣсколько дней.

Вскорѣ послѣ аравартанскаго дѣла, слухи о движеніи отряда генерала Геймана за Соганлугъ возобновились съ большимъ основаніемъ и, наконецъ, нашли себѣ полное оправданіе. Къ 8-му іюня всѣ тяжести были отправлены изъ аравартанскаго лагеря въ селеніе Мацра, къ отряду генерала Девеля, остающемуся подъ Карсомъ, а войскамъ выступающимъ къ Соганлугу предписывалось взять съ собою только самый необходимый обозъ. Весь день 8-го іюня прошелъ въ приготовленіяхъ къ походу: пополнялись патроны, сухари, фуражъ и осматривалась въ эскадронахъ ковка.

9-го іюня, въ шесть часовъ утра, отрядъ, состоящій изъ кавказской гренадерской дивизіи съ ея артилерійскою бригадою, второй сводной кавалерійской дивизіи съ двумя конными казачьими батареями, сапернаго баталіона и трехъ конно-иррегулярныхъ пол-

ковъ, подъ начальствомъ генерала Геймана, выступилъ изъ своего лагеря къ Соганлугу. При отрядѣ находился и корпусный командиръ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ. Цѣль движенія состояла въ томъ, чтобы отвлечь главныя силы Мухтара-паши отъ эриванскаго отряда генерала Тергукасова, который, углубившись слишкомъ далеко внутрь страны, былъ отрѣзанъ отъ границы и находился въ весьма опасномъ положеніи, неимѣя даже возможности дать о себѣ какое-либо извѣстіе. Кромѣ того, имѣлось въ виду, въ случаѣ благопріятныхъ обстоятельствъ, отбросить совмѣстно армію Мухтара отъ Соганлуга и, такимъ образомъ, дать время генералу Девелю подготовить бомбардированіемъ штурмъ Карса. Кавалерія, назначенная въ авангардъ, выступила изъ лагеря раньше пѣхоты, и такъ какъ переходъ былъ большой, то пришла на ночлегъ лишь въ шесть часовъ вечера. Жара, пыль и дурная дорога чрезвычайно затрудняли движеніе. Гренадерская дивизія осталась далеко сзади и остановилась ночевать близъ селенія Котанлы. Вечеромъ, отъ авангарда высланы были къ Соганлугу три сильные разъѣзда, коимъ приказано было двигаться какъ можно смѣлѣе, перевалить черезъ хребетъ и разслѣдовать мѣстность по ту сторону хребта. Къ разсвѣту всѣ разъѣзды возвратились съ донесеніями, что непріятеля нигдѣ не встрѣтили и что, по показаніямъ жителей, главныя силы турокъ расположены у селеній Караурган и Зивина, на укрѣпленныхъ позиціяхъ. На слѣдующій день, когда подошла пѣхота, авангардъ тронулся дальше къ селенію Сарыкамышъ, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Жители Сарыкамыша—осетины—встрѣтили кавалерію довольно дружелюбно и не отказывались доставить провизію, какъ это нерѣдко случалось въ армянскихъ селеніяхъ.

Утромъ 11-го іюня отрядъ выступилъ изъ Сарыкамыша къ перевалу. Вся кавалерія, въ составѣ 8-ми эскадроновъ и 34-хъ сотенъ, назначенная въ авангардъ, вытянулась справа рядами, такъ какъ узкая горная дорога не дозволяла двигаться болѣе широкимъ фронтомъ. Вслѣдствіе этого, глубина походной колонны вышла весьма значительная. Боковые разъѣзды, по условіямъ мѣстности, вовсе не высылались. Около двухъ часовъ пополудни усмо-

трѣнъ былъ на горѣ, вправо отъ дороги, непріятельскій пикетъ, который, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по нашимъ головнымъ частямъ, ускакалъ назадъ. Спустившись къ урочищу Мелидюзъ, по ту сторону хребта, авангардъ остановился для привала. Здѣсь замѣченъ былъ другой непріятельскій пикетъ, тоже ускакавшій при нашемъ приближеніи. Во время привала, начальникъ кавалеріи князь Чавчавадзе, взявъ съ собою 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка и грузинскую дворянскую дружину, произвелъ рекогносцировку мѣстности, на западной сторонѣ хребта, такъ какъ отсюда уже видѣлись палатки значительныхъ турецкихъ лагерей близъ Зивина. Къ вечеру отрядъ прибылъ къ сел. Меджингертъ и расположился на ночлегъ, выставивъ сильную цѣпь аванпостовъ. Гренадерская дивизія съ артилеріею и обозами, ночевавшая близъ Мелидюза, подошла къ Меджингерту на слѣдующій день 12-го іюня.

Свѣдѣнія, полученныя въ главной квартирѣ о томъ, что Мухтаръ-паша, оперировавшій противъ эриванскаго отряда генерала Тергукасова, направилъ часть своихъ силъ къ Хоросану и Зивину, повели, кажется, къ окончательному рѣшенію атаковать зивинскій лагерь прежде, чѣмъ къ нему подоспѣетъ помощь. По диспозиціи, войска должны были выступить къ Зивину съ разсвѣтомъ 13-го іюня, отправивъ предварительно свои обозы къ урочищу Мелидюзъ, гдѣ устраивался вагенбургъ. Передъ наступленіемъ сумерекъ, выслана была сотня дагестанскаго полка, съ штабсъ-капитаномъ Рикманомъ, для изслѣдованія дороги ведущей къ Зивину, а ночью приступлено было къ исправленію на ней неудобныхъ подъемовъ и спусковъ. Въ эту ночь почти никто не спалъ на бивакѣ. Вокругъ пылающихъ костровъ шли оживленные, веселые разговоры. Войска съ нетерпѣніемъ ожидали боя и общее желаніе было близко къ осуществленію. Лишь только утренняя заря заалѣла на востокѣ, вся кавалерія, снявшись съ бивака, направилась къ Мелидюзу и, пройдя около 2-хъ верстъ, повернула круто къ Зивину. Спустя полтора часа, показались съ правой стороны гренадеры, спускавшіеся съ Мелидюза, и вскорѣ всѣ войска соединились съ авангардомъ на привалѣ. Отсюда уже хоро-

шо видна была турецкая позиція, съ ея укрѣпленіями, ярко освѣщенными солнцемъ.

Пока войска отдыхали на привалѣ, командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ собралъ военный совѣтъ изъ старшихъ начальниковъ, чтобы обсудить подробности предстоящаго образа дѣйствій. Войска нетерпѣливо ожидали окончанія совѣщаній, такъ какъ уже ходили слухи, что корпусный командиръ, получивъ, наконецъ, извѣстіе отъ генерала Тергукасова, предпочитаетъ направить весь отрядъ въ обходъ турецкой позиціи, и что атака будетъ отмѣнена. Около 12-ти часовъ всѣ сомнѣнія разрѣшились: гренадерской дивизіи приказано было штурмовать зивинскую позицію съ фронта, а кавалеріи съ 2-мя конными батареями, обойдя правый флангъ турокъ, атаковать ихъ съ тыла. Подполковнику генеральнаго штаба Войпову, бывшему передъ войной агентомъ въ Эрзерумѣ, поручено было находиться при кавалеріи, въ качествѣ колоновожатаго. По словамъ этого штабъ-офицера, знакомаго съ мѣстностью, дорога вездѣ была проходима и по его расчету кавалерія съ конною артилеріею, двигаясь перемѣнными аллюрами, должна была появиться въ тылу непріятеля въ три часа пополудни, т. е. какъ разъ къ тому времени, когда гренадеры поведутъ рѣшительную атаку съ фронта. Къ сожалѣнію, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; такъ случилось и здѣсь.

Ровно въ 12-ть часовъ, кавалерія начала вытягиваться по дорогѣ, идущей по ущелью почти параллельно фронту непріятельской позиціи. День былъ жаркій, а утолить мучительную жажду не представлялось никакой возможности, такъ какъ протекающій вблизи ручеекъ совершенно изсякъ. Пройдя по ущелью, или вѣрнѣе по широкой лощинѣ, версты двѣ, колонна вышла на довольно открытое мѣсто, откуда, вправо, уже виднѣлась значительная часть укрѣпленной турецкой позиціи. Непріятель, замѣтивъ наше движеніе, пустилъ двѣ или три гранаты, не причинившія намъ никакого вреда. Въ это время мингрельскій гренадерскій полкъ, выступившій съ пѣшею батареею вслѣдъ за кавалеріею къ правому флангу турокъ, завязалъ съ ними оживленную перестрѣлку и вско-

рѣ бой загорѣлся по всей линіи. Кавалерія тронулась рысью, но такъ какъ дорога дальше проходила въ сферѣ дѣйствительнаго артилерійскаго огня, то исправляющій должность начальника штаба кавалеріи подполковникъ генеральнаго штаба Лундеквистъ предложилъ свернуть влѣво и пройти по ущелью, внѣ выстрѣловъ. По его словамъ, дорога эта была вполнѣ удобна для движенія кавалеріи съ конною артилерією, а потому колоннѣ приказано было повернуть къ ущелью. Пройдя не болѣе двухъ верстъ, голова колонны вдругъ остановилась, не имѣя никакой возможности слѣдовать дальше по неприступнымъ почти скаламъ. Пришлось всѣ 16-ть орудій снять съ передковъ, повернуть ихъ на рукахъ назадъ и возвратиться на прежнюю дорогу. Въ результатѣ оказались—невознаградимая потеря времени и безполезное утомленіе людей и лошадей. Слѣдуя дальше полною рысью, колонна благополучно, безъ всякой потери, вышла изъ подъ выстрѣловъ непріятельской артилеріи, но, проходя мимо праваго фланга турецкой позиціи, вновь наткнулась на непредвидѣнныя препятствія. Дорога впереди, извиваясь змѣйкой, круто поднималась на обрывистые утесы и затѣмъ, какъ будто падая внизъ, спускалась въ изрытые промоинами овраги.

Страшная крутизна подъемовъ и спусковъ, усѣянныхъ обломками скалъ, дѣлала дорогу непроходимою для артилеріи. Одинъ зарядный ящикъ, сорвавшись съ кручи, упалъ въ оврагъ и былъ поднятъ только на обратномъ пути. Видя, что артилерія не въ состояніи вывозить свои орудія на крутые подъемы, начальникъ кавалеріи приказалъ снѣшить по одному дивизіону изъ обоихъ драгунскихъ полковъ, въ помощь артилеристамъ. Обливаясь потомъ, вытаскивали драгуны орудія изъ глубокихъ промоинъ и на рукахъ поднимали ихъ на крутизны. При такихъ условіяхъ, нечего было и думать поспѣть вовремя къ мѣсту назначенія. Съ горькимъ сознаніемъ полнаго безсилія, всякій невольно думалъ о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ кавказскіе гренадеры ждутъ не дождутся появленія кавалеріи въ тылу непріятеля и какое грустное имъ предстоитъ разочарованіе.

Къ 6-ти часамъ вечера голова колонны, подойдя къ зданію

горячаго источника, остановилась, чтобы дать время стянуться остальнымъ частямъ, растянутымъ на огромномъ разстояніи. Протекающая здѣсь рѣчка доставила всѣмъ возможность утолить жажду и напоить усталыхъ лошадей. Отъ рѣчки, войска поднялись на крутую гору, съ вершины которой можно было видѣть Зивинъ, оставшійся нѣсколько сзади. Бой въ это время, какъ видно, былъ въ полномъ разгарѣ. Пушечные и ружейные выстрѣлы сливались въ одинъ общій гулъ, но нельзя было различить—на чью сторону склоняется успѣхъ, такъ какъ вся позиція покрыта была густымъ дымомъ. Изрѣдка лишь, когда разсѣивался дымъ, можно было замѣтить, что наши линіи какъ будто подвигаются къ турецкимъ окопамъ. Въ виду невозможности слѣдовать дальше съ артилеріею, начальникъ кавалеріи приказалъ батареямъ продолжать движеніе подъ прикрытіемъ части колонны, а самъ, съ драгунскою бригадою, волгскимъ казачьимъ полкомъ и грузинскою дружиною, двинулся дальше рысью. Вскорѣ отрядъ вышелъ на небольшую поляну, у подножія крутой возвышенности, съ вершины которой прошипѣла граната горнаго орудія. Волгскіе казаки и грузинская дружина, спѣшившись, быстро взобрались на высоту и открыли огонь по туркамъ, засѣвшимъ въ редутѣ, съ тремя горными орудіями. Вслѣдъ за ними спѣшился одинъ эскадронъ сѣверскаго полка. Между тѣмъ, обѣ батареи съ остальными частями кавалеріи начали подтягиваться и расположились на полянѣ. Головныя два орудія, съ удвоенною запряжкою, попытались въѣхать на высоту, но всѣ ихъ усилія были тщетны и съ полдороги оба спустились обратно внизъ. Такимъ образомъ, имѣя при себѣ 16-ть орудій, мы лишены были возможности разгромить ими турецкій редутъ и утвердиться на крайнемъ правомъ флангѣ непріятельской позиціи *).

Былъ уже восьмой часъ вечера, когда бой началъ замѣтно

*) Многіе утверждали, что во время обходнаго движенія кавалеріи 13-го іюня, одно за другимъ получались изъ штаба приказанія поспѣшить атакою и каждый разъ князь Чавчавадзе увѣдомлялъ запискою о невозможности исполнить это своевременно, по непроходимости дороги. Это невѣрно; князь не получалъ никакихъ приказаній.

утихать, а затѣмъ линіи ружейныхъ дымковъ, постепенно отходившія отъ турецкой позиціи, ясно указали, что гренадеры отступаютъ. Въ тоже время, съ наблюдательнаго пикета, оставленнаго на хоросанской дорогѣ, получено донесеніе, что вдали видѣются какія-то кавалерійскія части; а другой пикетъ донесъ, что изъ зивинскаго лагеря вышли четыре баталіона съ батареею, по направленію къ редуту. Дѣлать было нечего—пришлось отступить. Отойдя около версты, отрядъ остановился, такъ какъ наступающая темнота исключала всякую возможность продолжать движеніе съ артилеріею по такой скверной дорогѣ. Предполагая, что турки воспользуются своимъ успѣхомъ и опрокинутся на изолированную кавалерію, расположившуюся въ 30-ти верстахъ отъ главныхъ силъ, начальникъ кавалеріи сдѣлалъ распоряженія для предстоящаго боя. Обѣ батареи заняли позицію подъ исходящимъ угломъ, а драгунскіе полки, въ виду невозможности дѣйствовать въ конномъ строю, были спѣшены. Остальныя части отряда расположились на прилегающихъ возвышенностяхъ. Въ ожиданіи непріятельской атаки, всѣ приготовились къ упорному сопротивленію, но вскорѣ, выдвинутый впередъ пикетъ далъ знать, что турки отошли обратно въ свой лагерь. Въ 10-ть часовъ вечера, когда взошла луна, отрядъ началъ обратное движеніе и къ разсвѣту прибылъ на площадку противъ праваго флапга турецкой позиціи. Люди и лошади окончательно выбились изъ силъ, работая вторыя сутки безъ пищи и отдыха. Трудное ночное движеніе, сопровождаемое безпрерывными остановками и спѣшиваніемъ для подъема орудій на крутизны, заставило колонну растянуться на громадное протяженіе. До семи часовъ утра войска стягивались къ головѣ колонны и, наконецъ, безпрепятственно построили боевой порядокъ вблизи турокъ, которые, къ общему изумленію, не безпокоили насъ выстрѣлами. Въ 8-мь часовъ, вслѣдствіе полученнаго приказанія присоединиться къ главнымъ силамъ, кавалерія передвинулась къ общему биваку и расположилась впереди гренадерской дивизіи, въ 4-хъ верстахъ отъ крайняго лѣваго флапга турокъ.

Не легко вспомнить день 14-го іюня, проведенный войсками въ мрачномъ настроеніи духа, безъ пищи, фуража и отдыха.

Погребеніе убитыхъ и перевязка весьма значительнаго числа раненыхъ заняли почти весь день. Турки не тревожили насъ и лишь изрѣдка доносились съ передовыхъ постовъ одиночные выстрѣлы. Въ сумерки гренадерская дивизія начала отходить къ мелидюзскому вагенбургу, а кавалеріи приказано было, построивъ боевой порядокъ, прикрыть отступленіе. Въ 10-ть часовъ вечера начала отступать и кавалерія, имѣя въ арріергардѣ Нижегородскій полкъ. Непріятель не преслѣдовалъ насъ, и во второмъ часу ночи мы достигли Мелидюза, гдѣ назначена была дневка.

Итакъ, въ день зивинскаго боя наша довольно многочисленная кавалерія не принесла никакой пользы. Можно ли обвинять ее въ этомъ? Конечно нѣтъ. Направленная по непроходимой дорогѣ, впрягаясь въ орудія, она сдѣлала все, что позволяли физическія силы человѣка, но побѣдить природу, конечно, не могла. Причинъ постигшей насъ неудачи надо искать не въ дѣйствіяхъ кавалеріи, какъ это старались доказывать многіе, не вникая въ сущность дѣла;—главная—безспорно состояла въ томъ, что съ недостаточными силами пытались разгромить почти неприступную позицію.

IV.

Отступленіе согаплугскаго отряда. Снятіе осады Карса. Занятіе турками аладжинской позиціи. Рекогносцировка 16-го іюля. Бой 6-го августа. Нападеніе на турецкій караулъ.

Послѣ дневки въ Мелидюзѣ, утромъ 16-го іюня, Нижегородскій, сѣверскій и два казачьихъ полка были высланы къ Сарыкамышу, для занятія выхода изъ согаплугскаго ущелья. Прибывъ

къ мѣсту назначенія, войска эти должны были озаботиться заготовленіемъ фуража и провизіи, что очень скоро удалось сдѣлать. Въ подножномъ кормѣ и въ дровахъ недостатка не было, такъ что стоянка въ Сарыкамышѣ, продолжавшаяся до 19-го числа, была настоящимъ отдыхомъ. Занимая аванпосты, для предупрежденія возможности неожиданнаго появленія непріятеля со стороны с. Чаплахлы, кавалерія, послѣ прибытія главныхъ силъ, выдвинула цѣпь уже по направленію къ Мелидюзу и Зивину. 18-го іюня вечеромъ, вслѣдствіе донесенія аванпостовъ о появленіи турецкой кавалеріи, Нижегородскій полкъ посланъ былъ для подкрѣпленія цѣпи. Послѣ незначительной перестрѣлки въ лѣсу между разъѣздами, турки отступили, а вслѣдъ за тѣмъ и нижегородцы возвратились къ биваку. На слѣдующій день, 19-го іюня, весь отрядъ продолжалъ отступленіе къ сел. Котанлы. Кавалерія, назначенная въ арріергардъ, пропустивъ мимо себя пѣхоту, выступила въ 11-ть часовъ утра, имѣя въ хвостѣ колонны Нижегородскій полкъ. Слѣдуя медленно, съ частыми остановками, чтобы дать время пѣхотѣ дойти до Котанлы и устроить свой лагерь, кавалерія, къ 4-мъ часамъ пополудни, подтянулась къ этому селенію, оставивъ одинъ казачій полкъ на аванпостахъ, и въ свою очередь приступила къ устройству бивака. Едва начали разбивать коновязи, какъ вдругъ послышались крики: „тревога! Князь Чавчавадзе окруженъ турками!“

Дѣйствительно, въ то время когда кавалерія подходила уже къ Котанлы, князь Чавчавадзе, взявъ съ собою грузинскую дворянскую дружину, направился дальше къ Бегли-Ахмету, для рекогносцировки. Селеніе было занято баши-бузуками, которые, со свойственною имъ безцеремонностью, грабили жителей и отнимали у нихъ скотъ. Видя приближеніе русскаго отряда жители выбѣжали навстрѣчу, умоляя князя Чавчавадзе о помощи. Грузинская дружина бросилась отбивать скотъ, но непріятель, замѣтивъ ея малочисленность, началъ охватывать ее со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ, Нижегородскій полкъ, узнавъ, что начальникъ кавалеріи въ опасности, быстро сѣвъ на коней поскакалъ къ знакомому Бегли-Ахмету. Всѣ предполагали, что близъ этого селенія предстоитъ новое блестя-

щее дѣло, но ожиданія не сбылись: видя несущихся драгунъ, непріятель, побросавъ все награбленное, безъ оглядки бросился бѣжать. Въ сумерки полкъ возвратился къ своему биваку.

20-го іюня, вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, что турки начали наступленіе отъ Мелидюза къ Карсу, гренадерская дивизія, въ составѣ трехъ полковъ, съ транспортомъ раненыхъ, выступила дальше на Хаджи-Халиль, а кавалерія, съ однимъ гренадерскимъ полкомъ, оставлена была въ Котанлы для задержанія турокъ, въ случаѣ ихъ появленія. Высланные утромъ къ Согаплугу дальніе разъѣзды, возвратившись къ вечеру, сообщили, что турецкій авангардъ уже прибылъ въ Сарыкамышъ. Ночь, однако, прошла совершенно спокойно: непріятель насъ не тревожилъ. Въ 7-мь часовъ утра весь отрядъ двинулся къ Владикарсу и, отойдя четыре версты, оставилъ на позиціи Нижегородскій полкъ съ конною батареею, чтобы подъ прикрытіемъ этихъ частей переправиться черезъ Карсъ-чай. Отсюда, въ бинокль, ясно было видно движеніе турецкаго авангарда, прикрывавшагося густою кавалерійскою цѣпью. Когда всѣ части переправились черезъ рѣку, Нижегородскій полкъ, въ свою очередь, перешелъ Карсъ-чай и къ 3-мъ часамъ прибылъ въ Хаджи-Халиль, гдѣ уже сосредоточились всѣ войска генерала Геймана. Въ тотъ же день, вечеромъ, всѣ раненые отправлены были въ Александрополь. Освободившись, такимъ образомъ, отъ громаднаго и притомъ обременительнаго транспорта, отрядъ на другой день выступилъ изъ Хаджи-Халиля на соединеніе съ войсками остававшимися при селеніи Мацра.

Утромъ 23-го іюня, Его Императорское Высочество Главнокомандующій арміею произвелъ у Халифъ-Оглы смотръ войскамъ, возвратившимся изъ Зивина, въ томъ числѣ и Нижегородскому полку. Послѣ отъѣзда Его Высочества отрядъ покинулъ Халифъ-Оглы и къ вечеру соединился, у сел. Мацра, съ отрядомъ генерала Девеля.

Между тѣмъ, турецкая анатолійская армія, подъ начальствомъ Мухтара-паши, уже подходила къ Карсу. При такихъ условіяхъ снятіе осады, и безъ того уже потерявшей значеніе, послѣ движенія почти половины войскъ къ Зивину, станови-

лось неизбѣжнымъ. Необходимость общаго отступленія отъ Карса сознавалась всѣми какъ неизбѣжное, но поправимое зло. 25-го іюня 1-я сводная кавалерійская дивизія, съ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, выдвинута была, въ видѣ бокового заслона, къ Хаджи-Вали и Суботану. Рядъ рекогносцировокъ, произведенныхъ начальникомъ кавалеріи въ сторону Магараджика, Хаджи-Вали и Орлока, обнаружилъ, что непріятель, повидимому, ограничивается сосредоточеніемъ своихъ войскъ къ Карсу, не предпринимая пока ничего рѣшительнаго. Отозванная 27-го числа къ главнымъ силамъ, колонна эта, въ тотъ же день, прибыла въ Занмъ, куда уже отвозились изъ подъ Карса осадный паркъ и всѣ тяжести. Снятіе осады послѣдовало на другой день, 28-го іюня. Хотя дальнѣйшее отступленіе къ Кюрюкъ-Дара было уже рѣшено окончательно, тѣмъ не менѣе, войска оставались на позиціи у Занма до 6-го іюля.

29-го іюня, въ день полковыхъ праздниковъ эриванскаго гренадерскаго и тверскаго драгунскаго полковъ, всѣ офицеры-нижегородцы получили отъ офицеровъ этихъ полковъ приглашеніе на обѣдъ. Старая дружба и взаимное уваженіе связывающія нижегородцевъ съ этими полками, не дозволяя дѣлать выборъ, обязывали побывать въ обоихъ полкахъ. Послѣ молебствія и послѣдовавшаго затѣмъ весьма оживленнаго завтрака у эриванцевъ, всѣ нижегородцы поѣхали къ тверцамъ, у которыхъ церковный парадъ былъ назначенъ значительно позже. Но лишь только окончился молебенъ, совершенно неожиданно раздался сигналъ тревоги, а потому всѣ поскакали обратно въ свой лагерь. Тревога, впрочемъ, оказалась ложною: непріятель нигдѣ не показывался. Къ вечеру всѣ офицеры опять поѣхали къ тверцамъ, гдѣ и провели остатокъ дня въ шумномъ веселіи, за стаканами пылающей жжонки.

Полное затишье на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, наступившее послѣ снятія осады Карса, дало нижегородцамъ возможность достаточно отдохнуть и привести въ порядокъ свою нѣсколько разстроенную матеріальную часть. Получивъ изъ своихъ александропольскихъ складовъ достаточное количество обуви,

аммуниціи, ленчиковъ, подковъ и разныхъ запасовъ, полкъ вскорѣ принялъ такой видъ, какъ будто предшествовавшіе походы скользнули по немъ, не оставивъ никакого слѣда.

6-го іюля главныя силы корпуса начали отходить отъ Занма къ Кюрюкъ-Дара, гдѣ имѣлась въ виду сильная оборонительная позиція. По диспозиціи, отданной наканунѣ, вся кавалерія, составляя правый боковой авангардъ, должна была слѣдовать параллельно главной колоннѣ и, затѣмъ, выждавъ на позиціи впереди Кюльверана, пока пѣхота устроитъ свой лагерь у Кюрюкъ-Дара, отступитъ къ Башъ-Кадыкляру. Въ 7-мь часовъ утра, вся кавалерія съ двумя конными казачьими батареями выступила къ Суботану, откуда уже ясно видны были турецкія колонны, двигавшіяся по склону аладжинскихъ горъ и черкесскіе разъѣзды, снующіе по разнымъ направленіямъ. Пройдя безпрепятственно селеніе Суботанъ, обѣ конныя батареи, по приказанію начальника кавалеріи, заняли позицію впереди Кюльверана, подъ прикрытіемъ Нижегородскаго и сѣверскаго драгунскихъ полковъ. Казачьи полки расположились на флангахъ, а чеченскій конно-иррегулярный полкъ, разсыпавшись вѣеромъ впереди общаго фронта, началъ рысью наступать къ Аладжѣ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, непріятельскіе разъѣзды были оттѣснены и въ 4-ре часа пополудни, вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что главныя силы уже расположились при Кюрюкъ-Дара, вся кавалерія отошла къ Башъ-Кадыкляру, оставивъ для занятія аванпостовъ владикавказскій казачій полкъ. Едва начали разбивать коновязи и палатки, какъ у ставки начальника кавалеріи трубачъ протрубилъ тревогу. Нижегородскій полкъ, собравшись раньше другихъ, поскакалъ съ начальникомъ кавалеріи, черезъ оврагъ, къ аванпостамъ. Остальныя части двинулись вслѣдъ за нимъ. Причина тревоги объяснилась очень скоро. Встрѣченные раненые казаки сообщили, что значительныя массы турецкой кавалеріи окружили владикавказскій полкъ. При этомъ извѣстіи, еще быстрѣе поскакали драгуны, но прибыли къ мѣсту боя все-таки слишкомъ поздно: владикавказцы сами отбили нападеніе. Видя приближеніе кавалеріи съ конными орудіями, горцы, разсыпавшись по равнинѣ, отхлынули назадъ. Для преслѣ-

дованія ихъ выслань былъ дагестанскій конно иррегулярный полкъ, а нижегородцы, развернувъ фронтъ, слѣдовали во второй линіи, наступая лѣвѣе Суботана. Шедшая впереди цѣпь наѣздниковъ, завязавъ перестрѣлку, вызвала вмѣшательство турецкой артиллеріи. У подножія Аладжи показался клубъ дыма, другой, третій и вскорѣ гранаты горныхъ орудій начали бороздить землю впереди нашего фронта. Правѣе непріятельскихъ батарей и нѣсколько выше, по склону хребта, видны были турецкіе таборы, повидимому расположившіеся лагеремъ. Не оставалось болѣе сомнѣнія, что непріятель занимаетъ сильную аладжинскую позицію, и, притомъ, значительными силами, такъ какъ видны были большія пѣхотныя колонны, двигавшіяся отъ Визинкея вдоль по хребту. Съ наступленіемъ сумерекъ перестрѣлка прекратилась и къ 9-ти часамъ всѣ части возвратились въ свой лагерь подъ Башъ-Кадыкляромъ.

На другой день утромъ, турецкія конусообразныя палатки уже бѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ по склонамъ Аладжи. Непріятель стягивалъ свои войска и дѣятельно укрѣплялъ позицію полевыми сооруженіями. Лагерь его ежедневно разростался, а въ бинокль ясно можно было разсмотрѣть редуты и траншеи, точно изъ земли выроставшія у насъ передъ глазами.

Между тѣмъ, наши войска у Кюрюкъ-Дара и Башъ-Кадыкляра оставались въ выжидательномъ положеніи. При незначительности нашихъ силъ, сравнительно съ силами противника, доходившими до 60-ти таборовъ, требовалось бдительное охраненіе войскъ и потому аванпостная служба въ это время была крайне утомительна. Сторожевая цѣпь, прикрывавшая авангардный лагерь у Башъ-Кадыкляра, расположена была впереди горы Кизилъ-Тапа, находившейся въ двухъ верстахъ передъ фронтомъ, и правымъ флангомъ своимъ соединялась съ постами, выставляемыми отъ главныхъ силъ, изъ Кюрюкъ-Дара. Непріятель, по обыкновенію, не тревожилъ нашихъ постовъ и, какъ будто, избѣгалъ даже ничтожныхъ столкновеній съ нашими разъѣздами. Турецкая кавалерійская цѣпь обыкновенно, съ наступленіемъ сумерекъ, отходила назадъ и смѣнялась пѣхотною, которая располагалась такъ близко отъ своего лагеря, что, въ случаѣ нападенія съ нашей сторо-

ны, не могла бы выполнить своего назначенія.

Продолжительное, хотя и вынужденное бездѣйствіе наше, въ ожиданіи подкрѣпленій изъ Россіи, успѣло уже страшно надоѣсть войскамъ, жаждавшимъ боя. По этому, извѣстіе о рекогносцировкѣ лѣваго фланга турецкой позиціи у Визинкея, назначенной на 16-е іюля было встрѣчено всѣми съ живѣйшею радостью. Въ рекогносцировкѣ должны были принять участіе 2-я кавалерійская дивизія, дагестанскій конно-иррегулярный полкъ и 1-я бригада кавказской гренадерской дивизіи. Около 7-ми часовъ утра Нижегородскій полкъ, назначенный въ авангардъ кавалерійской колонны, выступилъ изъ своего лагеря съ терскою батареею, а вслѣдъ за нимъ потянулись остальные полки дивизіи. Когда головныя части колонны подошли къ горѣ б. Ягны, непріятель, смотрѣвшій до тѣхъ поръ спокойно на наше движеніе, поднялъ у себя тревогу и, по пушечному выстрѣлу съ визинкейскихъ батарей, началъ выстраивать боевой порядокъ впереди своихъ окоповъ. Обѣ бывшія при дивизіи казачьи батареи выѣхали на позицію правѣе горы б. Ягны, прикрываясь съ праваго фланга Нижегородскимъ, а съ лѣваго—сѣверскимъ драгунскими полками, расположившимися на линіи орудій въ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ. 1-й и 2-й волгскіе казачьи полки стали уступами сзади драгунъ, а дагестанцы, съ грузинскою дворянскою дружиною—въ лощинѣ, нѣсколько впереди горы. Въ такомъ порядкѣ войска ожидали прибытія корпуснаго командира, желавшаго лично руководить рекогносцировкой. Непріятель, выдвинувъ двѣ дальнобойныя полевыя батареи, тоже какъ будто чего-то ожидалъ.

Около 12-ти часовъ, баши-бузуки и черкесы, подойдя скрытно по балкѣ къ нашему расположенію, открыли ружейный огонь, но вызванные впередъ драгунскіе наѣздники очень скоро заставили ихъ ускакать обратно къ своимъ таборамъ. Наконецъ, въ первомъ часу, показался вдали корпусный командиръ, со своимъ штабомъ. Лишь только онъ объѣхалъ войска, турецкая артилерія открыла огонь, но выпустивъ не болѣе десятка гранатъ замолчала и непріятель не препятствовалъ рекогносцировкѣ, продолжавшейся около часа. Обогнувъ гору б. Ягны и остановившись у подошвы

ся со стороны Визинкея, корпусный командиръ имѣлъ возможность хорошо обозрѣть весь лѣвый флангъ турецкой позиціи, видимый отсюда, какъ на ладони. По окончаніи рекогносцировки, въ минуту отъѣзда генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, внезапно раздался залпъ съ турецкихъ батарей и въ то же время усиленная ружейная перестрѣлка завязалась влѣво, на склонѣ горы, занятой лишь небольшимъ нашимъ пикетомъ. Оттѣснивъ пикетъ и дагестанцевъ, непріятель съ вершины горы б. Ягны сосредоточилъ ружейный огонь по конвою и группѣ всадниковъ, сопровождавшихъ корпуснаго командира. Посланный въ атаку эскадронъ сѣверскаго полка, вслѣдствіе значительной крутизны, вынужденъ былъ вернуться съ полугоры, потерявъ при этомъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ командира эскадрона маіора Гоппе, умершаго черезъ нѣсколько часовъ отъ раны.

Вскорѣ послѣ этого, войска начали медленно отходить въ томъ же порядкѣ, въ какомъ были расположены на позиціи. Турецкая артилерія, преслѣдуя насъ своимъ огнемъ, какъ было уже неоднократно замѣчено, стрѣляла поразительно мѣтко; но еще болѣе достойно вниманія, что наносимый ею при этомъ вредъ былъ положительно ничтоженъ. Гранаты, разрываясь нерѣдко въ самой срединѣ фронта, или вовсе не причиняли вреда, или выносили изъ строя одного, много двухъ человѣкъ. Вообще, во все время кампаніи, убыль отъ артилерійскаго огня была въ Нижегородскомъ полку весьма незначительна. Рекогносцировка 16-го іюля, хотя не была вполнѣ удачной, тѣмъ не менѣе обнаружила, что такіе важные пункты позиціи, какъ горы б. и м. Ягны не были укрѣплены и даже заняты непріятелемъ. Турки, впрочемъ, воспользовались урокомъ и впослѣдствіи исправили эту ошибку.

Однообразно проходило время въ башъ-кадыкларскомъ лагерѣ послѣ 16-го іюля. Вся дѣятельность кавалеріи ограничивалась аванпостною службою, фуражировками и развѣдками. Дни стояли невыносимо знойные. Люди и лошади изнемогали отъ жары и милліоновъ назойливыхъ мухъ, густыми роями покрывавшихъ весь лагерь. Стоянка, вообще, была не привлекательна, но, съ другой стороны, доставляла такія удобства, какими рѣдко случается поль-

зоваться въ военное время. Благодаря легкости сообщеній съ Александрополемъ, Нижегородскій полкъ, въ этотъ періодъ кампаніи, не нуждался ни въ чемъ. Хорошая горячая пища, обиліе мяса, водки и, въ особенности, близость прекрасной здоровой воды благотворно вліяли на здоровье нижнихъ чиновъ. Больныхъ въ полку почти не было, кромѣ, конечно, раненыхъ, находящихся въ госпиталяхъ. Съ прибытіемъ въ Башъ-Кадыкляръ, 7-го іюля, перваго маршеваго эскадрона, нѣсколько порѣдѣвшіе отъ убыли въ дѣлахъ ряды полка были пополнены до штатнаго состава. Всего на укомплектованіе полка поступило 112-ть нижнихъ чиновъ и 108-мь лошадей. Въ тоже время командированъ былъ въ Александрополь офицеръ для пріема винтовокъ Бердана, коими предполагалось вооружить полкъ, вмѣсто прежнихъ ружей системы Крынка.

Между тѣмъ, малочисленность нашихъ войскъ, обнаружившаяся во время предшествовавшихъ операцій на всѣхъ пунктахъ театра войны въ малой Азіи, вынудила выслать изъ Россіи, на усиленіе кавказскаго корпуса, 40-ю пѣхотную и 1-ю гренадерскую дивизіи. Войска эти ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ съ прибытіемъ ихъ являлась возможность начать рѣшительныя дѣйствія и ускорить неизбѣжную развязку затягивающейся кампаніи. Въ первыхъ числахъ августа, ардаганскій отрядъ полковника Комарова былъ придвинутъ къ главнымъ силамъ и вскорѣ начали постепенно подходить полки 40-й дивизіи. Въ тоже время розданы были въ части войскъ карты и планы мѣстности, что уже, само по себѣ, указывало на близкій переходъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ продолжительнаго бездѣйствія, полученная вечеромъ 5-го августа диспозиція на слѣдующій день, явилась какъ будто совершенно неожиданно. Предназначалась усиленная рекогносцировка праваго фланга турецкой позиціи и взятіе сильно укрѣпленнаго холма Ипахъ-Тапа—весьма важнаго для турокъ опорнаго пункта. Послѣднее, впрочемъ, не составляло непремѣнной цѣли дѣйствій и ставилось въ зависимость отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ условій.

Съ разсвѣтомъ 6-го августа, войска главныхъ силъ начали

наступленіе тремя колоннами. Кавалеріи приказано было расположиться впереди Кюльверана, въ общемъ резервѣ. Лагерь у Башъ-Кадыкляра былъ снятъ и вслѣдъ за тѣмъ вся кавалерія, съ Нижегородскимъ полкомъ въ авангардѣ, выступила къ мѣсту назначенія. Большая вѣроятность оставаться весь день въ резервѣ, въ пассивномъ положеніи, конечно, не могла нравиться никому, тѣмъ не менѣе, всѣ надѣялись, что рано или поздно представится случай принять непосредственное участіе въ бою. Около 7-ми часовъ утра войска подошли къ непріятельской позиціи и вскорѣ по всей линіи завязался артилерійскій бой. Густой дымъ, покрывавшій поле, не дозволялъ резерву слѣдить за ходомъ дѣла въ боевыхъ линіяхъ, а извѣстій никакихъ не было. Только гулъ артилерійскихъ выстрѣловъ, сливаясь съ грохотомъ ружейнаго огня по всему фронту, указывалъ на то, что почти всѣ войска вступили въ дѣло. Въ 10-ть часовъ, огонь на нашемъ правомъ флангѣ, впереди горы б. Ягны, усилился до крайнихъ предѣловъ и въ тоже время прискакалъ къ начальнику кавалеріи казакъ отъ командующаго корпусомъ, съ письменнымъ приказаніемъ выслать всю кавалерію къ правому флангу, для поддержки отряда Комарова, сильно тѣсимаго турками. Сѣвъ на коней, рысью двинулась кавалерія за княземъ Чавчавадзе по паправленію къ б. Ягны. Шедшій впереди Нижегородскій полкъ, галопомъ перестроился въ линію взводныхъ колонпъ на полныхъ интервалахъ и, не доходя шаговъ триста до горы, остановился въ лощинѣ. Подъѣхавъ къ передовой линіи отряда полковника Комарова и видя въ какомъ положеніи находится дѣло, начальникъ кавалеріи князь Чавчавадзе сдѣлалъ необходимыя распоряженія для прикрытія отступленія этого отряда, такъ геройски отражавшаго атаки втрое сильнѣйшаго противника. Отсутствіе свободной пѣхоты заставило употребить въ дѣло кавалерію.

1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка былъ спѣшенъ для дѣйствія ружейнымъ огнемъ противъ праваго фланга турокъ, а вслѣдъ затѣмъ обѣ бывшія при кавалеріи батареи, выѣхавъ впередъ, открыли огонь по густымъ наступающимъ цѣпямъ. 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка тоже былъ спѣшенъ и, пробѣжавъ цѣпью

открытую поляну, засѣлъ за камнями на небольшомъ холмѣ. Турецкая цѣпь, поражаемая во флангъ огнемъ драгунъ и шрапнелью конныхъ орудій, вынуждена была остановиться. Въ эту минуту непріятельскія батареи съ ожесточеніемъ осыпали гранатами наши спѣшенныя части, но лишь только первый дивизіонъ, сѣвъ на коней, выѣхалъ изъ лощины—турки начали отступать. Преслѣдованіе отряда Комарова прекратилось и непріятель сосредоточилъ весь свой огонь по кавалеріи, но видя приближеніе эриванцевъ и грузинцевъ, спѣшившихъ съ артилеріею къ мѣсту боя, началъ быстро отходить къ Авліару и Визинкею.

Уступивъ гренадерамъ свою позицію, кавалерія, подъ прикрытіемъ ихъ, отступила къ главному резерву, но подходя къ Суботану была встрѣчена огнемъ горцевъ, вышедшихъ во флангъ намъ въ значительныхъ силахъ. По приказанію полковника Кельпера, человѣкъ 20-ть лучшихъ стрѣлковъ Нижегородскаго полка спѣшились и залегли за камнями. Черезъ нѣсколько минутъ показались скачущія безъ сѣдоковъ лошади и вскорѣ непріятель, прекративъ огонь, отошелъ назадъ, а кавалерія, къ 6-ти часамъ вечера, возвратилась въ свой лагерь у Башъ-Кадыкляра. Благодаря удачному примѣненію къ мѣстности и быстротѣ дѣйствій, убыль въ Нижегородскомъ полку въ дѣлѣ 6-го августа была, вообще, незначительна: ранено 4 нижнихъ чина и убито 6-ть лошадей. Кромѣ того, во время перестрѣлки съ горцами у Суботана, раненъ былъ пулею въ ногу поручикъ Евстафьевъ и контуженъ поручикъ принцъ Махмудъ-Мирза персидскій.

Послѣ боя 6-го августа, въ теченіе недѣли не произошло ничего особенно выдающагося. Нельзя, однако, не упомянуть о незначительномъ дѣлѣ Нижегородскаго полка съ турками въ ночь съ 7-го на 8-е августа. Вызванный по тревогѣ, полкъ, съ терскою батареею, выступилъ въ 12-ть часовъ ночи къ Суботану, съ цѣлью произвести тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ и поддержать команду охотниковъ, высланную съ вечера въ обходъ турецкой аванпостной цѣпи, для захвата главнаго турецкаго караула. При полку находился начальникъ кавалеріи князь Чавчавадзе. Подойдя въ два часа къ суботанскому оврагу, батарея, подъ прикры-

тіемъ полка, заняла позицію по указанію начальника кавалеріи. Непроницаемая темнота ночи благопріятствовала этому предпріятію. Черезъ полчаса послышались впереди выстрѣлы, а вскорѣ затѣмъ прискакали обратно охотники съ плѣннымъ офицеромъ, начальникомъ караула, и 5-ю сувари. Болѣе 20-ти человѣкъ въ карауліѣ были изрублены охотниками. Уморительно комичная внѣшность турецкаго офицера вызвала неудержимый хохотъ. Закутанный въ теплое ватное одѣяло, онъ былъ захваченъ въ постели, въ объятіяхъ какой-то женщины. Подобный эпизодъ, невозможный ни въ какой сколько нибудь благоустроенной арміи, наглядно обрисовывая порядки, существующіе въ турецкихъ войскахъ, при исполненіи ими караульной службы, несомнѣнно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Нападеніе охотниковъ подняло тревогу во всѣхъ турецкихъ лагеряхъ и укрѣпленіяхъ. Съ авліарскихъ батарей послѣдовалъ выстрѣлъ, но благодаря темнотѣ непріятель не видѣлъ нашего расположенія. Съ разсвѣтомъ турецкія батареи открыли огонь. Осколками первой гранаты были сильно контужены командиры 2-го и 3-го эскадроновъ капитанъ Черпышевъ и маіоръ Витте; вторая граната попала въ крестъ на лазаретномъ фургонѣ. Такъ какъ цѣль ночнаго движенія—вызвать тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ и затѣмъ прикрыть отступленіе охотниковъ—была вполнѣ достигнута, то съ наступленіемъ разсвѣта не представлялось уже причинъ оставаться подъ выстрѣлами. Между тѣмъ, турецкая артилерія безпрерывно учащала огонь. Со всѣхъ авліарскихъ батарей сыпались гранаты и, взрывая землю, обдавали ряды пескомъ, не причиняя, однако, почти никакого вреда. Во избѣжаніе безполезныхъ потерь, начальникъ кавалеріи приказалъ начать отступленіе. Полкъ вышелъ изъ подъ выстрѣловъ, развернутымъ фронтомъ, и къ 6-ти часамъ утра прибылъ въ свой лагерь.

V.

Бой 13-го августа за Кизилъ-Тапу. Пріѣздъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго арміею. Вооруженіе полка ружьями Бердана. Первый стрѣлковый бой полка съ новымъ оружіемъ. Отступленіе турокъ отъ Кизилъ-Тапы.

Вскорѣ послѣ боя 6-го августа, въ нашемъ лагерѣ разнесся слухъ, что Мухтарь-паша выдѣлятъ значительную часть своихъ войскъ къ Измаилу-пашѣ для рѣшительнаго наступленія противъ эриванскаго отряда генерала Тергукасова и вторженія въ наши предѣлы. Многіе утверждали, что слухи эти исходятъ отъ самого турецкаго главнокомандующаго, распространяющаго ихъ съ цѣлью ввести насъ въ заблужденіе относительно своихъ истинныхъ намѣреній. Какъ бы то ни было, малочисленность эриванскаго отряда, давно уже озабочивающая командующаго корпусомъ, вынудила выслать къ нему подкрѣпленія. 11-го августа, колонна изъ двухъ пѣхотныхъ и тверскаго драгунскаго полковъ, при 12-ти орудіяхъ, подъ начальствомъ генерала Девеля, выступила изъ Башъ-Кадыкляра, черезъ селеніе Кягачъ, на соединеніе съ генераломъ Тергукасовымъ. Взамѣнъ этихъ войскъ, на слѣдующій день вечеромъ, присланы были въ Башъ-Кадыкляръ, изъ главныхъ силъ, два баталіона владикавказскаго полка. Такимъ образомъ, къ 13-му августа, въ авангардномъ лагерѣ у Башъ-Кадыкляра было только пять баталіоновъ пѣхоты съ двумя батареями и вся кавалерія. Непріятель не могъ не знать о нашей малочисленности и видя поспѣшность, съ какою начали укрѣплять Кизилъ-Тапу, до сихъ поръ почти незанятую войсками, съумѣлъ, какъ нельзя лучше, воспользоваться нашею оплошностью.

Гора Кизилъ-Тапа, лежащая въ двухъ верстахъ впереди авангардпаго лагеря, имѣла весьма важное тактическое значеніе. Возвышаясь отдѣльною вершиною среди плоскости, она доставляла возможность обстрѣливать непріятеля во флангъ, въ томъ случаѣ, еслибы спустившись съ горъ онъ вздумалъ атаковать башъ-кадыклярскій лагерь. Хорошо укрѣпленная и занятая достаточными силами, она могла бы удерживать непріятеля на Аладжѣ,

парализуя всѣ его предпріятія на равнинѣ. Единственный недостатокъ ея состоялъ въ томъ, что доступъ къ ней со стороны Аладжи былъ гораздо удобнѣе, чѣмъ съ нашей. Турки, какъ видно, хорошо понимали значеніе Кизилъ-Таны и, узнавъ о нашемъ намѣреніи занять ее болѣе прочно, рѣшились предупредить насъ.

12-го августа, въ корпусномъ штабѣ имѣлись уже положительныя извѣстія о намѣреніи непріятеля захватить гору. Вслѣдствіе этого, командующій корпусомъ вызвалъ въ Кюрюкъ-Дара начальника штаба авангарднаго лагеря полковника Малама и, сообщивъ ему о вѣроятности нападенія на Кизилъ-Тану въ эту же или въ слѣдующую ночь, приказалъ принять мѣры предосторожности. Въ то же время, на усиленіе войскъ у Кизилъ-Таны высланы были изъ Кюрюкъ-Дара два баталіона владикавказскаго полка, которые, какъ выше уже сказано, прибыли въ Башъ-Кадыкляръ въ тотъ же день вечеромъ. Возвратившись изъ Кюрюкъ-Дара, полковникъ Малама немедленно предупредилъ о готовящемся нападеніи подполковника владикавказскаго полка Еспова и приказалъ ему, выступивъ послѣ ужина съ двумя баталіонами этого полка на Кизилъ-Тану, принять тамъ общее командованіе. Съ владикавказцами должна была слѣдовать батарея 39-й артилерійской бригады, но такъ какъ дорога на гору была разработана крайне небрежно и взвезти по ней ночью орудія не представлялось возможности, то, по просьбѣ командира батареи подполковника Мусхелова, ему разрѣшено было остаться внизу, у подошвы горы. Кавалеріи приказано было имѣть лошадей осѣдланными, а людямъ спать не раздѣваясь и не снимая аммуниціи. Начальникъ авангарднаго лагеря генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе одобрилъ распоряженія полковника Малама, но вскорѣ обстоятельства измѣнились и приказано было владикавказцамъ занять гору лишь на слѣдующій день утромъ. Такимъ образомъ, для обороны Кизилъ-Таны оставленъ былъ попрежнему одинъ 3-й баталіонъ имеретинскаго полка. Аванпосты впереди горы занимала иррегулярная кавалерія, имѣя въ резервѣ 3-й эскадронъ Нижегородскаго полка.

Мертвая тишина царствовала въ башъ-кадыклярскомъ лагерѣ.

Предполагая, что турки, по обыкновенію своему, сдѣлаютъ нападеніе только передъ разсвѣтомъ, всѣ почивали безмятежнымъ сномъ. Въ 3-мъ часу ночи трескотня ружейнаго огня внезапно подняла на ноги весь лагерь. Кизилъ-Тапа засверкала тысячами огней и въ тоже время съ аванпостовъ прискакалъ казакъ съ донесеніемъ, что турецкая кавалерія, съ посаженною на круны лошадей пѣхотою, смявъ нашу цѣпь, атаковала гору. Налетъ турокъ былъ до такой степени быстръ и внезапенъ, что занимавшій гору баталіонъ, едва успѣвъ разобрать ружья, былъ моментально отброшенъ съ большимъ урономъ. За кавалеріею, бѣгомъ слѣдовали лучшіе арабистанскіе баталіоны и, черезъ нѣсколько минутъ, Кизилъ-Тапа была уже прочно занята непріятелемъ. Между тѣмъ, бывшіе въ лагерѣ четыре баталіона имеретинскаго и владикавказскаго полковъ, по первымъ выстрѣламъ, построили боевой порядокъ и, не зная еще въ какомъ положеніи находится дѣло, начали наступленіе. Кавалерія выстроилась на лѣвомъ флангѣ пѣхоты, а дежурный Нижегородскій полкъ, поскакавшій къ горѣ раньше другихъ, получилъ приказаніе дѣйствовать съ кубанскою батареею на правомъ флангѣ боеваго расположенія. Подъѣхавъ на 450-тъ саженъ къ Кизилъ-Тапѣ, полковникъ Кельперъ приказалъ батареѣ занять позицію подъ прикрытіемъ перваго эскадрона, а 2-й и 4-й эскадроны выстроилъ развернутымъ фронтомъ нѣсколько сзади батареи. О третьемъ эскадронѣ не было никакихъ извѣстій. Не смотря на безчисленные залпы, которыми турки встрѣтили нижегородскій полкъ и батарею, послѣдняя, спокойно снявъ орудія съ передковъ, открыла учащенный огонь картечными гранатами по таборамъ, скучившимся на горѣ.

Сознавая необходимость во что бы то ни стало удержать за собою гору, непріятель развилъ свой огонь до невиданныхъ еще съ начала кампаніи размѣровъ. Посланный княземъ Чавчавадзе на гору баталіонъ имеретинскаго полка былъ отбитъ съ большимъ урономъ, а два баталіона владикавказскаго полка, подъ начальствомъ полковника Романовича, овладѣли восточною, болѣе низкою окопечностью Кизилъ-Тапы, а затѣмъ получили приказаніе отступить. Вскорѣ послѣ первой атаки имеретинцевъ, начальникъ отряда князь Чав-

чавадзе былъ раненъ пулею въ голову и уѣхалъ, передавъ начальство генералъ-маіору Лорисъ-Меликову. Съ разсвѣтомъ, бой началъ принимать болѣе широкіе размѣры. Изъ Кюрюкъ-Дара выслана была колонна изъ нѣсколькихъ баталіоновъ, подъ командою полковника Комарова, для удержанія непріятеля въ центрѣ его позиціи. Гулъ артилерійскихъ выстрѣловъ и грохотъ ружейнаго огня, раздававшіеся съ стороны Суботана, указывали на то, что полковникъ Комаровъ завязалъ горячее дѣло, а вслѣдъ за тѣмъ послышались выстрѣлы и на крайнемъ правомъ флангѣ нашего расположенія. Нижегородскій полкъ, съ кубанскою батареею капитана Пышкина, не получая никакихъ приказаній, до 10-ти часовъ утра оставался на занятой позиціи. Къ туркамъ постоянно прибывали подкрѣпленія и они быстро окапывались на вершинѣ Кизилъ-Тапы. Одна непріятельская батарея, поднимавшаяся на гору, была сбита удачнымъ огнемъ кубанской батареи и принуждена отступить. Замѣтивъ это, непріятель участилъ огонь. Гранаты десятками ложились въ рядахъ эскадроновъ и между орудіями, а одна попала въ зарядный ящикъ, но стоявшій вблизи сотникъ Маличъ съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ вытащилъ ее изъ ящика. Кубанцы не замедлили отплатить туркамъ, въ свою очередь взорвавъ у нихъ зарядный ящикъ.

Въ одиннадцатомъ часу, Нижегородскій полкъ получилъ приказаніе немедленно передвинуться на крайній правый флангъ нашей позиціи, такъ какъ непріятель, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, предпринялъ обходное движеніе со стороны сильно укрѣпленной горы б. Ягны. Къ этому времени въ полку убыль была слѣдующая: ранены прапорщикъ Эрастовъ, шесть нижнихъ чиновъ и 13-ть лошадей, убиты два нижнихъ чина и три лошади. Кромѣ того, былъ убитъ гранатою фельдшеръ, перевязывавшій за линіею полка раненыхъ. Отступивъ съ позиціи уступами и пройдя затѣмъ рысью, во взводной колоннѣ, вдоль всего боеваго расположенія, полкъ черезъ полчаса прибылъ къ мѣсту назначенія, гдѣ и поступилъ подъ начальство генерала Шереметева. Здѣсь же присоединился къ полку 3-й эскадронъ.

Бой на правомъ флангѣ былъ въ это время въ полномъ раз-

гарѣ. Густыя пѣхотныя колонны и толпы всадниковъ настойчиво наступали, съ цѣлью охватить нашъ флангъ, но всѣ усилія непріятеля разбивались о геройскую стойкость эриванскаго полка, бѣглымъ и мѣткимъ огнемъ удерживавшаго натискъ. Отбитію атакъ весьма много содѣйствовали также двѣ бывшія у генерала Шереметева конныя батареи. Такъ какъ главная цѣль турокъ въ бою 13-го августа состояла въ томъ, чтобы какою бы то ни было цѣною захватить Кизилъ-Тапу, то очевидно, что ихъ дѣйствія противъ нашего праваго фланга имѣли демонстративный характеръ. Достигнувъ цѣли и видя невозможность оттѣснить нашъ правый флангъ, непріятель удовольствовался своимъ успѣхомъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Въ два часа пополудни ружейный огонь прекратился по всей линіи, а въ четыре—начала утихать и артилерійская канонада. При самомъ началѣ боя послано было генералу Девелю приказаніе воротиться изъ Кягача и атаковать турокъ во флангъ, но генералъ не нашелъ возможнымъ исполнить это своевременно. Съ наступленіемъ сумерекъ получено было приказаніе—главнымъ силамъ отступить къ горѣ Караялу, а авангарду занять позицію правѣе и нѣсколько сзади Баинъ-Кадыкляра, на высотахъ около селенія Огузлы. Нижегородскій полкъ, входившій въ составъ авангарда, оставилъ свою позицію поздно вечеромъ и прибылъ въ Огузлы въ два часа ночи.

Нельзя не упомянуть о дѣйствіяхъ 3-го эскадрона въ ночь на 13-е августа. Составляя резервъ аванпостовъ, онъ расположенъ былъ нѣсколько лѣвѣе Кизилъ-Тапы и находился въ полной готовности поддержать цѣпь въ случаѣ нападенія. Безпрерывно высылаемые имъ разъѣзды возвращались съ донесеніями, что въ цѣпи все обстоитъ благополучно. Услышавъ въ два часа ночи выстрѣлъ, командующій эскадрономъ штабсъ-капитанъ Дебогорій-Мокріевичъ послалъ въ цѣпь вахмистра узнать о причинѣ и въ тоже время, посадивъ эскадронъ на коней, повелъ его рысью впередъ. Едва эскадронъ тронулся съ мѣста, какъ вершина горы мгновенно освѣтилась ружейными огнями и прискакавшій обратно вахмистръ доложилъ, что цѣпь прорвана непріятелемъ, наступающимъ въ большихъ силахъ. Обогнувъ гору, и продолжая подвигаться впе-

редъ, эскадронъ былъ встрѣченъ съ лѣвой стороны толпами башибузуковъ, открывшихъ по немъ ружейный огонь. Попавъ, такимъ образомъ, подъ перекрестный огонь съ обоихъ фланговъ, штабсъ-капитанъ Дебогорій-Мокріевичъ вызвалъ наѣздниковъ, подъ командою прапорщика фонъ-Мензенкампфа, для удержанія натиска башибузуковъ, а эскадронъ отвелъ нѣсколько назадъ и, спѣшивъ его, открылъ огонь по непріятелю, засѣвшему уже на склонѣ горы. Около 10-ти часовъ утра эскадронъ отошелъ за линію боеваго расположенія и, напоивъ лошадей, направился къ правому флангу, для присоединенія къ полку, куда и прибылъ въ самый разгаръ боя. Передъ наступленіемъ сумерекъ, когда огонь уже прекратился, но войска оставались еще на своихъ позиціяхъ, полковникъ Кельнеръ, въ виду сильнаго утомленія лошадей, испросилъ у генерала Шереметева разрѣшеніе послать эскадроны поочереди на водопой. 3-й эскадронъ, успѣвшій напоить лошадей утромъ, во время движенія къ правому флангу, послапъ былъ послѣднимъ, но такъ какъ вода находилась очень далеко—верстахъ въ семи или восьми—то очередь до него дошла поздно. Возвратившись съ водопоя часовъ въ 11-ть вечера, эскадронъ уже не засталъ полка на прежнемъ мѣстѣ, а потому штабсъ-капитанъ Дебогорій-Мокріевичъ, не зная куда отошелъ полкъ, повелъ свой эскадронъ къ Караялу. Близъ Караяла, совершенно неожиданно, оказался полковой обозъ, прибывшій изъ Башъ-Кадыкляра и маркитантъ съ провизіею. Узнавъ объ этомъ, штабсъ-капитанъ Дебогорій-Мокріевичъ приказалъ утромъ сварить людямъ пищу и послѣ ранняго обѣда выступилъ съ эскадрономъ въ Огуалы, гдѣ опять соединился съ полкомъ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ кизилъ-тапинскаго сраженія было то, что турецкая армія, спустившись съ аладжинскихъ горъ, сосредоточила главную массу своихъ силъ на равнинѣ, въ окрестностяхъ Хаджи-Вали и Суботана, имѣя впереди своего фронта уже сильно укрѣпленную гору Кизилъ-Тапу. Фронтъ нашей позиціи тоже измѣнился. Такъ какъ башъ-кадыклярскій лагерь обстрѣливался съ Кизилъ-Тапы, то лѣвый флангъ нашъ былъ отодвинутъ къ Байрахтару. Въ тоже время, главными силами прочно была

занята и укрѣплена гора Караялъ.

15-го августа, вслѣдствіе полученнаго извѣстія о пріѣздѣ изъ Александрополя Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго арміею, Нижегородскій полкъ, по тревогѣ, выступилъ навстрѣчу Его Высочеству, но вскорѣ получено было другое извѣстіе, что Великій Князь не пріѣдетъ, а потому полкъ возвратился въ лагерь.

На слѣдующій день, утромъ, вся 2-я сводная кавалерійская дивизія была передвинута къ Байрахтару и горѣ Учъ-Тапа, на лѣвый флангъ вновь избранной позиціи. Прибывъ къ мѣсту назначенія въ 9-ть часовъ утра, дивизія разбила свой лагерь въ котловинѣ, сзади пѣхоты, расположенной на позиціи, сильно укрѣпленной траншеями и батареями. Гора Учъ-Тапа, тоже изрытая уже окопами, занята была двумя баталіонами съ 9 ф. пѣшею батареею. Впослѣдствіи, она была снабжена еще 4-мя 24 ф. осадными орудіями. Съ прибытіемъ въ Байрахтаръ началась тяжелая аванпостная служба для всей кавалеріи. Ежедневно по одному дивизіону отъ Нижегородскаго и сѣверскаго драгунскихъ полковъ и три сотни казаковъ высылались для занятія сторожевой цѣпи, протянутой отъ Учь-Тапы до Караяла. Невыносимый зной днемъ, холодныя ночи и отсутствіе воды почти по всей линіи аванпостовъ сильно изнуряли людей. Только часть цѣпи, расположенная у Башъ-Кадыкляра, пользовалась водою. Въ лагерѣ хотя и была вода, но дурнаго качества. Эскадроны водили лошадей на водопой за нѣсколько верстъ, причемъ люди старались набирать воду въ котелки, бутылки и всевозможныя посуды. По приказанію начальника отряда куплены были бурдюки и бочки, для доставки воды въ лагерь и на Учъ-Тапу, но ихъ было недостаточно.

16-го августа, Его Императорское Высочество Главнокомандующій арміею, прибывъ изъ Александрополя, лично вступилъ въ командованіе войсками. Пріѣздъ Великаго Князя благотворно повліялъ на духъ войскъ и вызвалъ всеобщую радость. На другой день, объѣзжая байрахтарскій лагерь, Его Высочество благодарилъ войска за мужество и стойкость въ послѣднемъ трудномъ бою.

Подъѣхавъ къ нижегородцамъ и поблагодаривъ полкъ, Великій Князь наградилъ наиболѣе отличившихся нижнихъ чиновъ знаками военнаго ордена, поручика князя Авалова произвелъ въ штабсъ-капитаны, а командиру 1-го эскадрона капитану Тетюцкому пожаловалъ орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Вскорѣ послѣ кизилъ-таинскаго боя, въ Нижегородскій полкъ доставлены были винтовки Бердана, взамѣнъ прежнихъ винтовокъ системы Крынка. Сверхъ нормальнаго комплекта патроновъ отпущено было для пристрѣлки и практической стрѣльбы еще по 12-ти патроновъ на винтовку. По приказанію полковника Кельнера, эскадроны немедленно начали практическую стрѣльбу, въ свободное отъ аванпостной службы время, о чемъ, во избѣжаніе напрасной тревоги, сообщено было сосѣднимъ войскамъ. Обрадованные полученіемъ новаго прекраснаго оружія, нижніе чины очень скоро освоились съ нимъ и первая стрѣльба дала результаты гораздо лучшіе, чѣмъ можно было ожидать. Для поощренія нижнихъ чиновъ, командиръ полка устроилъ состязательную стрѣльбу на призы, причемъ лучшіе стрѣлки получали серебряные часы и деньги. Видя всѣ преимущества новаго оружія передъ старымъ, солдаты горѣли желаніемъ испробовать его на дѣлѣ и нерѣдко слышались такія восклицанія: „а ну-ка, турка, выходи теперь!“

Непріятель, однако, не исполнилъ желанія драгунъ и, оставаясь на своей укрѣпленной позиціи, казалось впалъ въ прежнюю апатію. Изрѣдка только турецкія батареи открывали огонь по нашимъ передовымъ постамъ у Башъ-Кадыкляра. Такъ, 1-го сентября, когда на аванпостахъ стоялъ 2-й эскадронъ штабсъ-капитана Карангозова, турки, замѣтивъ наши фургоны, возвращавшіеся изъ ближайшей деревни, открыли огонь. Одна граната, совсѣмъ некстати, попала въ кучу угольевъ, на которыхъ жарился шашлыкъ для проголодавшихся офицеровъ и, конечно, отъ шашлыка остались только воспоминанія. Эскадронъ, держа лошадей въ поводу и передвигаясь съ мѣста на мѣсто, избѣжалъ потерь. 8-го сентября, пушечные выстрѣлы, раздавшіеся по всей линіи непріятеля, произвели тревогу въ нашемъ лагерѣ, но вскорѣ обнаружилось, что это была салютаціонная стрѣльба холостыми зарядами, по-

случаю какого-то торжества. Вообще, послѣ 13-го августа, полное затишье опять водворилось на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ азіатской Турціи. Непріятель, считая кизилъ-талинскій бой блестящимъ торжествомъ своего оружія, какъ будто отдыхалъ на воображаемыхъ лаврахъ.

Между тѣмъ, въ первыхъ числахъ сентября начали подходить къ намъ изъ Россіи полки 1-й гренадерской дивизіи, а вмѣстѣ съ ними явилась возможность начать наступательныя дѣйствія. Высокій ростъ, прекрасный, бодрый видъ, хорошее обмундированіе гренадеръ производили весьма благопріятное впечатлѣніе. Всякій невольно сознавалъ, что съ такими войсками можно рѣшиться на самыя отважныя предпріятія. Вскорѣ, однако, подтвердилось старое убѣжденіе, что кавказскія войска не должны бояться въ бояхъ никакой конкуренціи. Слава и доблесть кавказскихъ войскъ обрисовались еще рельефнѣе на ряду съ доблестью ихъ вновь прибывшихъ товарищей. Съ приходомъ 1-й гренадерской дивизіи военныя дѣйствія не замедлили принять болѣе рѣшительный характеръ.

18-го сентября, небольшой отрядъ изъ 5-ти баталіоновъ и 10-ти сотенъ, при 12-ти орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шелковникова, высланъ былъ изъ байрахтарскаго лагеря къ камбинскому посту на Арпачай, откуда на другой день, сдѣлавъ обходное движеніе, долженъ былъ атаковать съ тыла правый флангъ турокъ на Аладжѣ. Для отвлеченія отъ этого отряда вниманія непріятеля, Нижегородскому драгунскому и дагестанскому конно-иррегулярному полкамъ, съ 2-мя орудіями кубанской батареи, подъ общимъ начальствомъ полковника Кельнера, приказано было произвести демонстрацію съ фронта, противъ крайняго праваго фланга турокъ. Выступивъ въ три часа утра изъ лагеря, колонна полковника Кельнера, передъ разсвѣтомъ, подошла къ развалинамъ селенія Арасъ-Оглы и расположилась скрытно, выславъ впередъ три сотни дагестанцевъ. Вскорѣ непріятельскіе посты были оттѣснены; но съ разсвѣтомъ къ нимъ подошли подкрѣпленія изъ кавалерійскихъ частей и завязали ожесточенную перестрѣлку съ дагестанцами, которые, не ограничиваясь ружей-

нымъ огнемъ, нерѣдко небольшими группами бросались въ шашки. Постепенно и остальныя три сотни дагестанскаго полка введены были въ бой. Около 9-ти часовъ утра, показалась густая пѣхотная цѣпь и за нею три табора, наступавшіе съ Ишахъ-Тапы, по направленію на Арасъ-Оглы. Въ тоже время усмотрѣны были пѣхотныя колонны, расположенныя у Кизилъ-Тапы. По приказанію полковника Кельнера, 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, спѣшившись, занялъ развалины селенія. 3-й эскадронъ, въ конномъ строю, поставленъ былъ въ лощинѣ, на правомъ флангѣ позиціи, а 4-й—передвинутъ къ лѣвому флангу. Оба орудія поставлены были на холмѣ близъ развалинъ, а коноводы отошли нѣсколько назадъ въ небольшую балку, совершенно укрытую отъ огня. Дагестанцамъ приказано было, очистивъ фронтъ позиціи, собраться къ ея флангамъ.

Лишь только дагестанцы начали отходить, черкесы съ крикомъ бросились на нихъ, но движеніе впередь 3-го эскадрона и сильный огонь цѣпи спѣшенныхъ драгунъ скоро разогнали непріятельскую кавалерію. Черезъ нѣсколько минутъ, массы разсыпанныхъ горцевъ вновь начали наступать, избѣгая, однако, нашихъ конныхъ атакъ и осыпая позицію градомъ пуль изъ своихъ магазинокъ. Безмолвно выжидали спѣшенные эскадроны приближенія непріятеля на вѣрный выстрѣлъ,—затѣмъ открыли мѣткій огонь изъ бердановъ. Горцы быстро отступили, преслѣдуемые какъ ружейнымъ, такъ и артилерійскимъ огнемъ, причемъ ясно было видно, какъ они подбирали тѣла павшихъ товарищей и ловили лошадей изъ-подъ убитыхъ.

Между тѣмъ, бывшія на лѣвомъ флангѣ три сотни дагестанскаго полка, разстрѣлявъ всѣ свои патроны, начали отходить назадъ съ занимаемой ими высоты. Вѣроятно замѣтивъ ихъ отступленіе, довольно значительная толпа горцевъ скрытно обошла по лощинѣ нашъ фронтъ, а человѣкъ двадцать, взобравшись на высоту брошенную дагестанцами, начали обстрѣливать насъ фланговымъ огнемъ—причемъ въ самое короткое время въ цѣпи ранено было 7-мь человѣкъ, а у коноводовъ убита одна лошадь и ранено четыре.

Чтобы прогнать непріятельскихъ стрѣлковъ съ занятой ими высоты, полковникъ Кельнеръ выслалъ 4-й взводъ 4-го эскадрона, подъ командою прапорщика Слизена. Выѣхавъ рысью и затѣмъ спѣшивъ свой взводъ, прапорщикъ Слизенъ бѣгомъ поднялся на высоту, но узнавъ отъ высланныхъ въ сторону наѣздниковъ, что за слѣдующимъ бугромъ находится болѣе сотни горцевъ, послалъ трубача къ эскадрону, съ просьбою поспѣшить къ нему на помощь. Видя смѣлое наступленіе драгунъ, небольшая группа горцевъ, обстрѣливавшая насъ во флангъ, начала быстро отходить назадъ, преслѣдуемая взводомъ. Въ это время подоспѣлъ весь 4-й эскадронъ, въ пѣшемъ строю, и уже прочно занялъ высоту. Вскорѣ за тѣмъ, подошелъ бѣгомъ баталіонъ пѣхоты, присланный съ Учъ-Таны и пріѣхалъ командующій дивизіею генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ. Турки еще разъ перешли въ общее наступленіе, но встрѣченные огнемъ драгунъ и баталіона—отступили. Въ 4-ре часа пополудни огонь совершенно прекратился и отрядъ началъ обратное движеніе.

Первый стрѣлковый бой полка въ пѣшемъ строю, съ винтовками Бердана, былъ весьма удаченъ. Непріятель, неоднократно покушавшійся атаковать насъ, ни разу не выдержалъ нашего огня. Солдаты на опытѣ убѣдились въ превосходствѣ новаго оружія надъ прежнимъ, системы Крынка, и видимо были очень довольны. По возвращеніи отряда въ лагерь, получено было приказаніе вновь приготовиться къ выступленію въ 12-ть часовъ ночи. Времени оставалось немного, а потому объ отдыхѣ нечего было и думать. Послѣ обѣда, напоивъ и выкормивъ лошадей, люди пополнили саквы ячменемъ, приняли сухарей на четыре дня, вареная мяса на два дня, и такъ какъ обозъ отправлялся въ 11-ть часовъ вечера, то успѣли еще поужинать.

По диспозиціи, отданной на 20-е сентября, войскамъ нашего праваго крыла предписывалось съ разсвѣтомъ атаковать части войскъ карсскаго гарнизона, вышедшія изъ крѣпости къ Визинкею и горамъ б. и м. Ягны, для поддержанія лѣваго фланга турецкой арміи. Лѣвому крылу, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лазарева приказано было, занявъ кюльверанскія высоты,

удерживать войска праваго непріятельскаго фланга, дѣйствуя преимущественно артилерійскимъ огнемъ. Отрядъ генерала Шелковникова, какъ уже сказано, долженъ былъ атаковать правый флангъ турокъ на Аладжѣ, съ тыла. Такимъ образомъ, почти всѣмъ войскамъ предстояло принять участіе въ бою. Нижегородскій полкъ назначенъ былъ въ главный резервъ, состоящій изъ двухъ гренадерскихъ, одного пѣхотнаго, двухъ драгунскихъ и одного казачьяго полковъ, при 52-хъ орудіяхъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шатилова. Ровно въ 12-ть часовъ ночи колонны начали вытягиваться изъ лагеря. Вслѣдствіе темноты и большой массы столпившихся войскъ, движеніе было до такой степени медленно, что разстояніе отъ Байрахтара до Огузловъ—не болѣе пяти верстъ, пройдено было въ два съ половиною часа. Въ Огузлахъ нижегородцамъ пришлось остановиться и добрый часъ выжидать, пока подтянутся остальныя части. Передъ разсвѣтомъ, полкъ, отдѣлившись отъ пѣхоты, съ которою выступилъ изъ лагеря, направился къ мѣсту расположенія главнаго резерва.

Полная тишина господствовала на Кизилъ-Тапѣ. Непріятель какъ будто вовсе не замѣчалъ движенія нашихъ войскъ, проходившихъ въ сферѣ ружейнаго огня. Батареи наши, обогнувъ гору полукругомъ, снялись съ передковъ, разсыпались пѣхотныя цѣпи,— а турки молчали. Наконецъ, въ шестомъ часу, послышалась сильная канонада со стороны б. Ягны. Почти въ тоже время раздался пушечный выстрѣлъ съ Кизилъ-Тапы и вскорѣ бой завязался на громадномъ протяженіи отъ Учъ-Тапы до Ягны. Около 11-ти часовъ утра, внезапно вспыхнули дымки горныхъ орудій на вершинѣ Аладжи и начали спускаться все ниже и ниже. Ясно было, что генералъ Шелковниковъ выполнилъ диспозицію, зайдя въ тылъ туркамъ. Къ сожалѣнію, отрядъ его былъ слишкомъ слабъ и потому геройское мужество его не могло принести существенной пользы. Видя незначительность отряда, растерявшійся непріятель успѣлъ опомниться и сосредоточить противъ него значительныя силы. Завязался ожесточенный бой. Нѣсколько таборовъ, въ свою очередь, вышли въ тылъ отряда, положеніе котораго становилось чрезвычайно опаснымъ. Отбивъ штыками атаку турокъ, и выдер-

лавъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ упорный бой, генералъ Шелковниковъ въ четвертомъ часу отступилъ, убравъ всѣхъ своихъ раненыхъ.

Оставаясь въ резервѣ, нижегородцы съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій съ нашего праваго фланга, такъ какъ лѣвому не предстояло рѣшительныхъ дѣйствій. Вскорѣ, дѣйствительно, получено было извѣстіе о взятіи нашими войсками штурмомъ горы б. Ягны. Этимъ, впрочемъ, ограничился нашъ успѣхъ въ первый день этого трехдневнаго боя. Войска карсскаго гарнизона, расположенныя у подножія малой Ягны, хотя были отброшены обратно въ Карсъ, но кровопролитная атака малой Ягны была безуспѣшна. Слѣдующіе два дня Нижегородскій полкъ оставался по прежнему въ резервѣ, не принимая никакого участія въ бою. Впрочемъ, 21-го сентября, 1-й дивизіонъ, подъ командою подполковника Маралина, взятъ былъ генераломъ Лазаревымъ изъ резерва для поддержанія атаки эриванскаго полка на турецкую пѣхоту у Кюльверана, но такъ какъ по ходу боя въ этомъ не встрѣтилось надобности, то дивизіонъ возвратился къ резерву.

Нельзя сказать, что въ этомъ трехдневномъ бою мы одержали рѣшительную побѣду. Взятая штурмомъ гора б. Ягны была вскорѣ брошена нами, вслѣдствіе крайней необходимости притянуть войска поближе къ водѣ, которую приходилось возить почти за 20-ть верстъ. Понятно, турки незамедлили занять вновь эту гору. До какой степени войска страдали отъ жажды—видно изъ того, что пѣхотные солдаты падали замертво, не дойдя до воды и были случаи умопомѣшательства *). Результаты боя обнаружились спустя лишь нѣсколько дней. Турецкая армія была распатана и вынуждена, бросивъ Кизилъ-Тапу, отступить на свою прежнюю аладжинскую позицію. Около 5-ти часовъ вечера, 23-го сентября, войска наши, оставивъ на позиціи дежурныя части, отодвинулись назадъ къ Караялу и Байрахтару. Нижегородскій полкъ, выславъ 2-й дивизіонъ на аванпосты, расположился бивакомъ вблизи Караяла. Въ часъ полуночи, когда уже всѣ спали крѣпкимъ

*) Описаніе боевой жизни 13-го гренадерскаго лейбъ-эриванскаго полка, маіора Шабанова, стр. 84.

сномъ, командующій дивизіею, вызвавъ по тревогѣ первый дивизіонъ, лично повелъ его къ Учъ-Тапѣ, на которую турки, какъ донесли лазутчики, намѣрены были сдѣлать нападеніе въ эту же ночь. Второму дивизіону приказано было спяться съ аванпостовъ и догнать первый дивизіонъ. Съ полкомъ слѣдовали 4-ре орудія конной батареи и нѣсколько казачьихъ сотенъ. Въ виду опасности, грозившей небольшому гарнизону Учъ-Тапы, отрядъ, не смотря на темноту, слѣдовалъ быстро и обойдя близъ Огузловъ два баталіона владикавказскаго полка, спѣшившіе туда же, прибылъ къ мѣсту назначенія задолго до разсвѣта. Нижегородцы расположились за правымъ уступомъ горы, во взводныхъ колоннахъ, имѣя на своемъ правомъ флангѣ 4-ре конныхъ орудія. Казаки стали уступомъ сзади, а два баталіона владикавказскаго полка заняли ложементы на лѣвомъ флангѣ. Нѣсколько драгунъ-охотниковъ высланы были впередъ, чтобы заблаговременно дать знать о приближеніи противника. Ночь, однако, прошла совершенно спокойно: вѣроятно непріятель, получивъ извѣстіе о прибытіи подкрѣпленій къ гарнизону Учъ-Тапы, отказался отъ своего намѣренія атаковать гору. Слѣдующіе нѣсколько дней прошли также спокойно; непріятель не тревожилъ нашихъ передовыхъ постовъ и, какъ видно, уже въ то время пришелъ къ убѣжденію въ необходимости держаться оборонительнаго образа дѣйствій.

Утромъ 27-го сентября, во всемъ нашемъ лагерѣ поднялась тревога: разнесся слухъ, что турки очистили Кизилъ-Тапу и отступаютъ къ Аладжѣ. Аванпосты, въ ночь съ 26-го на 27-е число, занималъ 2-й эскадронъ Нижегородскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Карангозова. Офицера этого, въ свое время, обвиняли въ томъ, что онъ будто-бы прозѣвалъ отступленіе турокъ и позволилъ имъ безнаказанно увезти орудія съ Кизилъ-Тапы; но такое обвиненіе крайне несправедливо и вынуждаетъ сказать нѣсколько словъ въ защиту героя, удостоившагося, спустя нѣсколько дней, получить георгіевскій крестъ. Отличаясь весьма внушительною долею энергіи и рѣшительности, проникнутый насквозь духомъ нижегородцевъ—въ лучшемъ значеніи этого слова—Карангозовъ не способенъ былъ зѣвать. Дѣло въ томъ, что значи-

тельно впереди 2-го эскадрона и гораздо ближе къ Кизилъ-Тапѣ, аванпосты занималъ дагестанскій конно-иррегулярный полкъ; но и его нельзя обвинять въ небрежномъ исполненіи аванпостной службы, такъ какъ услѣдить за непріятелемъ, въ такую темную ночь, не было никакой возможности. Кромѣ того, турки, очищая гору, прибѣгли къ хитрости, которая легко могла ввести въ заблужденіе наши посты: вмѣсто орудій они поставили на горѣ длинныя жестянки, дающія такой же отблескъ, какъ и пушки, а у подножія горы зажгли бурьянъ и сѣно, такъ что вся гора была объята дымомъ. Такимъ образомъ, отступленіе ихъ не могло быть замѣчено съ аванпостовъ даже въ первое время послѣ разсвѣта *). Когда окончательно выяснилось, что непріятель очистилъ Кизилъ-Тапу, войска наши немедленно начали наступленіе. Генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, съ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, дагестанскою конно-иррегулярною бригадою и двумя волгскими казачьими полками, при 8-ми конныхъ орудіяхъ, двинулся рысью къ горѣ. Въ тоже время кавказскіе гренадеры направлены были къ Суботану, а для занятія Кизилъ-Тапы выслана была особая колонна.

Видя, что Кизилъ-Тапа очищена турками, кавалерія двинулась дальше къ Ипахъ-Тепеси, предполагая, что быть можетъ и эта гора покинута ими, но, войдя въ сферу выстрѣловъ, была встрѣчена артилерійскимъ огнемъ. Немедленно терская батарея, занявъ позицію, начала осыпать гору гранатами, а дагестанская бригада завязала близъ развалинъ Ани перестрѣлку съ турецкою кавалеріею. Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась около часа, затѣмъ турки почти внезапно прекратили огонь. Предполагая, что они свозятъ свои орудія и видя какія-то небольшія группы людей, спускавшіяся съ горы, полковникъ Кельнеръ, выслалъ впередъ взводъ отъ 3-го эскадрона, подъ командою прапорщика Протопопова. Разсыпавъ взводъ, Протопоповъ началъ наступленіе рысью, но наткнувшись на огонь укрытаго при подошвѣ горы табора, вынужденъ

*) Отступленіе турокъ съ Кизилъ-Тапы было замѣчено около 10-ти часовъ утра въ зрительную трубу, установленную на Каралѣ, при главной квартирѣ.

былъ отступить. Непріятель, какъ оказалось, и не думалъ очищать гору, а напротивъ началъ стягивать къ ней свѣжія войска, но не дѣлалъ никакихъ попытокъ оттѣснить насъ. Между тѣмъ, гулъ артилерійскихъ выстрѣловъ и бѣшеный ружейный огонь впереди Суботана не прекращались ни на минуту, ясно указывая, что гренадеры наши ввязались въ ожесточенный бой. Войдя въ связь съ ними, кавалерійская колонна почти до самаго вечера оставалась на занятой позиціи, ограничиваясь лишь наблюденіемъ за правымъ флангомъ непріятеля. Въ 5-ть часовъ пополудни кавалерія получила приказаніе возвратиться въ свой лагерь. Бой у Суботана еще продолжался, но съ наступленіемъ сумерекъ выстрѣлы мало по малу начали утихать и вскорѣ совсѣмъ прекратились. Въ этотъ день войска наши заняли всѣ брошенные турками пункты позиціи, какъ-то: Кизилъ-Тапу, б. Ягны, Хаджи-Вали и Суботань.

— — — —

VI.

Обходное движеніе колонны генерала Лазарева въ тылъ аладжинской позиціи. Бой 2-го октября на орлокскихъ высотахъ. Взятіе Авліара и пораженіе турецкой арміи 3-го октября. Нижегородцы въ турецкихъ траншеяхъ. Дѣло 3-го эскадрона и 2-хъ сотенъ съ шестью турецкими таборами.

Бой 27-го сентября подъ Суботаномъ не имѣлъ особеннаго значенія въ общемъ ходѣ военныхъ операцій, но обнаружилъ, что непріятель находится въ незавидномъ положеніи. Общее желаніе войскъ скорѣе покончить съ турецкою арміею близилось къ осуществленію. 28-го сентября, весьма значительная колонна, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лазарева, выдѣлена была изъ

главныхъ силъ для обхода аладжинской позиціи турокъ, которую предполагалось атаковать одновременно съ фронта и съ тыла. Въ составъ отряда генерала Лазарева вошло 23-ри баталіона, пять кавалерійскихъ полковъ, въ томъ числѣ Нижегородскій драгунскій, и болѣе 70-ти орудій. Войскамъ этимъ приказано было взять съ собою сухарей на четыре дня, мяса на два и ячменя для лошадей на три дня. Нижегородскій полкъ, оставивъ при обозѣ всѣхъ слабосильныхъ людей и лошадей, выступилъ 27-го сентября въ 10-ть часовъ вечера, имѣя по десяти рядовъ во взводахъ. Обгоняя по дорогѣ пѣхотныя колонны, выступившія раньше, и переправившись черезъ пограничную рѣку Арпачай въ наши предѣлы, полкъ, около полуночи, остановился на ночлегъ близъ селенія Кягачь. Не разбивая коновязей и не разсѣдлывая лошадей, люди улеглись отдыхать подъ открытымъ небомъ. Всю ночь подтягивались пѣхотныя части и артилерія. На слѣдующій день весь отрядъ долженъ былъ выступить къ камбинскому посту, на переправу черезъ Арпачай, занятую кизляро-гребенскимъ казачьимъ полкомъ. Нижегородскій драгунскій, 1-й и 2-й волгскіе казачьи полки, съ конною батареею терскаго войска, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, составили авангардъ отряда. Переходъ предстоялъ трудный и притомъ довольно большой. Выступивъ съ бивака вскорѣ послѣ разсвѣта, авангардъ, къ 4-мъ часамъ пополудни, прибылъ къ камбинскому посту и, присоединивъ къ себѣ кизляро-гребенской полкъ, прошелъ дальше еще верстъ шесть. Подойдя къ подошвѣ горы, взятой штурмомъ генераломъ Шелковниковымъ, при его обходномъ движеніи 19-го числа, авангардъ остановился на ночлегъ. Кизляро-гребенской полкъ, какъ совершенно свѣжій, высланъ былъ на аванпосты, а остальныя войска, утомленныя продолжительнымъ переходомъ, занялись устройствомъ бивака. Такъ какъ артельный обозъ прибылъ вмѣстѣ съ полкомъ, то явилась возможность накормить проголодавшихся людей горячею пищею. Нашлось также и сѣно.

Ночь прошла спокойно; непріятеля, какъ видно, поблизости не было. Высланные съ вечера разъѣзды доходили до Базарджика не встрѣтивъ нигдѣ турецкихъ разъѣздовъ. На слѣдующій день, въ

три часа послѣ обѣда, авангардъ выступилъ дальше. Подойдя къ селенію Дигоръ, лежащему въ глубокой котловинѣ, съ крутыми спусками и подъемами, голова колонны остановилась—чтобы дать время стянуться всѣмъ частямъ и обозу; а Нижегородскій полкъ, быстро переправившись черезъ котловину, развернулъ фронтъ для прикрытія переправы. Около 9-ти часовъ вечера весь авангардъ остановился на ночлегъ у селенія Акрякъ. Двѣ сотни высланы были на аванпосты, а остальнымъ частямъ приказано было не разсѣдлывать лошадей и, въ случаѣ тревоги, выводить по одному дивизіону отъ каждаго полка, въ пѣшемъ строю. Костры воспрещено было разводить и вообще предписывалось соблюдать на ночлегѣ возможную тишину. Непріятель, однако, не безпокоилъ насъ ночью и, быть можетъ, даже не зналъ о нашемъ присутствіи въ Акрякѣ. Утромъ, по распоряженію генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, жители селенія доставили на бивакъ, для продажи, достаточное количество ячменя, что дало полку возможность запастись имъ на шесть дней. У Акряка авангардъ долженъ былъ оставаться до 2-го октября, въ ожиданіи подвоза сухарей, такъ какъ взятыхъ съ собою при выступленіи хватало только до 1-го числа. Вечеромъ 30-го сентября, прапорщикъ 3-го эскадрона Протопоповъ высланъ былъ съ охотниками на развѣдки о непріятелѣ, о которомъ до сихъ поръ не было никакихъ извѣстій. Охотники долго не возвращались и продолжительное ихъ отсутствіе начало внушать нѣкоторыя опасенія. Наконецъ, на другой день, часовъ въ 11-ть утра, внезапно завязалась перестрѣлка въ аванпостной цѣпи. Дежурный эскадронъ, не медля ни минуты, поскакалъ на выстрѣлы. Оказалось, что Протопоповъ, отбивъ громадное стадо скота, гонитъ его въ лагерь, преслѣдуемый баши-бузуками и курдами. Появленіе дежурнаго эскадрона заставило послѣднихъ убраться назадъ, а стадо, состоящее изъ 800-тъ головъ рогатаго скота, 1500-тъ овецъ и 300-тъ лошадей было благополучно доставлено на бивакъ. Не теряя времени, приступили къ раздѣлу желанной добычи. Часть стада выдана была войскамъ авангарда, а другая передана въ главныя силы. Вечеромъ 1-го октября прибылъ къ авангарду ожидаемый транспортъ, подъ конвоемъ стрѣлковаго баталіона, и по-

лучено приказаніе раздать людямъ сухари на два дня. На другой день пріѣхалъ начальникъ отряда генералъ Лазаревъ со своимъ штабомъ и начала подходить пѣхота обходной колонны со своею артилеріею.

Въ 9-ть часовъ авангардъ выступилъ съ бивака, имѣя впереди Нижегородскій полкъ, а въ боковыхъ разъѣздахъ по одной сотнѣ казаковъ. Отойдя версты три, отрядъ былъ остановленъ и выдѣлилъ небольшую колонну, въ составѣ 3-го эскадрона Нижегородскаго, сотни кизляро-гребенскаго казачьяго и сотни дагестанскаго конно-иррегулярнаго полковъ, подъ общимъ начальствомъ командира эскадрона маіора Витте, успѣвшаго уже вылечиться отъ полученной имъ 8-го августа контузіи. Маіоръ Витте получилъ приказаніе своротить съ дороги влѣво и пройдя черезъ Хаджи-Халиль къ Магараджику, въ тылъ турецкой арміи, изслѣдовать мѣстность, а также провѣрить имѣющіяся свѣдѣнія о движеніи турецкой пѣхоты изъ отряда Измаилъ-паши къ Карсу. Необходимо замѣтить, что обѣ сотни были весьма слабаго состава, такъ что общая численность отряда Витте не превышала 300-тъ человѣкъ. Когда колонна эта отдѣлилась отъ авангарда, послѣдній продолжалъ движеніе и около часа пополудни вышелъ на равнину лежащую, впереди Базарджика, откуда уже хорошо былъ видѣнъ турецкій укрѣпленный лагерь. Выстроивъ боевой порядокъ, отрядъ остановился въ ожиданіи прибытія пѣхоты, входившей въ составъ авангарда. 4-й эскадронъ Нижегородскаго полка, подъ командою капитана Кусова, высланъ былъ впередъ, чтобы поддержать цѣпь охотниковъ, завязавшихъ уже перестрѣлку съ баши-бузуками, спустившимися изъ базарджикскаго лагеря. Не смотря на сильный артилерійскій огонь съ турецкихъ батарей, эскадронъ быстро оттѣснилъ баши-бузуковъ и своимъ движеніемъ заставилъ непріятеля обнаружить свои силы. Такъ какъ на слѣдующій день войскамъ предстояло дѣйствовать на той же позиціи, то явилась необходимость занять лежащую впереди фронта и командующую надъ равниною возвышенность. Съ этою цѣлью 4-й эскадронъ былъ усиленъ охотниками, сотнею гребенскаго и сотнею дагестанскаго полковъ. Спѣшивъ эскадронъ, капитанъ Кусовъ положилъ цѣпь за

гребнемъ высоты, а коноводовъ отвелъ назадъ. Первый дивизіонъ полка оставался при начальникѣ отряда, ожидавшемъ прибытія пѣхоты.

Пока происходили эти незначительныя дѣйствія, нѣсколько таборовъ начали спускаться съ Аладжи направляясь къ орлокскимъ высотамъ, съ очевидною цѣлью, занявъ командующую вершину Шатыръ-Оглы, преградить намъ путь къ Визинкею. По приказанію генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, полковникъ Кельперъ повелъ рысью 1-й дивизіонъ къ горѣ, но турки успѣли раньше занять ее и начали быстро окапываться. Атаковать гору горстью спѣшенныхъ драгунъ, въ числѣ не болѣе ста человѣкъ, конечно не представлялось возможности, но въ это время быстро подходилъ дербентскій полкъ, получившій уже приказаніе штурмовать гору. Видя приближеніе дербентцевъ и получивъ отъ прискакавшихъ дагестанцевъ извѣстіе, что впереди, у большаго Орлока, замѣчено движеніе многочисленнаго непріятеля, полковникъ Кельперъ повелъ дивизіонъ рысью къ б. Орлоку. Вскорѣ послышались учащенные залпы по ту сторону орлокскихъ высотъ, продолжавшіеся нѣсколько минутъ. Такъ какъ впереди дивизіона не было нашихъ войскъ, то всякому невольно пришло въ голову, что тамъ дерется отрядъ маіора Витте и притомъ, судя по силѣ залповъ, съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ. Предположеніе это незамедлило оправдаться. Подойдя къ башнѣ Орлокъ, дивизіонъ сдѣлался свидѣтелемъ слѣдующаго зрѣлища: нѣсколько убитыхъ драгунъ 3-го эскадрона тлѣли на кострахъ, а хвостъ непріятельской колонны, совершившей этотъ подвигъ, спѣшилъ укрыться за гребнемъ возвышенности, занятой уже головными частями, встрѣтившими дивизіонъ частымъ ружейнымъ огнемъ. Шедшій впереди, съ наѣздниками, прапорщикъ Максимовъ успѣлъ, однако, врубиться въ хвостъ колонны и перебить нѣсколько человѣкъ. При убитыхъ, между прочимъ, найдены были нѣкоторыя вещи драгунскаго снаряженія и нижегородскій мундиръ съ надписью: „3-го эскадрона, Зинченко". Не оставалось никакого сомнѣнія, что эти таборы только что имѣли дѣло съ отрядомъ маіора Витте, но куда отступилъ отрядъ— не было извѣстно.

Атаковать непріятеля, занявшаго гребень возвышенности въ числѣ шести отборныхъ таборовъ, было безцѣльно и привело бы къ безполезнымъ потерямъ; тѣмъ болѣе, что для этого дивизіону предстояло дебушировать изъ дефиле, а затѣмъ перейти мостъ подъ выстрѣлами, по мѣстности совершенно открытой. Поэтому полковникъ Кельнеръ, спѣшивъ дивизіонъ, приказалъ начать съ непріятелемъ перестрѣлку. Наступили уже сумерки, когда турки прекратили огонь и скрылись за гребнемъ. Не теряя времени, оба эскадрона, сѣвъ на коней, двинулись за ними, чтобы не упускать ихъ изъ вида, но пройдя небольшое разстояніе были вновь встрѣчены ружейнымъ огнемъ. Когда наступила совершенная темнота дивизіонъ присоединился къ авангарду, около горы, взятой съ боя дербентскимъ полкомъ. Здѣсь же присоединился 4-й эскадронъ, дѣйствовавшій весь день на крайнемъ правомъ флангѣ позиціи.

Выше было сказано, что 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка двинулся отъ Шатыръ-Оглы къ б. Орлоку въ ту минуту, когда подошелъ дербентскій полкъ. Послѣдній, не обращая вниманія на градъ пуль, какимъ его встрѣтили турки, началъ быстро подниматься на гору и вскорѣ достигнувъ вершины выбилъ непріятеля штыками. Для содѣйствія атакѣ дербентцевъ и отраженія турецкихъ баталіоновъ, спѣшившихъ изъ базарджикскаго лагеря къ Шатыръ-Оглы въ помощь своимъ войскамъ, атакованнымъ дербентцами, по приказанію генерала Лазарева, высланы были, за неимѣніемъ подъ рукою пѣхоты, три сотни 2-го волгскаго казачьяго и 4-й эскадронъ Нижегородскаго полковъ, подъ общимъ начальствомъ начальника штаба отряда полковника Малама. Быстро вскочивъ на возвышенность, по которой слѣдовало около четырехъ таборовъ турецкой пѣхоты, 4-й эскадронъ и казаки спѣшились и, занявъ крѣпкую позицію, встрѣтили непріятеля усиленнымъ огнемъ. Ошеломленные внезапнымъ появленіемъ противника, турки заколебались и, измѣнивъ направленіе, начали отступать къ сторонѣ г. Ягны. Драгуны и казаки преслѣдовали ихъ огнемъ, до прибытія на смѣну 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Наступившая темнота прекратила бой, результаты котораго были весьма важны: занявъ часть орлокскихъ высотъ, мы прочно утверди-

лись въ тылу турецкой арміи и, такимъ образомъ, пріобрѣли возможность нанести ей, на другой день, окончательное пораженіе.

Ночь съ 2-го на 3-е октября войска провели на занятыхъ позиціяхъ. Коновязи не разбивались и люди отдыхали держа лошадей въ поводу. 2-й эскадронъ Нижегородскаго полка высланъ былъ на аванпосты и расположилъ свою цѣпь въ ста шагахъ отъ турецкихъ постовъ, зорко слѣдя за всѣми движеніями непріятеля. Убыль въ дѣлѣ 2-го октября въ Нижегородскомъ полку была ничтожна: ранено двое нижнихъ чиновъ; лошадей убито 3-ри, ранено 4-ре. Поздно ночью, командиръ полка полковникъ Кельперъ привезъ отъ начальника авангарда извѣстіе, что наутро назначена общая атака аладжинской позиціи съ фронта и съ тыла. Съ разсвѣтомъ полкъ былъ отодвинутъ назадъ, къ отряду генерала Гурчина, но въ 10-ть часовъ утра получилъ приказаніе возвратиться на прежнее свое мѣсто. 1-й полуэскадронъ 2-го эскадрона, подъ командою штабсъ-капитана князя Авалова, высланъ былъ на карсскую дорогу для наблюденія за непріятелемъ и возвратился къ полку передъ самымъ началомъ дѣла.

Между тѣмъ, главныя силы корпуса, въ 6-ть часовъ утра, начали наступленіе къ Аладжѣ и Авліару. Гора Авліаръ, укрѣпленная траншеями въ нѣсколько ярусовъ, составляла ключъ турецкой позиціи и потому на ней сосредоточивался весь интересъ боя. Овладѣвъ Авліаромъ, мы разрѣзывали турецкую армію пополамъ, а это ставило ее въ безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что въ тылу у нея находился уже отрядъ генерала Лазарева. Обѣ арміи отлично понимали значеніе Авліара и сдѣлали все, чтобы обладать имъ. Мы, вообще, привыкли легко относиться къ врагу, но защитники Авліара оказались на уровнѣ возложенной на нихъ роковой задачи. Съ нашей стороны 64-ре орудія начали громить гору шрапнелью. Огонь былъ въ полномъ значеніи слова адскій и вскорѣ Авліаръ задымился, какъ вулканъ, отъ разрыва сыпавшихся на него гранатъ. Не смотря, однако, на бѣшеную пальбу батарей, обогнувшихъ гору полукругомъ, турки неоднократно переходили въ наступленіе, но каждый разъ сталкивались съ геройскимъ мужествомъ кавказскихъ гренадеръ и, въ концѣ концовъ,

должны были пасть.

Около полудня, къ Нижегородскому полку подъѣхалъ генералъ Шелковниковъ и объявилъ, что Авліаръ взятъ гренадерами. Героями Авліара были эриванцы—наши старые кунаки. Громкое „ура“ раздалось въ рядахъ полка, при этомъ радостномъ извѣстіи. Вслѣдъ засимъ полкъ, получивъ приказаніе начать наступленіе, вытянулся во взводную колонну. Для охраненія себя отъ случайныхъ столкновеній, вмѣсто обыкновенныхъ разъѣздовъ и дозорныхъ, высланы были въ стороны два офицера—поручикъ Панчулидзевъ и прапорщикъ Слизенъ, съ однимъ рядовымъ каждый. Пройдя небольшое разстояніе подъ выстрѣлами турецкихъ батарей, полкъ издали, вёрстахъ въ двухъ, замѣтилъ движеніе нѣсколькихъ непріятельскихъ баталіоновъ, слѣдовавшихъ къ Визинкею. Лучшаго момента для атаки быть не могло: турки шли въ безпорядкѣ, подставивъ фланги своихъ колоннъ фронту нижегородцевъ. Моментально головы эскадроновъ выскочили на линію, а затѣмъ 1-й и 4-й эскадроны, выстроивъ фронтъ, карьеромъ ринулись на турецкіе баталіоны. Непріятель попытался остановить атаку ружейнымъ огнемъ, но безполезно—эскадроны врубились въ колонны и таборы вразсыпную бросились бѣжать, оставивъ въ рукахъ нижегородцевъ три орудія съ полною запряжкою. Часть непріятельской колонны, не охваченная нашимъ фронтомъ, успѣла укрыться въ траншеяхъ, на склонѣ визинкейскихъ высотъ, но, не найдя и здѣсь спасенія, легла подъ ударами шашекъ.

За нѣсколько минутъ до начала атаки, слѣдовавшій впереди полка прапорщикъ 4-го эскадрона Слизенъ замѣтилъ около полусотни сувари, увозившихъ, вѣроятно въ Карсъ, свое полковое знамя. Продолжая слѣдовать и наблюдать за ними, Слизенъ послалъ бывшаго при немъ вѣстоваго къ своему эскадронному командиру, съ просьбою прислать карьеромъ его взводъ и, въ то же время, сообщилъ объ этомъ подъѣхавшему къ нему поручику Панчулидзеву. Вѣстовой, прискакавъ къ полку, встрѣтился съ полковникомъ Кельперомъ, который, узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ немедленно выслать впередъ въ головѣ колонны 1-й взводъ 1-го эскадрона поручика Панчулидзева. Встрѣтивъ свой взводъ, прискакав-

шій подъ командою прапорщика Максимова, Пачулидзевъ, не теряя ни минуты, повелъ его въ атаку. Турки, желая спасти знамя, попытались бѣжать, но унтеръ-офицеръ Мурашкинъ догналъ знаменщика и хотя, въ моментъ столкновенія съ нимъ, упалъ съ лошади, такимъ образомъ, что нога осталась въ стремени, тѣмъ не менѣе, успѣлъ стащить съ лошади и турка. Борьба между ними завязалась на землѣ. Сцѣпившись крѣпко другъ съ другомъ, они барахтались до тѣхъ поръ, пока Мурашкину удалось освободить ногу изъ сапога, оставшагося въ стремени. Придушивъ затѣмъ турка, Мурашкинъ отнялъ знамя, которое и было немедленно представлено Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему арміею. Нѣтъ надобности говорить, что за этотъ подвигъ поручикъ Пачулидзевъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а унтеръ-офицеръ Мурашкинъ—золотымъ знакомъ военнаго ордена. Не смотря на блестящій успѣхъ первой атаки на турецкіе баталіоны, полковникъ Кельнеръ вынужденъ былъ остановить эскадроны, такъ какъ появившіеся съ правой стороны гренадеры съ артилеріею, не предполагая, конечно, встрѣтиться здѣсь съ своими войсками, приняли нижегородцевъ за турецкую кавалерію и открыли огонь. Въ то же время непріятель не переставалъ обдавать полкъ градомъ пуль съ фронта и съ лѣваго фланга. Такимъ образомъ, полкъ попалъ подъ перекрестный огонь съ трехъ сторонъ; но нижегородцы въ подобныхъ случаяхъ не теряются. По приказанію полковника Кельнера, маіоръ Маралинъ съ 2-мъ эскадрономъ штабсъ-капитана Карангозова бросился на батарею и траншеи, громившія насъ съ лѣваго фланга, а къ гренадерамъ посланъ былъ трубачъ Тетюшниковъ и, вслѣдъ за нимъ, прапорщикъ Тургіевъ, съ просьбою прекратить огонь. Въ ту минуту, когда турки перебѣгали изъ передней траншеи въ заднюю, 2-й эскадронъ налетѣлъ на нихъ и, изрубивъ защитниковъ траншей, захватилъ оба, бывшія на батареѣ орудія. Во время атаки, когда эскадронъ, перескочивъ черезъ ровъ, влетѣлъ на брустверъ, лошадь прапорщика Гурскаго, споткнувшись, упала во второй ровъ, но турки уже дотого ошалѣли, что ни одинъ не рѣшился тронуть этого офицера. Не задерживая эскадронъ въ траншеяхъ, Карангозовъ,

перейдя визинкейскія высоты, пустилъ его въ разсыпную атаку. Бѣгущіе таборы, бросая оружіе, становились на колѣни, прося пощады. Массы труповъ и раненыхъ турокъ покрывали поле до самаго Визинкея; истребленіе врага было полное. Солдаты рубили съ какимъ-то ожесточеніемъ. Унтеръ-офицеръ Семеновъ, сломавшій на головахъ турокъ двѣ шашки, изрубилъ не меньше двадцати человѣкъ. Унтеръ-офицеръ Кожекинъ, перерубивъ турка пополамъ, крикнулъ: „вотъ какъ надо рубить по-учебному!“ Перечислить всѣ подобные эпизоды невозможно. Особенно отличившихся нельзя было замѣтить, такъ какъ отличался весь эскадронъ.

Когда гренадеры прекратили фланговый огонь, 1-й и 4-й эскадроны, подъ командою полковника Кельпера, снова бросились на траншеи. Непріятель встрѣтилъ атаку залпами, но не могъ остановить ее. Оба эскадрона ворвались въ траншеи, мгновенно облившіяся кровью. До 300-тъ турокъ было изрублено; остальные сдавались въ плѣнъ толпами. Въ это время подошелъ дербентскій полкъ, привѣтствуя нижегородцевъ крикомъ „ура“ и маханіемъ шапками. 2-й эскадронъ, возвращавшійся послѣ разсыпной атаки, встрѣченъ былъ такимъ же привѣтствіемъ. Минута была торжественная. Грозная Аладжа взята, непріятель разбитъ наголову и войска обходной колонны генерала Лазарева соединились на полѣ сраженія съ главными силами. Радостное „ура“ нашихъ войскъ, сливаясь съ грохотомъ выстрѣловъ и звуками военной музыки, раздалось погребальнымъ маршемъ въ рядахъ турецкой анатолійской арміи.

Между тѣмъ, необходимо было преслѣдованіемъ докончать противника. Дербентцы двинулись впередъ, а нижегородцы и волгскіе казаки, съ терскою батареею, пройдя въ интервалы пѣхоты, рысью продолжали наступленіе къ Визинкею. Подойдя къ селенію, 2-й и 4-й эскадроны, спѣшившись, начали штыками выбивать турокъ, а 1-й эскадронъ, обскакавъ селеніе, атаковалъ выходившія изъ него колонны. Захвативъ здѣсь до 500-тъ человѣкъ и переколовъ остальныхъ защитниковъ деревни, эскадроны, сѣвъ на копей, помчались преслѣдовать отступавшіе въ Карсъ остатки разбитой арміи. Сильный артилерійскій огонь съ крѣпостныхъ верковъ и

наступавшія сумерки прекратили преслѣдованіе. Въ Визинкеѣ эскадроны захватили арбы съ галетами и разными другими припасами. Въ совершенной темнотѣ полкъ возвратился назадъ, по пути, пройденному днемъ во время атаки, и въ 8-мь часовъ вечера подошелъ къ горѣ, на которой генералъ Лазаревъ велъ переговоры съ Омеръ-пашею о сдачѣ аладжинской арміи. Здѣсь получено было приказаніе остановиться для отдыха, въ которомъ одинаково нуждались люди и лошади послѣ двухдневнаго непрерывнаго движенія и боя. Несмотря, однако, на усталость, никто не спалъ: всѣ ожидали, чѣмъ кончатся переговоры съ турками. Наконецъ, въ 11-ть часовъ, получено извѣстіе, что капитуляція турецкой арміи подписана Омеръ-пашею.

Потери понесенныя полкомъ въ сраженіи 3-го октября, сравнительно съ достигнутыми результатами, были вообще незначительны: въ трехъ эскадронахъ нижнихъ чиновъ убито три, ранено 16-ть, лошадей убито 18-ть, ранено 31. Изъ офицеровъ только капитанъ Кусовъ и принцъ Эмиръ-Казымъ-Мирза персидскій были легко ранены штыками,—остальные всѣ счастливо отдѣлались *).

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, турецкая армія, сложивъ оружіе, начала спускаться съ аладжинскихъ высотъ подъ конвоемъ гренадеръ. Въ 9-ть часовъ назначенъ былъ объѣздъ войскъ Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ арміею, желавшимъ лично благодарить войска. Для встрѣчи Его Высочества, Нижегородскому полку приказано было выступить съ бивака къ правому флангу общаго расположенія и стать правѣе эриванцевъ, во взводныхъ колоннахъ. Съ началомъ движенія, къ полку подошелъ 3-й эскадронъ, имѣя всего по пяти рядовъ во взводахъ. Больно было видѣть доблестный эскадронъ въ такомъ мизерномъ составѣ. Громадная убыль людей и лошадей сама по себѣ наглядно показывала въ какую передрягу онъ попалъ 2-го

*) За отличіе въ сраженіяхъ 2-го и 3-го октября полковникъ Кельнеръ, капитанъ Кусовъ и штабсъ-капитанъ Карапгозовъ награждены орденами св. Георгія 4-й степени. Въ эти достопамятные два дня пять офицеровъ въ полку удостоились получить эту исключительную военную награду.

октября. Нѣкоторые нижніе чины, лошади которыхъ были убиты, успѣли кое-какъ скрыться и, явившись въ полкъ, сообщили, что эскадронъ, въ лихой свалкѣ съ шестью турецкими таборами, понесъ большія потери, но подробностей они передать не могли. Дѣло, между тѣмъ, происходило такимъ образомъ: маіоръ Витте, какъ было уже сказано, получилъ приказаніе идти съ своимъ маленькимъ отрядомъ черезъ Хаджи-Халиль, сзади орлокскихъ высотъ, къ Магараджику, а затѣмъ, собравъ нужныя свѣдѣнія о непріятелѣ, присоединиться къ авангарду, на такъ называемой мѣстности Яйла. Буквально исполнить это порученіе не было никакой возможности, такъ какъ путь отъ Орлока къ Яйла пролегалъ черезъ турецкіе лагери. Для указанія дороги, генералъ Лорисъ-Меликовъ прислалъ маіору Витте проводника изъ мѣстныхъ жителей, рекомендуя его, какъ человѣка вполнѣ надежнаго и хорошо знакомаго съ мѣстностью. Выславъ въ стороны дозорныхъ, Витте безпрепятственно дошелъ до Хаджи-Халиля. Вблизи селенія отрядъ пастигъ стадо барановъ, которыхъ нѣсколько турецкихъ солдатъ гнали въ свой лагерь и, понятно, захватилъ его. Отъ плѣнныхъ и жителей Хаджи-Халиля Витте узналъ, что шесть таборовъ низама, слѣдовавшіе къ Мухтару изъ корпуса Измаила-паши, ночевали въ селеніи, но утромъ выступили дальше, по направленію къ Орлоку. Мѣстность впереди Хаджи-Халиля была волнистая, весьма удобная для засадъ и печаяпныхъ нападеній. Имѣя впереди взводъ гребенцовъ, подъ командою хорунжаго Черносвитова, отрядъ слѣдовалъ со всѣми необходимыми предосторожностями и вскорѣ втянулся въ оврагъ, по дну котораго пролегала дорога. Пройдя около двухъ верстъ по оврагу, гребенцы увидѣли съ лѣвой стороны небольшую группу турецкихъ всадниковъ и завязали съ ними перестрѣлку. Въ то же время дозорные, слѣдовавшіе по правому гребню высотъ, замѣтили впереди расположеніе шести турецкихъ баталіоновъ, но вслѣдствіе крутизны скатовъ не успѣли своевременно спуститься и донести объ этомъ маіору Витте. Не обращая вниманія на перестрѣлку, отрядъ продолжалъ движеніе и дойдя до перваго перекрестка, поворотилъ вправо, на дорогу ведущую на гору. Ѣхавшіе впереди эскадрона

маіоръ Витте и штабсъ-капитанъ Дебогорій-Мокріевичъ, поднявшись на высоту, внезапно увидѣли передъ собою боевой порядокъ турокъ. Всѣ шесть баталіоновъ стояли въ развернутомъ строю, выдвинувъ оба флапга почти подъ прямыми углами къ линіи общаго фронта. Доступъ со стороны оврага преграждался рядами вьюковъ, за которыми расположилась стрѣлковая цѣпь. На вопросъ маіора Витте—какова мѣстность сзади турецкаго расположенія, проводникъ, рекомендованный генераломъ Лорисъ-Меликовымъ, отвѣтилъ, что дорога дальше стелется скатертью и что идя напроломъ, можно черезъ полчаса соединиться съ отрядомъ генерала Лазарева у Яйла. Тогда Витте, долго не думая, скомандовалъ: „строй фронтъ, шашки вонъ!“ и съ крикомъ „ура“ бросился съ эскадрономъ и сотнями на первый попавшійся баталіонъ. Въ одну минуту баталіонъ былъ смятъ и наполовину изрубленъ. Не ожидая такой дерзости со стороны столь малочисленнаго отряда, турки открыли учащенный огонь залпами въ упоръ, но стрѣляли дотого безпорядочно, что сами поражали другъ друга. Проскакавъ шаговъ полтораста или двѣсти за линію турецкихъ таборовъ, эскадронъ вдругъ остановился надъ отвѣснымъ почти обрывомъ, не имѣя никакой возможности спуститься внизъ. Ясно было, что проводникъ обманулъ Витте. Къ счастью Витте не растерялся, а повернувъ отрядъ кругомъ, съ крикомъ „ура“ вновь бросился съ драгунами и казаками на турецкіе таборы. Не смотря на трескъ безпрерывныхъ залповъ, эскадронъ и сотни врубились въ турецкіе ряды и шашками проложили себѣ путь. Многіе турки, опасаясь быть изрубленными, бросались на землю и лежа встрѣчали атаку. Желая поскорѣе выбраться изъ сферы непріятельскихъ залповъ, и видя, что вдали показалась турецкая кавалерія, легко могущая отрѣзать путь отступленія, отрядъ, спустившись въ оврагъ, отступалъ рысью версты двѣ, затѣмъ перешелъ въ шагъ и, блуждая всю ночь безъ проводника, утромъ 3-го октября присоединился къ авангарду генерала Лазарева у Яйла. Лихая эта свалка, обнаружившая въ полномъ блескѣ доблесть русскаго офицера и солдата, стоила намъ немалыхъ потерь. Въ 3-мъ эскадронѣ изъ 127-ми человѣкъ, бывшихъ въ дѣлѣ, не оказалось на-

лицо 48-ми. Кромѣ того, десять человѣкъ раненыхъ привезены были эскадрономъ въ лагерь. Страдальцы эти умоляли маіора Витте бросить ихъ на дорогѣ, но впослѣдствіи всѣ выздоровѣли и, конечно, отъ души благодарили его за то, что онъ не исполнилъ ихъ просьбы. Лошадей убито 54-ре, ранено 5-ть. Въ гребенской сотнѣ убито 12-ть человѣкъ и ранено 8-мь, лошадей убито 33-ри. У дагестанцевъ убито 16-ть и ранено 6-ть человѣкъ. Хорунжій Ушинкинъ былъ убитъ, а командиръ дагестанской сотни Мамоловъ взятъ въ плѣнъ. Послѣдняго турки гнали пѣшкомъ до Константинополя, гдѣ онъ впослѣдствіи умеръ отъ тифа.

На слѣдующій день, нѣсколько человѣкъ драгунъ, которыхъ считали убитыми, присоединились къ полку и тогда убыль въ эскадронѣ опредѣлилась точнѣе: убитыхъ было 26-ть человѣкъ, раненыхъ 12-ть и трое взяты въ плѣнъ. Всѣ взводные вахмистры были убиты. Замѣчательно, что ни одинъ изъ офицеровъ не былъ раненъ, хотя у всѣхъ плащи были прострѣлены пулями *). Сверхъ того, лошади маіора Витте и прапорщика фонъ-Мензекампфа были сильно ранены, а у штабсъ-капитана Дебогорій-Мокріевича двѣ лошади были убиты, но онъ успѣлъ пересѣсть на третью.

Дѣло 2-го октября останется навсегда въ памяти Нижегородскаго полка, какъ самое свѣтлое воспоминаніе. Оно еще разъ наглядно подтвердило старую, всѣмъ извѣстную истину, что солдатъ съ увлеченіемъ пойдетъ въ огонь и воду, если его поведутъ офицеры, которымъ онъ слѣпо вѣритъ и привыкъ безусловно повиноваться. Атаковать непріятеля въ двадцать разъ сильнѣйшаго, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, конечно, могла заставить только крайность, но къ чести нижегородцевъ нужно сказать, что никому изъ нихъ и въ голову не приходило отступать, когда представился случай поработать шашками. Хотя въ этомъ дѣлѣ весь эскадронъ оказался на уровнѣ своей репутаціи, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя личности привлекли на себя особенное вниманіе,

*) Въ строю находились: капитанъ Литвиновъ, штабсъ-капитанъ Дебогорій-Мокріевичъ, прапорщики фонъ-Мензенкампфъ и Протопоповъ. Командиръ эскадрона маіоръ Витте за дѣло 2-го октября награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

ПЛАНЪ

КЪ ДѢЙСТВІЯМЪ 44го ДРАГУНСКАГО НИЖЕГОРОДСКАГО ПОЛКА

ВЪ ДѢЛАХЪ СЪ ТУРКАМИ 2го и 3го ОКТЯБРЯ 1877 ГО ГОДА.

Масштабъ въ Англійскомъ дюймѣ 750с.

0 750 1500 2250

Кладб.

П.Крузенштернъ

Т. М. Визинкей

Д. Визинкей

2. 9.

М. 9.

3.Октября

Генер. Гейманъ

Г. Гелвиаръ

Укрѣпленныя Визинкейскія высоты

400

Б. Чифтъ

2.Октября вечеръ

Городищенскій редутъ и

Каменистый редутъ 9 и 3.Окт.

3.Октября

Бивакъ

2.Октября

2.Октября

Висшія Орлокъ

Б. Орловъ

2.Октября

2.Октября

Д. Базарджикъ

Д. Кара Кала

2.Октября

Б. Шапыръ-оглы

Ин.

Родники

Р. Дели Илья

2.Октября

Роди-

о чемъ необходимо упомянуть. Когда проводникъ бѣжалъ, унтеръ-офицеръ Ткаченко догналъ его въ серединѣ турецкихъ баталіоновъ и, не имѣя возможности захватить его живымъ, изрубилъ между непріятельскими шеренгами. Унтеръ-офицеръ Дроздовъ, подъ которымъ три лошади были убиты, захватилъ какую-то турецкую клячу и на ней догналъ отступающій уже эскадронъ. Рядовой Кобзыревъ, съ прострѣленною рукою, привелъ на бивакъ двухъ своихъ раненыхъ товарищей. Унтеръ-офицеръ Полковниковъ, подъ которымъ была убита лошадь, пѣшкомъ слѣдовалъ за эскадрономъ, на протяженіи 15-ти верстъ. Дѣло 2-го октября такъ рельефно обрисовываетъ характеръ нижегородцевъ, не привыкшихъ задумываться ни передъ какими препятствіями, что въ память его сложилась въ полку солдатская пѣсня, составленная прапорщикомъ Протопоповымъ. На другой день послѣ дѣла, капитанъ Литвиновъ, съ нѣсколькими драгунами, поѣхалъ на то мѣсто, гдѣ происходила свалка и глазамъ его представилось возмутительное зрѣлище: убитые драгуны и казаки валялись обезображенными, съ выжженными на груди крестами. Звѣрство вообще свойственно азіатскимъ народамъ, но здѣсь представителями его являлись отборные баталіоны низама, а не баши-бузуки и курды. Жаль, что объ этомъ не былъ составленъ протоколъ: онъ наглядно доказалъ бы европейскимъ державамъ, какъ Турція исполняетъ женевскую конвенцію, къ которой осмѣлилась присоединиться. Впрочемъ, такихъ примѣровъ было немало, и въ то время, когда русскій солдатъ предавался суду за украденную у врага курицу, турки безнаказанно мучили нашихъ раненыхъ и издѣвались надъ убитыми героями. Драгунъ—турки въ особенности не жаловали; вѣроятно потому, что мѣдныя головы, какъ они насъ называли по поводу гербовъ на киверахъ, заставляли ихъ слишкомъ солоно хлѣбать. Три драгуна 3-го эскадрона, взятые въ плѣнъ, были разстрѣляны въ Карсѣ за то, что отказались вступить въ турецкую службу. Очевидцемъ ихъ казни былъ маркитантъ Нижегородскаго полка Сарбскъ Сааковъ, попавшійся въ плѣнъ раньше этого дѣла. Его тоже хотѣли казнить, но, благодаря какимъ-то связямъ его съ нѣкоторыми турками, онъ былъ освобожденъ.

VII.

Второй походъ за Соганлугъ. Сформированіе своднаго драгунскаго полка. Дѣло при Зивинѣ. Ночное дѣло 1-го эскадрона при Гассапъ-Кала. Соединеніе соганлугскаго и эриванскаго отрядовъ. Сраженіе на Деве-Бойну. Неудачный штурмъ Эрзерума. Штурмъ и взятіе Карса. Зимнія квартиры. Первый походъ въ Хнысъ-Кала.

Послѣ объѣзда войскъ Его Императорскимъ Высочествомъ, нижегородцы и вся 2-я кавалерійская дивизія направились къ Визинкею, по той же дорогѣ, по которой наканунѣ преслѣдовали турокъ. Путь этотъ, усѣянный множествомъ изрубленныхъ труповъ, покрытъ былъ обломками оружія, брошенными повозками, арбами и ящиками, ясно свидѣтельствовавшими о полномъ пораженіи непріятельской арміи. На всемъ протяженіи до Визинкея санитары подбирали раненыхъ турокъ и на фургопахъ отправляли ихъ къ перевязочнымъ пунктамъ. У Визинкея полкъ расположился бивакомъ, впереди селенія, на возвышенномъ плато, спускающемся отлогими скатами на карсскую равнину. Такъ какъ вся впередилежащая мѣстность была совершенно открыта, то не представлялось надобности выставлять аванпосты, и охраненіе войскъ возложено было на нѣсколько отдѣльныхъ пикетовъ, выдвинутыхъ на равнину. Погода стояла дождливая и дулъ холодный вѣтеръ; но взятыя наканунѣ въ громадномъ числѣ турецкія палатки доставили хорошее убѣжище. Весь день прошелъ въ приготовленіяхъ къ дальнѣйшему походу: принимались сухари, патроны и пополнялись фуражныя саквы. Вечеромъ разнесся слухъ, что вскорѣ предстоитъ вторичное движеніе за Соганлугъ и что Нижегородскій полкъ входитъ въ составъ назначенныхъ для этого войскъ. Новость эта была весьма пріятна, такъ какъ, не исключая возможности участвовать въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, въ тоже время избавляла полкъ отъ скучной блокадной службы, при вторичномъ обложеніи Карса. Не смотря на усталость, никто до глубокой ночи не ложился спать; музыка и пѣсни прекратились поздно, вмѣстѣ съ послѣднимъ потухающимъ костромъ. Общая радость

по поводу блестящаго успѣха сраженій 2-го и 3-го октября, весь день заставляла забывать объ отсутствіи обоза и сопряженныхъ съ этимъ лишеніяхъ. Полученный въ тотъ-же день приказъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею усилилъ еще болѣе восторженное настроеніе войскъ. Великій Князь, не ограничиваясь благодарностью, выраженною Имъ войскамъ при объѣздѣ, соизволилъ въ слѣдующихъ словахъ приказа оцѣнить ихъ заслуги:

„Войска дѣйствующаго корпуса! Сегодня вы одержали побѣду, васъ достойную: разбитая армія, тысячи плѣнныхъ, десятки орудій. Сегодня вы сослужили новую славную службу Царю и Россіи. Благодарю всѣхъ начальниковъ и офицеровъ, свято исполнившихъ долгъ свой. Вамъ же, солдаты, гордость русскаго имени, вамъ Царское „ура“ прогремитъ отъ одного края Россіи до другаго“.

На слѣдующій день утромъ, внезапно послышалась перестрѣлка на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Завязали ее охотники отъ всей кавалеріи, производившіе, подъ начальствомъ Свиты Его Величества генералъ-маіора князя Витгенштейна, рекогносцировку къ Карсу и по эрзерумской дорогѣ. Около 12-ти часовъ прискакалъ на бивакъ оренбургскій казакъ съ донесеніемъ, что охотники окружены турками и несутъ большія потери. Быстро осѣдлавъ лошадей, нижегородцы поскакали по направленію выстрѣловъ, но вскорѣ встрѣтили охотниковъ, которые, оттѣснивъ турокъ, возвращались въ лагерь, съ самыми ничтожными потерями. Донесеніе казака оказалось если не совершенно ложнымъ, то крайне преувеличеннымъ. По возвращеніи въ лагерь, полкъ получилъ приказаніе приготовиться къ выступленію за Соганлугъ, назначенному на другой день.

Для очищенія страны между Карсомъ и Соганлугомъ отъ бродившихъ остатковъ разбитой турецкой арміи и прегражденія корпусу Измаила-паши пути отступленія на Эрзерумъ, сформированъ былъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Геймана, особый соганлугскій отрядъ, въ составъ котораго вошли 20-ть баталіоновъ, 19-ть эскадроновъ и сотенъ и 66-ть орудій. Независимо назначенія въ соганлугскій отрядъ, нижегородцы получили

особое приказаніе конвоировать главную квартиру, съ ея обозами, до селенія б. Тикма. Съ разсвѣтомъ 6-го октября, полкъ былъ уже готовъ къ выступленію, но продолжительные сборы главной квартиры задержали его до 11-ти часовъ. Вслѣдствіе поздняго выступленія и непроходимой осенней грязи не было возможности дойти до Тикмы въ одинъ переходъ, а потому въ сумерки колонна остановилась на ночлегъ въ селеніи Магараджикъ. Не получивъ горячей пищи и дровъ для костровъ, нижніе чины всю ночь не спали и съ нетерпѣніемъ ожидали разсвѣта, чтобы двинуться дальше. Въ полдень 7-го октября главная квартира прибыла въ Тикму, а Нижегородскій полкъ, пройдя селеніе, направился къ Ардосту, гдѣ должна была собраться вся кавалерія согаплугскаго отряда. На другой день, по приходѣ въ Ардостъ, летучій отрядъ изъ 4-го эскадрона, сотни волгскихъ казаковъ и ракетной команды, подъ начальствомъ капитана Кусова, направленъ былъ къ Сарыкамышу для изслѣдованія путей, ведущихъ къ Согаплугу. Возвратившись черезъ два дня, капитанъ Кусовъ донесъ, что дороги свободны и непріятеля нигдѣ не видно.

Между тѣмъ, въ виду крайняго изнуренія лошадей, начальникъ кавалеріи сдѣлалъ распоряженіе о сформированіи своднаго драгунскаго полка, на лучшихъ лошадяхъ, подъ командою полковника Кельнера. Въ составъ этого полка вошли дивизіонъ нижегородцевъ и дивизіонъ сѣверцевъ, имѣя по 15-ти рядовъ во взводахъ. Оставшіеся затѣмъ дивизіоны обоихъ полковъ, на болѣе слабыхъ лошадяхъ, отправлены были въ сел. Бегли-Ахметъ, для отдыха и поправки лошадей. 9-го октября сводный полкъ былъ уже совершенно готовъ къ выступленію. Подошедшій весьма кстати обозъ далъ возможность захватить съ собою все, что могло помѣститься на вьюкахъ, число которыхъ было, впрочемъ, крайне ограничено, такъ какъ отрядъ слѣдовалъ къ Согаплугу лишь съ самымъ необходимымъ обозомъ. Палатокъ разрѣшено было взять по пяти на эскадронъ. Пятидневный запасъ сухарей приказано растянуть на восемь дней, а мяса выдавать по два фунта на человѣка ежедневно. 10-го октября въ 10-ть часовъ утра, кавалерія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, выступила

изъ Ардоста. Переходъ предстоялъ довольно большой—въ 38-мь верстъ и притомъ по грязной, изрыхленной дождемъ дорогѣ, въ значительной мѣрѣ затруднявшей движеніе артилеріи. Въ 6-ть часовъ вечера отрядъ подошелъ къ подножію Согаплуга и расположился бивакомъ у селенія Парсаданъ. Немедленно выставлены были сильные пикеты по тремъ расходящимся ущельямъ, и высланы три дальнихъ разъѣзда, по взводу каждый, подъ командой офицеровъ. Драгуны освобождены были на эту ночь отъ сторожевой и развѣдывательной службы, такъ какъ составляли прикрытіе артилеріи, занявшей весьма удобную позицію на случай внезапнаго ночнаго нападенія. Свѣдѣнія, добытыя разъѣздами, привели къ заключенію, что непріятель очистилъ Согаплугъ и находится у Зивина въ весьма незначительныхъ силахъ. Разъѣзды не встрѣтили даже одиночныхъ баши-бузуковъ, а жители утверждали, что отступленіе турокъ было похоже на безпорядочное бѣгство.

11-го октября утромъ, отрядъ выступилъ черезъ Сарыкамышъ, къ перевалу. Благодаря распорядительности высланнаго впередъ офицера, нижегородскій дивизіонъ успѣлъ запастись въ селеніи печенымъ хлѣбомъ, который, послѣ продолжительнаго довольствія сухарями, казался настоящимъ лакомствомъ. Отъ Сарыкамыша дорога начала уже подниматься въ гору. Крутые подъемы, спуски и грязь—опять до такой степени замедляли движеніе, что отрядъ, переваливъ черезъ хребетъ, прибылъ къ Мелидюзу только въ 4-ре часа пополудни, хотя пройденное разстояніе не превышало 23-хъ верстъ. Здѣсь подтвердились слухи, что турки дѣйствительно расположены на зивинской позиціи. Извѣщенный объ этомъ, генералъ Гейманъ прислалъ вечеромъ приказаніе произвести рекогносцировку къ Зивину и сообщалъ, что на другой день прибудетъ къ Мелидюзу самъ съ пѣхотою. Въ 7-мь часовъ утра 12-го октября, кавалерійскій отрядъ выступилъ съ бивака и, не доходя шести верстъ до Зивина, остановился для привала въ глубокой лощинѣ. Отдохнувъ часа два и выкормивъ лошадей, отрядъ продолжалъ движеніе къ Зивину. Вскорѣ послѣ полудня, передніе разъѣзды прислали донесеніе, что впереди усмотрѣнъ былъ турецкій пикетъ, ускакавшій при нашемъ приближеніи. Въ тоже вре-

мя одинъ изъ разъѣздовъ захватилъ какого-то отставнаго турецкаго солдата, который, на допросѣ у начальника кавалеріи, показалъ, что въ Зивинѣ находится шесть таборовъ низама съ артилеріею и горская кавалерія Кази-Магомы—сына Шамиля. Дѣйствительно, вскорѣ забѣлѣли вдали турецкія палатки и показались группы всадниковъ, очевидно желавшія встрѣтить отрядъ. Дѣло съ самаго начала завязалось горячее. Бывшая впереди сотня 2-го волгскаго казачьяго полка выдвинулась рысью, лѣвѣе дороги, къ траншеямъ, повидимому никѣмъ незанятымъ, впереди которыхъ гарцовали горцы. Въ тоже время 1-й эскадронъ капитана Тетюцкаго, оттѣснивъ своими наѣздниками горцевъ, выѣхалъ на гору и, спѣшившись, открылъ ружейный огонь. Терская полубатарея, занявъ удобную возвышенность впереди зивинскаго оврага, начала обдавать гранатами отступавшихъ горцевъ, а затѣмъ сосредоточила огонь свой по турецкой пѣхотѣ, спускавшейся въ числѣ около пяти тысячъ человѣкъ въ оврагъ, съ цѣлью обойти нашъ правый флангъ. 1-й эскадронъ, охваченный огнемъ съ фронта и съ праваго фланга, видя наступленіе массъ, началъ медленно отступать перебѣжками и, выбравъ болѣе удобную позицію, остановился, продолжая перестрѣлку. Дивизіонъ сѣверцевъ, посланный въ прикрытіе къ батареѣ, тоже спѣшился и открылъ огонь, а 2-й эскадронъ нижегородцевъ, прискакавъ къ цѣпи, пристроился къ лѣвому флангу 1-го эскадрона. Правѣе драгунъ расположился 2-й горско-моздокскій полкъ съ ракетною сотнею.

Непріятель, спустившись въ оврагъ, продолжалъ энергически наступать, а артилерія его, до сихъ поръ молчавшая, начала обстрѣливать насъ изъ двѣнадцати полевыхъ и нѣсколькихъ горныхъ орудій. Не смотря на сильный, прекрасно управляемый огонь драгунъ и горско-моздокскаго полка, мужественно удерживавшихъ натискъ, турецкіе таборы смѣло подвигались впередъ. Хотя потери у насъ въ цѣпи были незначительны, но непріятель какъ-то ухитрился перебить лошадей у коноводовъ, очень хорошо укрытыхъ отъ выстрѣловъ. Видя такое рѣшительное наступленіе превосходныхъ силъ противника, начальникъ отряда выдвинулъ изъ резерва нѣсколько сотенъ казаковъ и приказалъ

первой линіи, подъ ихъ прикрытіемъ, начать отступленіе. Терская полубатарея, перейдя обратно за оврагъ, заняла новую позицію на лѣвомъ высокомъ берегу рѣчки Хапы-чай и начала вновь обстрѣливать наступающіе таборы. Сѣверскій дивизіонъ, отойдя назадъ къ своимъ коноводамъ, пристроился къ батареѣ. Двѣ сотни волгскихъ казаковъ, расположившись въ пѣшемъ строю правѣе горско-моздокскаго полка, прикрыли отступленіе сѣверцевъ и затѣмъ нижегородцевъ. Послѣдніе отступали поэскадронно, поминутно останавливаясь для отпора непріятелю, не рисковавшему, однако, бросаться въ штыки. Такое отступленіе, по мѣстности крайне пересѣченной, было чрезвычайно утомительно. Вслѣдъ за нижегородцами начали отступать казаки. Когда весь отрядъ переправился черезъ оврагъ, турки остановились и, видя невозможность атаковать насъ на новой позиціи, сами начали отступать. Въ эту минуту былъ смертельно раненъ командиръ сѣверскаго дивизіона маіоръ Никифоровъ. Къ концу боя прибыли присланные генераломъ Геймапомъ изъ Мелидюза два баталіона пѣхоты, но такъ какъ въ нихъ не было уже надобности, то ихъ отправили обратно. Благодаря пересѣченной мѣстности, наши потери въ этотъ день были незначительны. Во всемъ отрядѣ офицеровъ убитъ 1, ранено 2, нижнихъ чиновъ убитъ 1, ранено 18-ть, лошадей убито 11-ть, ранено 27-мь. Въ нижегородскомъ дивизіонѣ нижнихъ чиновъ ранено 4-ре, лошадей убито 2, ранено 5-ть. Въ виду крайняго утомленія людей и въ особенности лошадей, войскамъ данъ былъ на два часа отдыхъ, на самой позиціи, а затѣмъ, вслѣдствіе полученнаго отъ генерала Геймана приказанія, весь отрядъ отошелъ къ Мелидюзу, куда и прибылъ въ 10-ть часовъ вечера.

13-го октября, во время дневки, произведена была въ окрестностяхъ фуражировка, такъ какъ уже чувствовался недостатокъ въ фуражѣ, а 14-го утромъ авангардъ выступилъ изъ Мелидюза, имѣя впереди сводный нижегородскій дивизіонъ. Спустившись въ Меджингертъ, колонна вышла на большую эрзерумскую дорогу и въ часъ пополудни подошла къ зданію минеральнаго источника, гдѣ приказано было остановиться всей кавалеріи. Высланные впередъ и въ стороны сильные разъѣзды вскорѣ начали присы-

лать донесенія, что по горамъ видны какія-то колонны, двигающіяся по направленію, почти параллельному нашему движенію. Впослѣдствіи оказалось, что это были войска Измаила-паши тѣснимыя авангардомъ эриванскаго отряда. Отъ разъѣздовъ получено также другое извѣстіе, что турецкій эривпскій отрядъ, еще наканунѣ началъ отступать къ Эрзеруму и что, по разсказамъ жителей, непріятель укрѣпляетъ позицію у Кеприкея, гдѣ находится мостъ черезъ Араксъ. Послѣднее, впрочемъ, оказалось невѣрнымъ: турки, при поспѣшномъ отступленіи, бросили Кеприкей съ его укрѣпленіями и даже не озаботились взорвать мостъ. Въ 7-мь часовъ вечера кавалерія получила приказаніе выступить далѣе, къ Хоросану. Переходъ былъ въ сущности небольшой, но грязь, дождь и темнота ночи казалось утроили разстояніе, такъ что колонна пришла къ мѣсту назначенія часа въ два пополуночи. Утромъ 15-го числа разрѣшено было разсѣдлать лошадей и всѣмъ частямъ приказано произвести усиленную фуражировку. Хотя черезъ селеніе наканунѣ прошелъ турецкій отрядъ, тѣмъ не менѣе сѣно нашлось въ достаточномъ количествѣ, а баранина даже въ изобиліи. Къ довершенію благополучія, погода прояснилась, взошло хотя октябрское, но все же южное солнце и своею мягкою теплотою пригрѣло бивакъ. Люди обсохли, привели въ порядокъ свое солдатское достояніе и весело ожидали дальнѣйшаго наступленія. Послѣ ужина, часовъ въ 8-мь вечера, авангардъ выступилъ изъ Хоросана и, отойдя верстъ 20-ть, остановился на ночлегъ въ открытомъ полѣ, выставивъ 2-й нижегородскій эскадронъ на аванпосты. Баши-бузуки вздумали потревожить передовую цѣпь, но были прогнаны и ночь прошла спокойно. Утромъ 16-го октября, войска авангарда, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, произвели рекогносцировку къ Кеприкею, а нижегородскому дивизіону приказано было двинуться въ обходъ кеприкейской позиціи и, занявъ селеніе Падыжванъ, ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Подойдя къ мосту, передовыя части авангарда имѣли незначительную стычку съ баши-бузуками, а нижегородцы безпрепятственно заняли Падыжванъ. Жители этого богатаго селенія, почти исключительно армяне, доставили дивизіону сѣно и съѣст-

ные припасы по весьма умѣренной цѣнѣ, что въ минувшую кампанію случалось чрезвычайно рѣдко. Ночлегъ предстоялъ удобный, но около 12-ти часовъ ночи пришло приказаніе немедленно выступить къ городу Гассанъ-Кала, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, остановился турецкій арріергардъ. Итакъ, третью ночь пришлось провести безъ сна.

Не доходя версты четыре до Гассанъ-Кала, дивизіонъ соединился съ кавалеріею эриванскаго отряда, слѣдовавшею туда же, и вмѣстѣ съ нею продолжалъ движеніе. Вскорѣ въ передовой казачьей цѣпи, прикрывающей отрядъ, послышались выстрѣлы, а вслѣдъ затѣмъ завязалась оживленная перестрѣлка съ непріятелемъ занимающимъ городъ. Почти въ тоже время, подъѣхалъ къ нижегородцамъ начальникъ согаплугскаго отряда генералъ Гейманъ и приказалъ 1-му эскадрону капитана Тетюцкаго атаковать турецкую пѣхоту, открывшую уже съ кладбища и съ развалинъ старинной крѣпости сильный ружейный огонь. Хотя непріятель имѣлъ прекрасное закрытіе за могильными плитами, поставленными, по азіатскому обычаю, вертикально, тѣмъ не менѣе былъ смятъ налетѣвшимъ эскадрономъ и обратился въ безпорядочное бѣгство по эрзерумской дорогѣ. Желая послѣ атаки собрать эскадронъ, чтобы пройдя городъ продолжать преслѣдованіе, капитанъ Тетюцкій приказалъ трубачу подать сигналъ „аппель", но въ это время какой-то турецкій солдатъ, скрывавшійся за камнями, выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ. Пуля прошла въ животъ, навылетъ, причинивъ рану, отъ которой Тетюцкій 22-го числа скончался. По аппелю эскадронъ собрался къ своему старшему офицеру и, затѣмъ, обойдя городъ, соединился съ остальными войсками. Благодаря страшной темнотѣ ночи, потери въ 1-мъ эскадронѣ вовремя атаки были незначительны: нижнихъ чиновъ убито 3, ранено 2, лошадей убита 1, ранено 4. Самою чувствительною для полка потерею была, конечно, смерть Тетюцкаго, всѣми уважаемаго товарища и лихаго эскадроннаго командира. Генералъ Гейманъ, старый, закаленный въ бояхъ кавказецъ, представлявшій своихъ подчиненныхъ къ наградамъ не иначе, какъ за несомнѣнныя заслуги, оцѣнилъ по достоинству ночную атаку 1-го эскадрона и въ тотъ же

день обѣщалъ представить Тетюцкаго къ георгіевскому кресту. Атака дѣйствительно была трудная: эскадронъ въ темнотѣ скакалъ по полямъ, изрѣзаннымъ во всѣхъ направленіяхъ ирригаціонными канавами, а затѣмъ по кладбищу, усѣянному камнями и плитами. Тѣмъ не менѣе, успѣхъ былъ блестящій. Къ сожалѣнію, Тетюцкій не дождался награды,—смерть вырвала изъ рукъ его почетный орденъ. Преслѣдуя бѣгущихъ турокъ и изрубивъ еще до ста человѣкъ, кавалерія, утромъ 17-го октября, остановилась впереди селенія Куруджукъ, вблизи знаменитой по своей неприступности турецкой позиціи на хребтѣ Деве-Бойну, преграждающей путь къ Эрзеруму.

Переходъ отъ Гассанъ-Кала до Куруджука былъ небольшой, но одинъ изъ труднѣйшихъ во всю кампанію. Погода стояла дождливая и дулъ холодный, насквозь пронизывающій вѣтеръ. Вся эта мѣстность покрыта была полями, орошаемыми цѣлою системою пересѣкающихся между собою канавъ и ручейковъ. Вслѣдствіе движенія большой массы войскъ—турецкихъ, а потомъ нашихъ—съ артилеріею и обозами, по размокшей отъ дождя дорогѣ, грязь сдѣлалась дотого непроходимою, что усталыя лошади съ трудомъ передвигали ноги. 18-го октября почти весь согаплугскій отрядъ стянулся къ Куруджуку и начали постепенно подходить войска эриванскаго отряда, а 22-го октября оба отряда окончательно сосредоточились.

Съ прибытіемъ въ Куруджукъ, начинается для войскъ согаплугскаго отряда самый тяжелый періодъ войны,—періодъ всевозможныхъ лишеній. Недостатокъ провіанта, зернового фуража, сѣна и дровъ съ каждымъ днемъ становился ощутительнѣе. Захваченные въ Керпикѣ и Гассанъ-Кала турецкіе продовольственные склады не могли удовлетворить потребностямъ двухъ значительныхъ соединенныхъ отрядовъ. По крайней мѣрѣ, въ Нижегородскій полкъ изъ 50-ти мѣшковъ турецкихъ галетъ, обѣщанныхъ интендантствомъ, выдано было только десять. Сѣно и саманъ, въ небольшомъ количествѣ, добывались путемъ отдаленныхъ фуражировокъ. Топлива почти небыло. За недостаткомъ хлѣба и сухарей, нижніе чины ѣли сырую пшеницу, или пекли на камняхъ лепешки изъ турец-

кой муки, не задумываясь величать ихъ хлѣбомъ. Понятно, что этотъ, такъ называемый хлѣбъ, вмѣсто питанія, вносилъ въ организмъ солдата всѣ условія разрушенія. Дождь, грязь и сырость, вмѣстѣ съ испареніями поливныхъ полей, явились прекраснымъ подспорьемъ для висѣвшей уже надъ головами тифозной эпидеміи. Къ тому же, войска, обносившись, нуждались въ одеждѣ, обуви и бѣльѣ. Къ чести нашей арміи надо отнести, что соединеніе столькихъ неблагопріятныхъ условій нисколько не поколебало нравственности войскъ и дисциплины. Были, правда, одиночные случаи захвата у жителей съѣстныхъ припасовъ, но это были явленія исключительныя, для прекращенія которыхъ не требовалось какихъ либо особенныхъ мѣръ.

21-го октября, генералъ Гейманъ, съ находящимися при отрядѣ генералами и командирами полковъ, произвелъ рекогносцировку укрѣпленной турецкой позиціи на Деве-Бойну, занятой соединенными силами Мухтара и Измаила пашей, въ числѣ около 60-ти баталіоновъ, при 50-ти орудіяхъ. Рекогносцировка эта привела къ рѣшенію атаковать непріятеля, для чего, на слѣдующій же день вечеромъ, въ войска разослана была диспозиція для боя на 23-е октября. Она составлена была настолько подробно и обстоятельно, что давала полную возможность, безъ помощи карты, уяснить себѣ всѣ особенности турецкой позиціи и планъ предстоящей атаки ея.

Занятый непріятелемъ хребетъ Деве-Бойну раздѣляется большою эрзерумскою дорогою на двѣ части, имѣющія весьма слабую связь между собою. Для прикрытія дороги, непріятель расположилъ за центромъ позиціи небольшой лагерь, укрѣпивъ его траншеями и батареею на нѣсколько орудій. Правый флангъ позиціи составляли три огромные холма, укрѣпленные траншеями и батареями сильныхъ профилей. Фронтальная атака этой части позиціи была почти невозможна, а обходъ ея съ крайняго фланга, у подножія высокой горы Палантекенъ, сопряженъ былъ съ громадными затрудненіями. Лѣвый флангъ позиціи, не менѣе недоступный съ фронта, представлялъ собою возвышенное плато Узунъ-Ахметъ, легко обходимое съ лѣваго своего фланга, по оврагу,

идущему черезъ Деве-Бойну, чѣмъ отлично съумѣли воспользоваться наши войска. Нѣсколько сзади, за лѣвымъ флангомъ, возвышалась гора Чобанъ-Дагъ, также занятая турками, но такъ какъ она отдѣлялась отъ другихъ частей позиціи глубокимъ обрывистымъ оврагомъ, то занимавшія ее войска, по условіямъ самой мѣстности, были изолированы и не могли воспрепятствовать обходному движенію противника. Независимо своей природной неприступности, вся позиція турокъ была сильно укрѣплена полевыми сооруженіями, а на батареяхъ имѣлись даже осадныя двѣнадцати-сантиметровыя крупповскія пушки. Тѣмъ не менѣе, съ перваго взгляда видно было, что турецкая армія, по численности своей, слишкомъ слаба для прочной обороны всей линіи, протянутой почти на 15-ть верстъ, и потому неизбѣжно должна разбросать свои силы *). По диспозиціи, войска наши были раздѣлены на четыре колонны: первая, подъ начальствомъ генералъ-маіора Броневскаго—8-мь баталіоновъ, при 30-ти орудіяхъ, имѣла назначеніе наступать правѣе эрзерумской дороги и, выдвинувъ въ одну линію всю свою артилерію, открыть съ дистанціи 1000 саженей усиленный артилерійскій огонь по возвышенности Узунъ-Ахметъ, затѣмъ, подвинуться на дистанцію 800-тъ саженей, но ни въ какомъ случаѣ не предпринимать фронтальной атаки. Вторая колонна, подъ командою полковника князя Амираджибова—7-мь баталіоновъ, при 8-ми орудіяхъ, предназначалась для обхода лѣваго фланга непріятеля и выступала съ бивака одновременно съ первою. Когда артилерія первой колонны достаточно подготовитъ атаку, полковникъ князь Амираджибовъ, опрокинувъ лѣвый флангъ турокъ, долженъ былъ захватить единственную дорогу, ведущую на плато Узунъ-Ахметъ, затѣмъ открыть огонь по турецкому лагерю; а когда кавалерія обскачетъ Деве-Бойну,—содѣйствовать ей всѣми силами. Обѣ эти колонны состояли подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тергукасова. Третья колонна, генералъ-маіора Авинова—8-мь баталіоновъ и 48-мь орудій—имѣла такое же наз-

*) Описаніе деве-бойнской позиціи извлечено изъ диспозиціи. Генералъ Гейманъ долго былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что заблаговременно, передъ боемъ, поздравилъ войска съ побѣдою.

наченіе какъ и первая, но должна была дѣйствовать лѣвѣе эрзерумской дороги, противъ праваго фланга непріятеля, также исключительно артилерійскимъ огнемъ, и не переходить въ наступленіе. Наконецъ, четвертая колонна, генералъ-маіора фонъ-Шака—8-мь баталіоновъ, двѣ роты саперъ, 6-ть орудій и три сотни казаковъ, получила назначеніе двинуться значительно лѣвѣе первыхъ трехъ колоннъ и, пройдя по дорогѣ, идущей у подножія Палантекена, стараться охватить правый флангъ непріятеля, но дѣйствовать крайне осторожно и перейти въ рѣшительное наступленіе лишь тогда, когда лѣвый флангъ турокъ будетъ опрокинутъ. Общее начальство надъ двумя послѣдними колоннами ввѣрено было генералъ-маіору Соловьеву. Вся кавалерія отряда раздѣлена была на двѣ колонны. Въ составъ первой, подъ командой генералъ-маіора Келбали-хана нахичеванскаго, вошли переяславскій драгунскій, 2-й сунженскій и астраханскій казачьи полки, кавказская ракетная сотня и 1-я батарея кубанскаго войска—всего 13-ть эскадроновъ и сотенъ, при шести конныхъ орудіяхъ. Колоннѣ этой предписывалось расположиться между первою и второю колоннами, внѣ пушечнаго выстрѣла: а когда лѣвый флангъ непріятеля будетъ сбитъ войсками второй колонны—двинуться рысью по оврагу, идущему черезъ Деве-Бойну въ тылъ турецкаго лагеря и, атакуя послѣдній совмѣстно съ войсками князя Амираджибова, отрѣзать турецкимъ войскамъ праваго фланга путь отступленія. Вторая кавалерійская колонна, подъ командою генералъ-маіора князя Амилохвари, состояла изъ своднаго драгунскаго полка (дивизіоны Нижегородскаго и сѣверскаго полковъ), кавказскаго и 2-го горско-моздокскаго казачьихъ полковъ, волгской ракетной сотни и 4-хъ орудій 1-й батареи терскаго войска—всего 13-ть эскадроновъ и сотенъ, при 4-хъ орудіяхъ. Колонна эта, выстроившись впереди селенія Куруджукъ, обязана была выжидать результатовъ атаки князя Амираджибова, а когда лѣвый флангъ непріятеля будетъ опрокинутъ—двинуться рысью по большой эрзерумской дорогѣ и атаковать правую половину турецкихъ войскъ въ ея лѣвый флангъ. Обѣ кавалерійскія колонны, состоя подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, начинаютъ движеніе не иначе, какъ по

особому приказанію.

Задолго до разсвѣта, 23-го октября, весь отрядъ былъ уже на ногахъ, готовясь къ выступленію. Людямъ успѣли сварить горячую пищу, и, послѣ ранняго обѣда въ 6-ть часовъ утра, всѣ войска одновременно двинулись къ Деве-Бойну. Вторая кавалерійская колонна, въ составъ которой входилъ нижегородскій дивизіонъ, согласно диспозиціи, остановилась верстахъ въ двухъ впереди селенія Куруджукъ. Отсюда хорошо видны были другія колонны, наступавшія въ боевомъ порядкѣ, съ выдвинутою впередъ въ одну линію артилеріею. Около 8-ми часовъ утра, показался дымокъ на турецкой позиціи, раздался выстрѣлъ и первая граната врылась въ землю далеко за нашими боевыми линіями. Почти въ тоже время артилерія первой и третьей колоннъ, подойдя къ непріятелю на тысячу саженъ, открыла частый огонь изъ 70-ти орудій.

Оставаясь зрительницею боя, кавалерія съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за дѣйствіемъ артилеріи, побатарейно, все ближе и ближе подвигавшейся къ непріятелю. Вскорѣ густой дымъ, покрывъ боевыя линіи, лишилъ возможности слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ боя. Только глухіе раскаты взрывовъ двухъ зарядныхъ ящиковъ и пороховаго погребка на турецкихъ батареяхъ указывали на превосходное дѣйствіе нашей артилеріи. Впрочемъ, и у насъ одинъ зарядный ящикъ былъ взорванъ, а другой пробитъ гранатою, но безъ взрыва.

Около полудня, по всей линіи затрещала ружейная пальба, а въ четвертомъ часу—огонь артилеріи достигъ крайнихъ предѣловъ развитія. Ясно было, что рѣшительная минута приближается. Дѣйствительно, вскорѣ раздалось „ура“,—и войска второй колонны, ворвавшись на турецкую позицію, штыками погнали непріятеля, опрокидывая все на своемъ пути. Успѣху атаки князя Ампрадзибова въ значительной степени содѣйствовала демонстрація четвертой колонны противъ праваго фланга турокъ. Предполагая охватъ съ этой стороны невозможнымъ, турки заняли правый флангъ позиціи весьма слабыми силами и движеніе генерала фонъ-Шака, какъ и слѣдовало, приняли за демонстрацію. Но потомъ, видя, что наши

среднія колонны ограничиваются канонадой, а генералъ фонъ-Шакъ упрямо отстаиваетъ свою позицію, они введены были въ заблужденіе и стянули противъ него всѣ свои свободныя войска, чѣмъ значительно ослабили свой центръ и лѣвый флангъ.

Пришла очередь дѣйствовать кавалеріи. Первая кавалерійская колонна двинулась рысью по оврагу, съ цѣлью отрѣзать туркамъ отступленіе, но по непроходимости дороги, повсюду изрѣзанной траншеями, не могла выполнить своего назначенія. Вторая кавалерійская колонна, съ нижегородскимъ дивизіономъ впереди, направлена была рысью по большой эрзерумской дорогѣ, но такъ какъ непріятель уже быстро отступалъ по всѣмъ тропинкамъ и оврагамъ, то, не имѣя возможности остановить его, колонна бросилась преслѣдовать. Наступившая темнота прекратила преслѣдованіе; тѣмъ не менѣе, побѣда была полная. Вся артилерія, лагерь, разное имущество и множество плѣнныхъ достались побѣдителю. Генералъ Геймапъ помѣстился на ночь въ палаткѣ Мухтара-паши, который, со свойственною ему предусмотрительностью, успѣлъ бѣжать въ Эрзерумъ. Поздно вечеромъ прискакалъ какой-то турецкій маіоръ съ донесеніями къ Мухтару, но встрѣтился лицомъ къ лицу съ генераломъ Геймапомъ, который, поздравивъ его съ такимъ успѣшнымъ исполненіемъ порученія, тѣмъ не менѣе оставилъ ему его саблю. Ночь эту войска провели на турецкихъ позиціяхъ, ежеминутно ожидая приказанія продолжать наступленіе къ Эрзеруму; но приказаніе, по непонятной причинѣ, не получалось. Никто не сомнѣвался, что смѣлымъ, рѣшительнымъ наступленіемъ можно было въ эту же ночь овладѣть столицею Анатоліи и притомъ безъ особенныхъ жертвъ, такъ какъ общая паника въ городѣ и въ разметанныхъ рядахъ защитниковъ Деве-Бойну сама собою ручалась за успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, удобная минута была упущена и непріятелю дано время опомниться.

Четыре дня войска оставались на занятыхъ позиціяхъ, безпрерывно занимаясь фуражировками, такъ какъ отрядъ нуждался во всемъ. Погода испортилась и зима, видимо, покушалась вступить въ свои права. Въ ночь на 24-е октября выпалъ первый снѣгъ и чередуясь съ дождемъ образовалъ страшную слякоть. Ту-

рецкія палатки доставили, впрочемъ, весьма сносное убѣжище измокшимъ и прозябшимъ солдатамъ, которые, не смотря на всѣ лишенія, охотно дѣлили съ офицерами остатки своихъ сухарей. За недостаткомъ дровъ, войска начали разбирать сакли въ опустѣвшихъ турецкихъ селеніяхъ. Съ этого времени началась для драгунъ крайне трудная служба. Ежедневно, изъ своднаго полка одинъ дивизіонъ выходилъ на аванпосты, а другой—выдѣлялъ команды въ прикрытіе къ фуражирамъ. Единственнымъ развлеченіемъ въ это тяжелое время были перестрѣлки съ башн-бузуками, подходившими иногда на весьма близкое разстояніе. Наконецъ, 27-го октября, войска получили диспозицію для штурма Эрзерума. Въ тотъ же день генералъ Геймапъ, пригласивъ къ себѣ начальниковъ, коимъ предполагалось ввѣрить штурмовыя колонны, произвелъ рекогносцировку фортовъ, причемъ лично указалъ каждому пункты атаки. Такъ какъ рекогносцировка выяснила, что нападеніе днемъ, открытою силою, имѣло мало шансовъ на успѣхъ, то рѣшено было предпринять ночной штурмъ.

По диспозиціи, войска раздѣлены были на четыре колонны, подъ командою: 1-я—генерала Авинова, 2-я—полковника Крузенштерна, 3-я—полковника князя Амираджибова и 4-я—генерала фонъ-Шака. Пятая колонна, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тергукасова, должна была составить общій резервъ. Всѣ колонны имѣли назначеніе слѣдовать къ турецкому посту Хана, причемъ первая выступила въ шесть часовъ вечера, а остальныя—вслѣдъ за нею, съ часовыми промежутками времени. Вся кавалерія раздѣлена была на двѣ колонны, подъ командою генералъ-маіоровъ: Лорисъ-Меликова и князя Амилохвари. Кавалеріи приказано собраться у поста Хапа къ 5-ти часамъ утра.

Взводъ охотниковъ Нижегородскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Рикмана и полсотни казаковъ-охотниковъ, подъ командою капитана Нижегородскаго полка Кусова, должны были слѣдовать съ пѣхотными колоннами, имѣя цѣлью захватить начальствующихъ лицъ и пашей, въ томъ случаѣ, еслибы они попытались спастись бѣгствомъ черезъ трапезондскія или ольтинскія ворота. Всѣмъ вообще войскамъ предписывалось соблюдать во вре-

мя движенія полнѣйшую тишину, не отвѣчать на могущіе быть выстрѣлы турецкихъ аванпостовъ, не имѣть при колоннахъ собакъ и, подъ страхомъ смертной казни—не курить. Такая предусмотрительность и осторожность ясно свидѣтельствовали, что генералъ Гейманъ весь успѣхъ дѣла ставилъ въ зависимость отъ скрытности движенія и своевременнаго прибытія всѣхъ колоннъ къ мѣстамъ ихъ назначенія. Къ сожалѣнію, слѣдуя по мѣстности совершенно незнакомой, въ темную ночь войска легко могли сбиться съ дороги, что дѣйствительно и случилось. Когда нижегородскій дивизіонъ, входившій въ составъ второй кавалерійской колонны, выступилъ изъ лагеря, оживленная перестрѣлка передовыхъ войскъ была уже въ полномъ разгарѣ.

Согласно диспозиціи, кавалерія подошла къ посту Хана на разсвѣтѣ, но въ это время судьба боя была уже рѣшена и притомъ не въ нашу пользу. Почти всѣ колонны, сопровождаемыя плохими проводниками, въ темнотѣ сбились съ дороги и, встрѣчая на пути множество затрудненій, не могли прибыть своевременно. Только бакинскому пѣхотному полку, входившему въ составъ колонны князя Амирадзибова, удалось блистательно выполнить диспозицію. Получивъ назначеніе штурмовать фортъ Азизіе, бакинцы, передъ разсвѣтомъ, безстрашно ворвались въ укрѣпленіе и, переколовъ штыками большую часть гарнизона, захватили 560-ть человѣкъ плѣнныхъ. Не имѣя возможности выбить прикладами прочную дверь двухэтажной казармы, находящейся въ укрѣпленіи, бакинцы ворвались въ окна и вытѣснивъ турокъ изъ нижняго этажа въ верхній, погнали ихъ, затѣмъ, на плоскую крышу, гдѣ завязалась отчаянная бойня. Внезапное появленіе бакинцевъ въ фортѣ Азизіе навело панику и на прочія турецкія войска, обративъ ихъ въ бѣгство. Это была самая удобная минута для штурма, но колонны наши еще блуждали. На разсвѣтѣ непріятель, замѣтивъ общее наступленіе нашихъ войскъ, открылъ страшный огонь изъ фортовъ и въ тоже время направилъ густыя массы войскъ противъ бакинцевъ. Послѣдніе, не поддержанные никѣмъ, вынуждены были отступить, но захватили съ собою всѣхъ плѣнныхъ. Для прикрытія отступленія бакинцевъ и присоединившихся

къ нимъ елисаветпольцевъ, тоже сбившихся почью съ дороги, выдвинута была изъ колонны генерала фонъ-Шака 2-я бригада кавказской гренадерской дивизіи. Бригада эта, бросившись въ штыки, остановила наступленіе непріятеля и погнала его обратно къ фортамъ.

Такимъ образомъ, штурмъ не удался. Кавалерія въ этотъ день не принимала никакого участія въ бою, оставаясь лишь зрительницею. Только команды охотниковъ высланы были къ правому флангу тифлисскаго гренадерскаго полка, прикрывавшаго отступленіе бакинцевъ, для противодѣйствія баши-бузукамъ и черкесамъ, отвлекавшимъ вниманіе гренадеръ отъ турецкой пѣхоты. Послѣ перестрѣлки, продолжавшейся три часа, охотники въ свою очередь отступили. Къ пяти часамъ вечера отрядъ возвратился на свои позиціи на Деве-Бойну.

30-го октября вновь произведена была, подъ прикрытіемъ нижегородскаго дивизіона и двухъ сотенъ казаковъ, рекогносцировка подступовъ къ Эрзеруму, со стороны ольтинской дороги. Съемка снята была весьма успѣшно, такъ какъ непріятель непрепятствовалъ рекогносцировкѣ, и только при отступленіи наѣздники завязали незначительную перестрѣлку съ баши-бузуками. На обратномъ пути, нижегородцамъ удалось въ турецкомъ селеніи закупить печеный хлѣбъ и фуражъ для лошадей, что видимо ободрило солдатъ.

Между тѣмъ наступила зима. Глубокій снѣгъ покрылъ бивакн,. а съ 1-го ноября морозы начали доходить до 15-ти градусовъ. Лишенія, коимъ подвергались войска, достигли въ это время невѣроятныхъ размѣровъ. Голодные, прозябшіе солдаты и не менѣе ихъ голодные офицеры съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали вторичнаго штурма, какъ единственнаго средства выйти изъ невыноснмаго положенія. Съ занятіемъ Эрзерума мы пріобрѣтали прекрасныя зимнія квартиры и обезпечивали себѣ правильное довольствіе войскъ всѣмъ необходимымъ. Но пока Эрзерумъ оставался въ рукахъ турокъ, намъ неизбѣжно предстояло зимовать на возвышенной деве-бойнской позиціи, преграждающей доступъ къ этому важнѣйшему пункту Анатоліи. Если зимній переходъ черезъ Бал-

каны вызвалъ въ свое время всеобщее удивленіе, то что же остается сказать о предстоявшей кавказскимъ войскамъ зимовкѣ на хребтѣ Деве-Бойну, который въ полтора раза выше Балканъ? Войска хорошо понимали какія вьюги и морозы, свойственные вообще горнымъ странамъ Анатоліи, имъ предстоитъ переносить, живя въ палаткахъ и не имѣя достаточно дровъ для разведенія костровъ. Къ тому же, въ тылу оставался еще болѣе недоступный зимою согаплугскій хребетъ, затрудняющій сообщенія съ главными силами. Сегодня разработанная черезъ горы дорога—завтра вновь заносилась снѣгомъ на нѣсколько аршинъ, требуя новой разработки. При такихъ условіяхъ, понятно, всякій предпочиталъ десять штурмовъ—десяти часамъ отдыха.

Въ началѣ ноября разнесся слухъ о появленіи въ окрестностяхъ Эрзерума шайки извѣстнаго своею смѣлостью разбойника Меграли, который не разъ уже прорывался къ намъ въ тылъ и даже вторгался въ наши предѣлы. Въ тоже время, необходимо было убѣдиться—не предпринимаетъ-ли непріятель какихъ либо покушеній для обхода нашего праваго фланга. Съ цѣлью собрать возможно полныя объ этомъ свѣдѣнія, генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, взявъ съ собою казачій полкъ и 2-й эскадронъ нижегородцевъ, выступилъ 7-го ноября къ ольтинской дорогѣ. Движеніе это послужило въ пользу нижегородцамъ, такъ какъ на обратномъ пути эскадронъ вторично успѣлъ запастись въ селеніи печенымъ хлѣбомъ и фуражемъ. Въ тотъ же день вечеромъ получено было въ лагерѣ извѣстіе о взятіи штурмомъ Карса, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября. Радость была всеобщая. Всю ночь пылали костры, гремѣли пѣсенники и музыка, а залпы батарей сообщили Эрзеруму объ этомъ радостномъ для насъ событіи. Независимо этого, генералъ Гейманъ письмомъ поздравилъ эрзерумскаго коменданта съ паденіемъ Карса. Вручая это письмо капитану Нижегородскаго полка Кусову, для доставки по адресу, онъ между прочимъ сказалъ: „берегитесь, за него васъ могутъ разстрѣлять“; тѣмъ не менѣе, Кусовъ аккуратно исполнилъ это пріятное порученіе и совершенно благополучно, полнымъ карьеромъ возвратился изъ турецкаго лагеря. Черезъ нѣсколько дней получено

было приказаніе выслать квартирьеровъ для занятія зимнихъ квартиръ въ окрестностяхъ Гассанъ-Кала. Нижегородскому полку назначены были селенія Пасыжванъ, Огуми и нѣкоторыя другія. Всѣ они оказались весьма удовлетворительными въ томъ отношеніи, что доставляли возможность пріобрѣтать у жителей сѣно, ячмень и съѣстные припасы, хотя все это покупалось по невѣроятно высокой цѣнѣ. 12-го ноября 1-й дивизіонъ уже выступилъ съ позиціи въ Пасыжванъ, а двадцать шестаго числа прибылъ изъ подъ Карса второй сборный дивизіонъ.

Выше было сказано, что съ выступленіемъ авангарда соганлугскаго отряда изъ Тикмы, второй сборный дивизіонъ Нижегородскаго полка, составленный изъ болѣе слабыхъ лошадей, отправленъ былъ въ Бегли-Ахметъ, для отдыха и поправки лошадей. Цѣль эта не была, однако, достигнута, такъ какъ спустя нѣсколько дней дивизіонъ былъ передвинутъ къ Карсу на блокадную линію, гдѣ наравнѣ съ другими частями кавалеріи занималъ аванпосты, участвовалъ въ рекогносцировкахъ и перестрѣлкахъ и вообще исполнялъ обыкновенную блокадную службу. Въ ночь съ 5-го на 6-е ноября, когда войска выступили изъ своихъ лагерей для штурма карсскихъ укрѣпленій, дивизіонъ, съ двумя сотнями оренбургскихъ казаковъ, расположился вблизи развалинъ башни Кюмбетъ, фронтомъ къ форту Тохмасъ,—но не принималъ непосредственнаго участія въ штурмѣ. Необходимо замѣтить, что въ то время, когда карсскіе форты, одинъ за другимъ, переходили въ наши руки, Тохмасъ—сильнѣйшій во всей системѣ карсскихъ укрѣпленій—оставался незыблемъ, какъ скала, на которой онъ воздвигнутъ. Всѣ попытки колонны генерала Комарова овладѣть имъ остались тщетными и, наконецъ, она вынуждена была отступить съ урономъ. На разсвѣтѣ, когда обнаружилось полное отступленіе турокъ, нижегородцамъ приказано было двинуться къ Аравартапу, для преслѣдованія непріятеля. Проходя мимо форта Тохмасъ, всѣ были удивлены его молчаніемъ, но вскорѣ поняли, что непріятель бросилъ укрѣпленіе, которое такъ мужественно отстаивалъ почью. Поднявшись, затѣмъ, на небольшой бугоръ, скрывавшій впереди лежащую мѣст-

ность, дивизіонъ неожиданно встрѣченъ былъ огнемъ какой-то батареи 1-й гренадерской артилерійской бригады. Предполагая, что это быть можетъ турецкая батарея, дивизіонъ ускорилъ аллюръ, чтобы вслѣдъ за симъ броситься въ атаку, но въ эту минуту артилеристы, замѣтивъ свою ошибку, повернули дула орудій въ другую сторону. Слѣдуя далѣе безпрепятственно, дивизіонъ настигъ хвостъ турецкой колонны, но видя, что турки безъ сопротивленія бросаютъ оружіе, началъ обгонять ихъ, постепенно поворачивая обратно къ Карсу громадныя толпы. Такимъ образомъ остановлено было не менѣе шести тысячъ человѣкъ. Не желая ослаблять свои ряды выдѣленіемъ конвоя для сопровожденія такого значительнаго числа плѣнныхъ и замѣтивъ, верстахъ въ двухъ впереди, небольшой турецкій кавалерійскій отрядъ, который, какъ полагали, увозилъ знамена, или прикрывалъ бѣгство нашей— нижегородцы погнались за нимъ, а толпы плѣнныхъ, по мѣрѣ захвата, отправлялись подъ конвоемъ слѣдовавшихъ сзади частей. Обстоятельство это послужило впослѣдствіи для многихъ поводомъ къ оспариванію факта, что вся эта масса плѣнныхъ была захвачена нижегородцами *). Продолжая преслѣдовать турецкую кавалерію, дивизіонъ наконецъ остановился въ сел. Бозгушъ, верстахъ въ тридцати отъ Карса, куда впрочемъ прискакали только офицеры и человѣкъ 40 нижнихъ чиновъ на лучшихъ лошадяхъ—остальные растянулись по дорогѣ, сзади. Узнавъ отъ жителей, что бѣжавшіе паши, задолго до прибытія кавалерійскаго отряда, перемѣнили у нихъ въ селеніи лошадей и ускакали дальше, дивизіонъ поздно вечеромъ возвратился къ Карсу. Спустя нѣсколько дней, дивизіонъ отправленъ былъ за Согаплугъ и 26-го

*) Такъ какъ были случаи ограбленія казаками плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ, то послѣдніе, въ числѣ 40 человѣкъ, собравшись вмѣстѣ, просили начальника кавалеріи князя Щербатова дать имъ конвой, подъ командою офицера. Вслѣдствіе этого, прапорщику Гурскому поручено было сопровождать ихъ до главной квартиры.

При преслѣдованіи непріятеля, генералъ-маіоръ князь Щербатовъ находился съ нижегородцами и, между прочимъ, шутя замѣтилъ исправлявшему при немъ должность адъютанта прапорщику Гурскому: „я скачу съ вами, точно какой нибудь прапорщикъ!“

ноября, накануне полковаго праздника, прибылъ въ Пасынванъ, гдѣ соединился съ 1-мъ сборнымъ дивизіономъ.

Съ занятіемъ зимнихъ квартиръ, нижегородцы были освобождены отъ тягостной службы на высотахъ Деве-Бойну. Хотя помѣщенія въ холодныхъ, грязныхъ и темныхъ буйволятникахъ, согрѣваемыхъ лишь присутствіемъ лошадей, далеко не могли считаться удобными, но доставляли надежное убѣжище отъ бурь и мятелей, которыми такъ богата эта мѣстность, а въ сравненіи съ палатками, погребенными въ снѣгахъ Деве-Бойну, казались роскошными жилищами. Во второй половинѣ ноября морозы усилились и снѣгомъ начало заносить цѣлыя селенія. Явилась новая работа—выкапываться изъ-подъ снѣга. Всѣмъ войскамъ соганлугскаго отряда назначены были селенія для зимнихъ квартиръ, но, въ виду громаднаго значенія деве-бойнской позиціи, полки и батареи, поочереди, занимали ее.

6-го декабря, въ день святаго чудотворца Николая, командиръ полка полковникъ Кельнеръ имѣлъ счастіе получить отъ Государя Императора телеграмму слѣдующаго содержанія:

Поздравляю съ полковымъ праздникомъ и спасибо молодцамъ драгунамъ, что они и въ настоящую кампанію достойно поддерживаютъ прежнюю славу полка.

Александръ.

Необходимо замѣтить, что по причинѣ затруднительности сообщеній, эта милостивая телеграмма Государя была доставлена на девятый день послѣ полковаго праздника; тѣмъ не менѣе, сознаніе, что Государь, даже въ такое тяжелое время, не забываетъ Своихъ вѣрныхъ нижегородцевъ—вызвало неудержимый восторгъ. Немедленно полкъ вышелъ въ парадъ и полковой священникъ протоіерей Сеперовичъ отслужилъ въ мѣстной армянской церкви молебенъ о здравіи и благоденствіи Государя и Его Августѣйшаго Семейства. Послѣ парада весь день слышались въ эскадронахъ пѣсни и тосты, сопровождаемые задушевнымъ „ура“.

Въ двадцатыхъ числахъ декабря окончилось полное обложеніе Эрзерума. Хотя генералъ Гейманъ не покидалъ своего намѣренія овладѣть имъ посредствомъ штурма, но послѣ паденія Карса

обстоятельства измѣнились. Кампанія была почти окончена, турецкая армія въ открытомъ полѣ перестала существовать, у насъ же оставались свободныя войска и потому, вмѣсто безполезнаго пролитія крови, рѣшено было блокадою принудить Эрзерумъ къ сдачѣ.

Между тѣмъ, въ началѣ декабря начали, одно за другимъ, приходить извѣстія о приближеніи съ юга турецкаго багдадскаго корпуса, не принимавшаго до сихъ поръ участія въ войнѣ, такъ какъ онъ имѣлъ назначеніе охранять турецко-персидскую границу. Для повѣрки этихъ извѣстій высланъ былъ, по направленію къ городу Хпысъ-Кала, особый летучій отрядъ, состоящій изъ 2-го сборнаго нижегородскаго эскадрона и 2-го горско-моздокскаго казачьяго полка, подъ личнымъ начальствомъ командующаго дивизіею генералъ-маіора Лорисъ-Меликова. Выступивъ 7-го декабря, отрядъ этотъ съ большими затрудненіями дошелъ по глубокому снѣгу до селенія Эртефъ и остановился на ночлегъ. Отъ Эртефа начинался подъемъ на горы и отряду предстояло подниматься по горнымъ тропинкамъ, неудобопроходимымъ даже лѣтомъ. Зимою же нечего было и думать найти здѣсь, подъ сугробами снѣга, что-либо похожее на тропинку. Проводники, выведя утромъ отрядъ изъ селенія, сами сбились съ дороги. Слѣдовавшая въ головѣ колонны сотня неожиданно очутилась на краю обрыва, внизу котораго протекалъ Араксъ. Идти дальше не было возможности, а потому отрядъ спустился обратно и началъ вновь подниматься по верхней дорогѣ, или лучше сказать, вовсе безъ дороги, стараясь держать направленіе по телеграфнымъ столбамъ. Вѣтеръ, едва замѣтный внизу, превратился здѣсь въ страшную вьюгу. Такъ какъ казачьи лошади, протаптывая тропу, совсѣмъ выбились изъ силъ, то головная сотня была смѣнена нижегородскимъ эскадрономъ; но отъ этого,—дѣло мало подвинулось впередъ. Крутые подъемы и спуски заставляли поминутно спѣшиваться и вести лошадей въ поводу. Люди постоянно скатывались внизъ, а затѣмъ, съ невѣроятными усиліями, должны были карабкаться вверхъ на тропу, по поясъ въ снѣгу. Нѣсколько лошадей, сорвавшись въ кручу, погибли на камняхъ въ Араксѣ, но съ людьми несчастій не было.

Наконецъ, къ 7-ми часамъ вечера, отрядъ кое-какъ дошелъ до куртинскаго селенія Мечетли и расположился на ночлегъ. Понятно, что послѣ такого утомительнаго перехода о непріятелѣ никто не думалъ; притомъ, селибы турки и находились поблизости, то несомнѣнно были не въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ мы. Во всякомъ случаѣ, непріятель могъ приблизиться къ намъ только по единственной тропинкѣ, ведущей къ селенію и то неиначе, какъ слѣдуя гускомъ, по уши въ снѣгу. На слѣдующій день отрядъ ночевалъ въ сел. Кюлли, а 10-го числа выступилъ далѣе. Термометръ, бывшій у находящагося при отрядѣ топографа, показывалъ 25° ниже нуля. По мѣрѣ приближенія отряда къ сел. Агверанъ, расположенному у подъема на перевалъ, вѣтеръ началъ усиливаться, а на перевалѣ подулъ съ такою силою, что слѣдовать дальше не было возможности. Отрядъ спѣшился и началъ протаптывать дорогу, но это была работа Сизифа, такъ какъ протоптанную тропинку немедленно заносило снѣгомъ. Подвигаясь съ большими затрудненіями, справа по одному, отрядъ, въ четыре часа пополудни, прибылъ въ селеніе Бармаксызъ, находящееся въ пяти верстахъ отъ Хнысъ-Кала. Казаки остались ночевать въ селеніи, а 2-й эскадронъ, подъ командою штабсъ-капитана Карапгозова, прошелъ далѣе и занялъ городъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Захвативъ врасплохъ телеграфную станцію и овладѣвъ аппаратами, Карапгозовъ прервалъ телеграфное сообщеніе. Нѣкоторыя депеши приняты были съ аппарата въ его присутствіи. Потребовавъ, затѣмъ, къ себѣ городскія власти, штабсъ-капитанъ Карапгозовъ предложилъ имъ озаботиться доставкою для эскадрона продовольствія, отводомъ конюшень и обязалъ каймакама представить къ утру все розданное жителямъ турецкое казенное оружіе. Всѣ эти требованія были выполнены въ точности. На слѣдующій день пріѣхалъ въ Хнысъ-Кала начальникъ отряда и былъ встрѣченъ около города депутаціею отъ почетныхъ жителей, съ каймакамомъ воглавѣ. По приказанію генерала, все собранное уже оружіе было уничтожено, кромѣ магазинныхъ ружей, розданныхъ въ казачьи сотни, для доставки въ Гассанъ-Кала.

Собравъ необходимыя свѣдѣнія о мѣстныхъ средствахъ края для продовольствія войскъ, и узнавъ, что передовыя части багдадскаго корпуса находятся еще далеко, въ окрестностяхъ Муша, отрядъ въ тотъ же день выступилъ обратно изъ Хнысъ-Кала. Благодаря тихой погодѣ, обратное движеніе не было такъ утомительно и 12-го числа, поздно вечеромъ, отрядъ прибылъ въ Пасыжванъ.

VIII.

Занятіе хнысъ-калинскаго округа. Появленіе тифа. Походъ за Ефратъ. Дѣло 2-го эскадрона съ курдами послѣ перемирія. Возвращеніе полка въ Пасыжванъ, а затѣмъ въ Александрополь. Убыль понесенная полкомъ въ дѣлахъ и отъ болѣзней. Награда пожалованная полку.

Необходимость обезпечить расположенныя подъ Эрзерумомъ войска отъ неожиданнаго появленія на ихъ лѣвомъ флангѣ частей багдадскаго корпуса, вынудила выдвинуть къ югу небольшой кавалерійскій отрядъ, для занятія города Хнысъ-Кала и его округа. Сверхъ того, съ занятіемъ хнысскаго округа, еще не разоренаго войною, мы пріобрѣтали возможность вывозить изъ него продовольствіе, въ которомъ войска наши давно уже чувствовали недостатокъ. По этимъ соображеніямъ, въ хнысъ-калинскій округъ отправлены были нижегородскій драгунскій и 2-й горско-моздокскій казачій полки. Выступивъ изъ Пасыжвана 18-го декабря, и слѣдуя по той же дорогѣ, которую съ такими невѣроятными усиліями протаптывалъ 2-й эскадронъ, при первомъ движеніи въ Хнысъ-Кала, полкъ 22-го числа вступилъ въ городъ. Штабъ полка и обозъ остались въ Пасыжванѣ, такъ какъ разрѣшено было имѣть при себѣ только вьючный обозъ. 2-й горско-моздокскій полкъ, присоединившійся къ нижегородцамъ на пер-

вомъ почлегѣ, остался въ селеніи Кюлли, верстахъ въ 30-ти отъ Хныса. Расположивъ эскадроны въ окрестныхъ селеніяхъ и предложивъ меджлису немедленно озаботиться доставкою фуража и провіанта, полковникъ Кельперъ принялъ мѣры для розысканія турецкихъ продовольственныхъ складовъ, изъ которыхъ бывшій при отрядѣ чиновникъ началъ вывозить муку и зерно въ Гассанъ-Кала.

Между тѣмъ, вскорѣ начали разноситься слухи о намѣреніи турокъ сдѣлать нападеніе на нашъ малочисленный и притомъ изолированный отрядъ. Нѣкоторые внѣшніе симптомы, проявлявшіеся въ настроеніи мѣстнаго населенія, казалось, служили этому подтвержденіемъ. Съ прибытіемъ драгунъ, жители покорно и повидимому безропотно исполняли всѣ требованія; но спустя нѣсколько дней, обнаружились случаи отказа меджлису въ доставкѣ войскамъ продовольствія. Въ тоже время мусульманское населеніе, мало по малу перестало скрывать свою вражду къ намъ и начало относиться къ войскамъ какъ-то насмѣшливо непріязненно. Совокупность этихъ и другихъ болѣе мелочныхъ обстоятельствъ, побудила начальника отряда предпринять рекогносцировку, или вѣрнѣе поискъ, къ Чарь-Бору, по прямой зимней дорогѣ изъ Хныса въ Мушъ, откуда можно было ожидать появленія передовыхъ непріятельскихъ отрядовъ.

26-го декабря, по прибытіи двухъ сотенъ казаковъ, вызванныхъ изъ Кюлли для занятія Хнысъ-Кала, сборный дивизіонъ Нижегородскаго полка, подъ начальствомъ полковника Кельпера, выступилъ изъ города по дорогѣ на Мушъ. Пройдя черезъ нѣсколько куртинскихъ селеній, лежащихъ впереди на плоскости, и вызвавъ всѣхъ старшинъ, полковникъ Кельперъ обязалъ ихъ приступить немедленно къ перевозкѣ въ Хнысъ зерна изъ имѣющихся въ селеніяхъ турецкихъ казенныхъ складовъ. Озадаченные внезапнымъ появленіемъ драгунъ, куртины обѣщали выполнить всѣ требованія, но, вѣроятно предполагая, что русскіе скоро уйдутъ,— подъ разными предлогами уклонялись отъ этого, заставляя повторять приказанія. Впослѣдствіи, съ прибытіемъ пѣхоты, они убѣдились, что мы намѣрены прочно занять округъ. Получивъ досто-

вѣрныя свѣдѣнія, что въ Мушъ прибыло уже пять тысячъ арабистанскихъ войскъ, выдвинувшихъ къ Чаръ-Бору, въ видѣ авангарда, тысячу человѣкъ горской кавалеріи, дивизіонъ 28-го числа возвратился въ Хнысъ.

Война въ это время видимо приближалась къ концу. Военныя дѣйствія на обоихъ театрахъ приняли такой оборотъ, что никакія усилія Турціи не могли уже возстановить потерянное ею равновѣсіе. 28-го ноября, не смотря на геройскія усилія своего знаменитаго защитника Османа-паши, пала Плевна, причинившая намъ столько хлопотъ. Ровно черезъ мѣсяцъ, 28-го декабря, послѣдовала капитуляція плевненской арміи, а затѣмъ войска паши, тѣсня передъ собою остатки разбитыхъ турецкихъ армій, начали приближаться къ Константинополю. На малоазіатскомъ театрѣ войны, кавказскія войска, разгромивъ анатолійскую армію на Аладжѣ и Деве-Бойну и овладѣвъ Карсомъ, давно уже стояли подъ Эрзерумомъ. Такимъ образомъ, исходъ войны не могъ подлежать сомнѣнію.

Насталъ новый 1878-й годъ и вмѣстѣ съ пальмою мира принесъ съ собою новое бѣдствіе—тифозную эпидемію. Уже въ декабрѣ, даже въ концѣ ноября, стали появляться въ войскахъ отдѣльные случаи тифа, но только въ январѣ болѣзнь эта приняла характеръ и размѣры эпидеміи. Въ Нижегородскомъ полку тифъ проявился въ половинѣ декабря. 17-го числа умеръ первый заболѣвшій тифомъ рядовой Казаковъ. Хотя, по мнѣнію компетентныхъ людей, главными причинами развитія тифа были изнуреніе и голодъ, но, по какой-то странной случайности, Нижегородскій полкъ никогда, съ самаго начала кампаніи, не пользовался такимъ прекраснымъ продовольствіемъ и отдыхомъ, какъ въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ, т. е. именно въ самый разгаръ эпидеміи. Занимая въ окрестностяхъ Хнысъ-Кала селенія Чевюрме, Ольпись, Домыкъ, Козлы и Аросъ, полкъ въ изобиліи получалъ все необходимое для своего продовольствія. Преданные намъ жители этихъ селеній, особенно армяне, охотно доставляли съѣстные припасы и фуражъ. Изнуренныя продолжительнымъ трудомъ и лишеніями лошади, получая громадную дачу ячменя и сѣна, развились до

такой степени, что ихъ невозможно было узнать. Не меньше лошадей благодушествовали и люди. Ежедневно на каждаго человѣка отпускалось два фунта хорошей говядины. Борщъ варился изъ свѣжей капусты, что, принимая во вниманіе время года, составляло даже роскошь. Масла къ кашѣ отпускалось больше, чѣмъ было нужно. Сверхъ того нижніе чины получали водку и чай. Хорошая пища и почти полный отдыхъ, казалось, должны были благотворно повліять на здоровье полка, но болѣзнь не пощадила нашихъ рядовъ, точно такъ, какъ не пощадила другія войска, поставленныя далеко не въ такія благопріятныя условія. Очевидно, предшествовавшіе непомѣрные труды и лишенія подготовили почву для заразы и уже никакія мѣры не могли отвратить бѣдствія.

Новый годъ нижегородцы встрѣтили въ приготовленіяхъ къ новому походу. Изолированное положеніе хивинскаго отряда, при затруднительности сообщеній съ другими войсками, и вытекающая отсюда необходимость зорко слѣдить за непріятелемъ, могущимъ внезапно появиться съ юга, вынудила предпринять новый поискъ къ сторонѣ Мурша. Съ этою цѣлью, Нижегородскій драгунскій и 2-й горско-моздокскій казачій полки выступили въ день новаго года, двумя колоннами. Казаки и 1-й эскадронъ нижегородцевъ, подъ командою командира 2-го горско-моздокскаго полка подполковника Алтадукова, двинулись по прямой дорогѣ черезъ Чарбучурь къ Мушу, а остальные три эскадрона нижегородцевъ, подъ начальствомъ полковника Кельнера, направились по кружной дорогѣ, черезъ селенія Гевандукъ, Кара-Чобанъ, Шервапъ-Шехъ къ Лизу. Переваливъ 3-го января черезъ высокій хребетъ Зернакъ-Дагъ, нижегородцы спустились въ долину историческаго Ефрата—эту, по преданію, колыбель человѣческаго рода. Возбужденное воображеніе офицеровъ и знакомыхъ съ преданіями библіи солдатъ, невольно обращалось къ временамъ доисторическимъ, а глаза жадно впивались въ даль, стараясь уловить все, что могло хоть сколько нибудь напомнить собою отдаленную древность. Морозы, однако, стояли такого трескучіе, что самое пламенное воображеніе застывало подъ ихъ вліяніемъ.

Нѣкоторые нижніе чины отморозили ноги; другіе же остри-

ли, удивляясь, какимъ образомъ наши прародители могли жить въ этой мѣстности, прикрываясь лишь виноградным листкомъ. Впрочемъ, многіе мѣстные жители-армяне и по сіе время ходятъ въ костюмахъ Адама. Селенія, черезъ которыя проходилъ полкъ, поражали своею раздирающею душу бѣдностью. Босыя, почти совершенно нагія женщины и дѣти попадались на каждомъ шагу. 4-го января, въ трескучій морозъ, переправляясь вбродъ черезъ Ефратъ, весь полкъ былъ изумленъ при видѣ почти голыхъ мужчинъ и женщинъ, бѣжавшихъ за эскадронами, съ цѣлью указать бродъ. А между тѣмъ, эта кажущаяся нищета нисколько не препятствовала жителямъ доставлять драгунамъ въ изобиліи съѣстные припасы и фуражъ. Мѣстное населеніе прикидывалось бѣднымъ, желая избѣжать посѣщенія башн-бузуковъ и сопряженнаго съ этимъ почти непзбѣжнаго раззоренія.

Переночевавъ съ 4-го на 5-е января въ селеніи Тегутъ, на берегу Ефрата, и оставивъ здѣсь 2-й эскадронъ, остальные два эскадрона (3-й и 4-й) направились дальше къ селенію Лизъ. Жители этого богатаго селенія приняли драгунъ, какъ своихъ избавителей. Мѣстное армяно-грегоріанское духовенство, въ облаченіи, съ хоругвями и образами, встрѣтило дивизіонъ у входа въ селеніе. За духовенствомъ слѣдовала громадная толпа мужчинъ и женщинъ въ цвѣтныхъ, праздничныхъ парядахъ. Веселыя, улыбающіяся лица наглядно говорили, что всѣ были обрадованы неожиданнымъ прибытіемъ русскихъ. Спустя нѣсколько минутъ, солдаты уже дружески бесѣдовали съ жителями, на какомъ-то невозможномъ языкѣ, тѣмъ не менѣе, обѣ стороны повидимому понимали другъ друга. Женщины въ Лизѣ отличались замѣчательною красотою и держали себя совершенно непринужденно, безъ
й застѣнчивости, которая, вообще, свойственна прекрасному по-
ъ востокѣ. На вопросы офицеровъ—почему онѣ такъ богато
нѣкоторыя объяснили, что наряды ихъ много лѣтъ были
ы, изъ опасенія привлечь вниманіе турокъ: теперь же, съ
мъ русскихъ, онѣ воспользовались случаемъ обновить
есть дорогихъ гостей. Послѣ обѣда, всѣ офицеры отпра-
, армянскую церковь, гдѣ совершалось торжественное бого-

служеніе, послучаю наступающаго праздника Рождества Христова и Крещенія. По окончаніи богослуженія, въ селеніи неожиданно поднялась тревога. Бѣжавшіе въ страхѣ жители кричали: „турки идутъ, турки!“ Оба эскадрона, безъ приказанія, начали сѣдлать лошадей и собираться на сборный пунктъ. Вскорѣ объяснилось, что тревогу поднялъ какой-то прискакавшій верхомъ армянинъ, дѣйствительно, гдѣ-то въ окрестностяхъ, встрѣтившій турокъ.

Желая провѣрить его показанія, командующій дивизіономъ маіоръ Витте выслалъ къ сторонѣ Муша два разъѣзда, по взводу каждый, подъ командою прапорщиковъ фонъ-Менземкампфа и Тургіева. Разъѣзды эти должны были слѣдовать по двумъ различнымъ дорогамъ, но такъ какъ одна изъ нихъ была совершенно занесена снѣгомъ, то Тургіевъ оставилъ свой разъѣздъ въ первомъ селеніи, а самъ, съ нѣсколькими людьми своего взвода, отправился вмѣстѣ съ Менземкампфомъ. Поздно вечеромъ, разъѣздъ вошелъ въ какое-то селеніе, занятое небольшимъ турецкимъ отрядомъ. Захвативъ здѣсь непріятельскій разъѣздъ изъ восьми конныхъ чеченцевъ и узнавъ, что всѣ дороги изъ Муша къ Хнысъ-Кала уже заняты войсками багдадскаго корпуса, оба офицера возвратились передъ разсвѣтомъ въ Лизъ.

Получивъ отъ Тургіева и Менземкампфа достовѣрныя свѣдѣнія о наступленіи багдадскаго корпуса, маіоръ Витте послалъ донесеніе объ этомъ полковнику Кельперу, который приказалъ всѣмъ тремъ эскадронамъ немедленно собраться къ селенію Шеванъ-Шехъ. Вслѣдствіе этого приказанія, утромъ 6-го января 2-й дивизіонъ выступилъ изъ Лиза. Все населеніе выбѣжало провожать драгунъ. Женщины плакали и хватаясь за стремена, казалось, хотѣли насильно удержать эскадроны. Извѣстіе о приближеніи турокъ навело ужасъ на все селеніе. Исчезли цвѣтныя платья, и вчерашняя веселость смѣнилась общимъ уныніемъ.

7-го января дивизіонъ прибылъ въ Шеванъ-Шехъ, гдѣ уже находился 2-й эскадронъ. Извѣстій отъ подполковника Алтадукова небыло никакихъ, что внушало серьезныя опасенія. Не зная, что случилось съ его небольшимъ отрядомъ, и желая поспѣшить къ нему навыручку, полковникъ Кельперъ выступилъ съ тремя эскадрона-

ми изъ Шерванъ-Шеха по дорогѣ на Хамза-Шехъ, и далѣе. Пройдя Хамза-Шехъ. передовой разъѣздъ встрѣтилъ урядника, который сообщилъ, что 2-й горско-моздокскій полкъ и 1-й эскадронъ нижегородцевъ слѣдуютъ вблизи за нимъ, по той же дорогѣ. Дѣйствительно, обѣ колонны вскорѣ встрѣтились и такъ какъ всѣ дороги къ Хинысъ-Кала были уже отрѣзаны турками, то соединенный отрядъ направился по единственной, оставшейся свободною, кружной дорогѣ, черезъ селенія Шерванъ-Шехъ, Кара-Чобанъ и Гевандукъ. Переночевавъ въ Кара-Чобанѣ, а затѣмъ въ Гевандукѣ, отрядъ 10-го января прибылъ въ Хинысъ-Кала и въ тотъ же день всѣ эскадроны разошлись по селеніямъ, занимаемымъ ими до похода.

Хотя движеніе нижегородцевъ за Ефратъ не могло имѣть особеннаго значенія для общаго хода военныхъ дѣйствій, тѣмъ не менѣе, оно обнаружило появленіе на театрѣ войны багдадскаго корпуса, и въ тоже время принесло полку несомнѣнную пользу: въ теченіе десятидневнаго похода въ эскадронахъ не было ни одного человѣка заболѣвшаго тифомъ. Вскорѣ начали подходить передовыя войска багдадскаго корпуса, а съ ними—непзбѣжные баши-бузуки и курды. Ближайшія къ намъ куртинскія селенія ободрились, и возобновились слухи о намѣреніи курдовъ сдѣлать на насъ нападеніе. Необходимо было принять нѣкоторыя предосторожности.

Для поддержки драгунъ присланъ былъ баталіонъ мингрельскаго гренадерскаго полка, съ горною полубатареею, и расположился, поротно, въ селеніяхъ занятыхъ нижегородцами, такимъ образомъ, что при каждомъ эскадронѣ была рота гренадеръ.

Снѣгъ лежалъ до такой степени глубокій, что движеніе войскъ въ открытомъ полѣ было положительно невозможно. Непріятель могъ подойти къ намъ лишь по тропинкамъ, ведущимъ отъ селенія къ селенію, но дотого узкимъ, что два человѣка не могли по нимъ слѣдовать рядомъ. Впереди занятыхъ нами селеній тропинки эти пересѣкались укрѣпленіями, построенными изъ снѣга, съ цѣлью хоть сколько нибудь укрыть наши посты отъ свирѣпствовавшихъ мятелей и лишить непріятеля

возможности прицѣливаться въ одиночныхъ людей. Понятно, что прочность такихъ эфемерныхъ сооруженій имѣла второстепенное значеніе, такъ какъ они предназначались не для усиленія обороны. Солдаты, имѣя достаточно свободнаго времени, строили ихъ охотно, сопровождая работу всевозможными шутками и остротами. Время, однако, проходило невозмутимо спокойно и притомъ невыразимо скучно. Въ силу заключеннаго 19-го января перемирія, военныя дѣйствія прекратились повсемѣстно, но нижегородцы, не зная объ этомъ, оставались попрежнему въ полной готовности отразить всякое нападеніе своихъ безпокойныхъ сосѣдей-курдовъ. Одинъ преданный намъ армянинъ, доставлявшій всегда самыя достовѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ, утверждалъ, что начальникъ курдовъ Мурза-бекъ не отказался отъ своего намѣренія напасть на насъ. Слова его не замедлили оправдаться.

25-го января, шесть казаковъ явились къ командующему 2-мъ эскадропомъ штабсъ-капитану Карангозову съ запискою отъ начальника хнысскаго отряда генералъ-маіора Духовскаго и просили указать имъ селеніе Кахгикъ, въ которомъ предполагалось размѣстить ихъ полкъ. Селеніе это было хорошо видно съ балкона дома, занимаемаго Карангозовымъ, и находилось верстахъ въ трехъ отъ Харомыка, гдѣ расположенъ былъ 2-й эскадронъ. Указавъ казакамъ тропинку, ведущую къ названному селенію, Карангозовъ, между прочимъ, предупредилъ ихъ, чтобы были осторожны, потому что во всѣхъ ближайшихъ селеніяхъ находятся курды. Черезъ часъ послѣ ухода казаковъ, неожиданно поднялась тревога. Прибѣжавшіе изъ Кахгика жители объявили, что человѣкъ 500 курдовъ напали на ихъ селеніе. Не зная о заключенномъ перемиріи, Карангозовъ вызвалъ по тревогѣ свой эскадронъ и въ тоже время послалъ записку командующему 1-мъ эскадрономъ штабсъ-капитану Демидову, съ просьбою поспѣшить изъ Эльписа на Халиль-Чаушъ, куда, по всѣмъ вѣроятіямъ, долж были отступать курды. Не ожидая пока всѣ люди осѣдлаютъ шадей, Карангозовъ собралъ 40 человѣкъ, первыхъ прискшихъ на сборный пунктъ, и, подъ командою прапорщика зова, направилъ ихъ къ атакованному селенію; остальны

тѣмъ людей выстроилъ на тропинкѣ, ведущей къ сел. Маруфъ, откуда тоже можно было ожидать появленія курдовъ. Когда весь эскадронъ собрался, Карангозовъ повелъ его велѣдъ за Артазовымъ и догнавъ послѣдняго, поручилъ ему собрать вооруженныхъ жителей-армянъ въ помощь эскадрону. Видя приближеніе драгунъ, курды начали отступать, какъ и предполагалъ Карангозовъ, на Халиль-Чаушъ. Узкая тропинка вынудила ихъ идти въ колоннѣ по одному, но обстоятельство это не представляло для нихъ особенной опасности, такъ какъ эскадронъ тоже не могъ развернуться и слѣдовалъ за ними въ такомъ же порядкѣ.

Вскорѣ поднялась мятель. Двигаясь по протоптанной курдами тропинкѣ, эскадронъ настигъ хвостъ непріятельской колонны и передній впереди рядовой Клокисъ началъ рубить отставшихъ. Тѣмъ не менѣе, курды успѣли втянуться въ Халиль-Чаушъ и открыли сильный ружейный огонь. Спѣшивъ весь эскадронъ съ коноводами, Карангозовъ занялъ кладбище и въ свою очередь приказалъ открыть огонь. Лошади оставлены были на тропинкѣ, безъ коноводовъ, такъ какъ въ глубокомъ снѣгу разбѣжаться не могли. Шесть казаковъ, являвшихся къ Карангозову, пристроились къ эскадрону. Между тѣмъ вьюга усилилась. Солдаты лежали за камнями совсѣмъ засыпанные снѣгомъ и, наконецъ, всѣ повставали. Послышался голосъ: „ваше благородіе, ружье не стрѣляетъ!“— за нимъ другой, такой же, третій—и вскорѣ огонь почти прекратился: дѣйствовало не болѣе десятка ружей. Видя, что снѣгомъ забило патронники, Карангозовъ приказалъ примкнуть штыки, но послѣдовалъ отвѣтъ: „ваше благородіе, штыки не примыкаются!“ Дѣйствительно, ружья были дотого разогрѣты выстрѣлами, что примкнуть къ нимъ оледенѣлые штыки оказалось невозможнымъ. „Такъ встрѣчай атаку прикладами!“—крикнулъ Карангозовъ и почти въ ту же минуту курды съ гикомъ бросились на кладбище. Нѣсколько человѣкъ ворвались въ ряды драгунъ, но были перебиты прикладами, а затѣмъ вся толпа отошла обратно въ селеніе. Отбивъ первую атаку, и предполагая, что скоро подойдетъ первый эскадронъ, Карангозовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда представится возможность выбить непріятеля изъ селе-

нія. Время, однако, уходило, а 1-й эскадронъ не приближался. Получивъ записку Карапгозова, командующій 1-мъ эскадрономъ штабсъ-капитанъ Демидовъ выступилъ изъ Эльписа, но такъ какъ въ это время уже поднялась вьюга и тропинка исчезла подъ сугробами снѣга, то, видя невозможность дойти до Халиль-Чауша, вынужденъ былъ возвратиться назадъ. Курды, между тѣмъ, прекратили огонь. Предполагая, что немедленно послѣдуетъ вторая атака, Карапгозовъ приказалъ людямъ приготовиться къ ней, но непріятель не рѣшился возобновить нападеніе. Вскорѣ явился на кладбище какой-то армянинъ и сталъ на колѣна, началъ упрашивать занять селеніе, увѣряя, что курды ушли. Не рѣшаясь довѣриться словамъ неизвѣстнаго человѣка, Карапгозовъ приказалъ ему возвратиться въ селеніе и, въ доказательство справедливости его словъ, привести къ эскадрону всѣхъ жителей, съ женами и дѣтьми. Дѣйствительно, черезъ полчаса, громадная толпа мужчинъ и женщинъ вышла изъ селенія, направляясь къ кладбищу. Тогда, посадивъ эскадронъ на коней и предупредивъ жителей, что въ случаѣ измѣны съ ихъ стороны, они всѣ будутъ изрублены, а селеніе сожжено, Карапгозовъ вступилъ въ Халиль-Чаушъ. Курды дѣйствительно очистили селеніе, вѣроятно потому, что въ сильную мятель не могли замѣтить нашу малочисленность. Потеря эскадрона въ этомъ дѣлѣ заключалась въ одномъ убитомъ и восьми раненыхъ нижнихъ чинахъ. Лошадей убита одна, ранено шесть и двѣ бѣжали. Въ числѣ убитыхъ прикладами курдовъ оказался ихъ начальникъ.

Такъ какъ стычка эта произошла во время перемирія, то начальникъ отряда генералъ-маіоръ Духовской высказалъ, по этому поводу, Карапгозову свое неудовольствіе, но Карапгозовъ не былъ виновенъ. Не зная о заключенномъ перемиріи, онъ, какъ и всякій офицеръ, считалъ долгомъ спѣшить туда, гдѣ появлялся непріятель. Выслушавъ замѣчанія генерала, Карапгозовъ отвѣтилъ „Ваше превосходительство! если я виновенъ, то предайте меня с ду, но прошу наградить георгіевскими крестами всѣхъ моихъ] ненныхъ, такъ какъ они несомнѣнно заслужили это.“ Ходатайс Карапгозова было отчасти уважено: въ эскадронъ пожаловано

георгіевскихъ креста. На другой день послѣ стычки съ курдами, уже всѣ эскадроны знали о заключенномъ перемиріи. Новость эту сообщилъ начальникъ штаба багдадскаго корпуса, пріѣхавшій по какому-то дѣлу: а вскорѣ она подтвердилась офиціальнымъ увѣдомленіемъ.

Подошелъ февраль. Жители занятыхъ нами селеній начали затрудняться доставкою фуража и особенно сѣна, опасаясь, что его не достанетъ до весны, для прокормленія ихъ собственнаго скота. Пришлось прибѣгнуть къ фуражировкамъ. Необходимо, однако, сознаться, что желая по мѣрѣ возможности не стѣснять преданныхъ намъ жителей, фуражировки эти производились иногда въ занятыхъ башн-бузуками и курдами селеніяхъ. Дѣлалось это обыкновенно такимъ образомъ: взводъ подходилъ къ селенію и, вынувъ ружья изъ чахловъ, дѣлалъ съ коня нѣсколько выстрѣловъ. Когда же курды обращались въ бѣгство, взводъ входилъ въ селеніе и преспокойно приступалъ къ нагрузкѣ вьюковъ изъ турецкихъ складовъ. Считать такія фуражировки нарушеніемъ перемирія конечно нельзя, такъ какъ всему свѣту извѣстно, что для башн-бузуковъ и курдовъ никакіе трактаты, или договоры,- не имѣютъ значенія. Къ тому же, сами курды были настолько послѣдовательны, что считая силу самымъ естественнымъ правомъ и не думали жаловаться на насъ.

Весь февраль мѣсяцъ нижніе чины, попрежнему, получали хорошую пищу, но обмундированіе ихъ пришло въ совершенную негодность. Бѣлья многіе совсѣмъ не имѣли. Нерѣдко, изъ подъ лохмотьевъ мундира, видѣлся дырявый китель, надѣтый вмѣсто рубашки. Полушубки были слишкомъ коротки, что вынуждало людей прикупать овчину для удлиненія ихъ, но далеко не всѣ имѣли необходимыя для этого деньги. Головной уборъ состоялъ изъ кивера, крайне неудобнаго, какъ лѣтомъ, такъ и зимою: притомъ, большинство киверовъ въ эскадронахъ были потерты, дырявы, безъ гербовъ, или съ остатками поломанныхъ гербовъ. Офицеры, получая хорошее содержаніе, были достаточно обезпечены всѣмъ необходимымъ, хотя цѣны на предметы первыхъ потребностей достигли аптекарскихъ размѣровъ. Такъ, напр., фунтъ сахару сто-

илъ 1 р. 20 к., сотня папиросъ—4 руб., бутылка плохой водки—2 р. и т. д. Понятно, что солдаты страдали отъ дороговизны не менѣе, чѣмъ офицеры. Такъ какъ фунтъ махорки стоилъ рубль и дороже, то куреніе въ эскадронахъ замѣтно уменьшилось.

Чтобы не остаться въ долгу у солдата, который въ трудныя минуты кампаніи охотно дѣлилъ съ офицеромъ остатки своихъ сухарей, взводные командиры нерѣдко сами покупали табакъ для своихъ взводовъ и вообще, чѣмъ могли, старались помочь солдату. Хотя куреніе табаку многіе причисляютъ къ безполезной роскоши, но оно до такой степени распространилось и вошло во всеобщую привычку, что для большинства курящихъ составляетъ настоятельную потребность. Между тѣмъ, скудныя средства солдата не всегда даютъ ему возможность удовлетворить эту потребность. Вотъ почему желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ въ военное время, нижнимъ чинамъ отпускался табакъ отъ казны, какъ это и дѣлается въ нѣкоторыхъ иностранныхъ арміяхъ. При громадныхъ затратахъ, съ какими сопряжена всякая война, расходъ на табакъ едва-ли можетъ обременить казну. Въ половинѣ февраля уже никто не сомнѣвался въ скоромъ заключеніи мира. Дѣйствительно, 19-го числа, въ день восшествія на престолъ Государя Императора, подписаны были условія сань-стефанскаго договора *).

Война кончилась, но не кончились порожденныя ею бѣдствія. Тифозная эпидемія пепстово свирѣпствовала, захватывая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе жертвъ. Герои, поцаженные пулями и штыками, ежедневно падали сотнями подъ ея ударами. Отвратить бѣдствіе не было никакой возможности, а всѣ мѣры, принимаемыя съ цѣлью ограничить распространеніе заразы, оказывались безсильными, пока существовали причины породившія ее. Въ Нижегородскомъ полку, вскорѣ послѣ появленія тифа, весь запасъ медикаментовъ истощился и, не смотря на постоянныя просьбы, медицинское начальство не высылало ихъ больше. Штабъ полка, оставшійся въ Пасынжанѣ, доставлялъ небольшое

*) Эрзерумъ занятъ былъ нашими войсками 9-го февраля, на основаніи условій перемирія.

количество хины и другихъ лекарствъ, пріобрѣтая ихъ частнымъ образомъ,—по этого было слишкомъ недостаточно при громадномъ числѣ больныхъ. Медицинскій персоналъ почти не существовалъ. Полковой врачъ Нижегородскаго полка Кучинскій былъ единственнымъ врачемъ въ отрядѣ, состоявшемъ изъ двухъ кавалерійскихъ полковъ, мингрельскаго гренадерскаго полка и горной батареи. Помощникъ его классный медицинскій фельдшеръ Ивановъ оставленъ былъ въ Насыжванѣ, при штабѣ полка, и въ концѣ февраля умеръ отъ тифа. Эскадронные фельдшера почти всѣ переболѣли тифомъ. Нельзя не помянуть добрымъ словомъ дѣятельность доктора Кучинскаго въ это тяжелое время. Имѣя въ своемъ завѣдываніи отрядный лазаретъ въ Хнысъ-Кала, этотъ добросовѣстный врачъ всецѣло посвящалъ себя больнымъ и, при такомъ громадномъ трудѣ, не зная отдыха, всегда, по первому призыву, спѣшилъ туда, гдѣ требовалась его помощь. Къ сожалѣнію, въ его распоряженіи было слишкомъ мало средствъ для борьбы съ эпидеміею. Полковой ветеринарный врачъ Маркевичъ, тоже, по мѣрѣ силъ своихъ, помогалъ больнымъ дѣломъ и совѣтомъ. Два, три случая удачнаго примѣненія имъ хины съ карболовою кислотою поселили къ нему довѣріе. По его же совѣту, люди 2-го эскадрона, расположеннаго въ сел. Харомыкъ, перестали пить воду изъ родника, протекающаго вблизи кладбища, хотя вода, по внѣшнимъ качествамъ, казалась прекрасною, и вслѣдствіе этого болѣзненность въ эскадронѣ была меньше, чѣмъ въ ротѣ мингрельскаго полка, продолжавшей пользоваться этою водою.

Вообще санитарное состояніе полка было ужасно: больныхъ масса, а лечить ихъ некому и нечѣмъ. Благодѣтельное общество краснаго креста, такъ много содѣйствовавшее облегченію участи больныхъ и раненыхъ воиновъ, казалось забыло о существованіи Нижегородскаго полка. Во все время кампаніи полкъ только по слухамъ зналъ о дѣятельности этого гуманнаго общества. Единственная помощь, оказанная имъ полку, заключалась въ присылкѣ полушубковъ и четырехъ одноколокъ для перевозки раненыхъ. Но и эта запоздалая помощь имѣла видъ ироніи, такъ какъ одноколки и полушубки доставлены были въ маѣ

1878-го года, спустя три мѣсяца послѣ заключенія мира, когда уже ни одного раненаго не могло быть въ полку. Конечно, обвинять общество краснаго креста нельзя, потому что средства его были слишкомъ ограничены для удовлетворенія всѣхъ требованій.

Злополучный февраль приближался къ концу, для того, чтобы смѣниться еще болѣе злополучнымъ мартомъ. Въ двадцатыхъ числахъ мѣсяца, эскадроны получили приказаніе выступить изъ Хнысъ-Кала на свою прежнюю стоянку въ сел. Пасыжванъ, гдѣ оставались штабъ и обозъ полка. Второй дивизіонъ, выступивъ изъ Хныса раньше перваго, прибылъ въ Пасыжванъ 27-го февраля, а первый—перваго марта. Во время этого непродолжительнаго похода, въ полку внезапно развилась глазная болѣзнь, свойственная мѣстности, по которой слѣдовалъ полкъ. Голыя горы, покрытыя глубокимъ, ослѣпительной бѣлизны снѣгомъ, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи поражали зрѣніе дотого сильнымъ блескомъ, что онъ производилъ въ глазахъ воспаленіе. Большинство офицеровъ и солдатъ подверглись этому новому испытанію. Видя, что мѣстные жители, для предохраненія себя отъ болѣзни, носятъ очки,—всѣ офицеры и многіе нижніе чины поспѣшили также запастись ими. Вскорѣ послѣ выступленія полка, скончался въ Хнысъ-Кала, отъ тифа, командующій дивизіею генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ. Когда тѣло генерала привезли въ Пасыжванъ, первый эскадронъ получилъ приказаніе конвоировать его до Гассанъ-Кала, откуда оно отправлено было въ Александрополь, для погребенія. Во временное командованіе дивизіею вступилъ начальникъ кавалеріи дѣйствующаго корпуса генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе.

Ровно мѣсяцъ оставался полкъ въ Пасыжванѣ, переживая тяжелые дни. Эпидемія, въ это время, достигла крайнихъ предѣловъ своего развитія и дотого подкосила ряды эскадроновъ, что некому было убирать лошадей. Больныхъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ было 260-ть человѣкъ. Кромѣ того, многіе нижніе чины, уже перенесшіе тифъ въ предшествовавшіе мѣсяцы, были еще дотого слабы, что не могли исполнять службу. Больныхъ офицеровъ было также немало. 9-го марта скончался командиръ шестросвой

роты штабсъ-капитанъ Винарскій. Болѣзнь въ одну ночь свела его въ могилу. Благодаря заботливости начальства, продовольствіе нижнихъ чиновъ въ это время было прекрасное. Независимо увеличенной порціи мяса, крупы и масла, приказомъ по полку отъ 19-го марта предписывалось отпускать людямъ утромъ кофе, въ обѣдъ чарку водки и вечеромъ чай. Такимъ образомъ, одна изъ главнѣйшихъ причинъ тифа была устранена, но болѣзнь продолжала свирѣпствовать съ прежнею силою. Сырыя, пропитанныя міазмами помѣщенія упорно хранили въ себѣ заразу, не уступая никакой дезинфекціи. Въ нѣкоторыхъ буйволятникахъ чувствовался трупный запахъ, вслѣдствіе чего возникло предположеніе, что турки погребали въ нихъ своихъ тифозныхъ. Къ тому же, распространенію заразы весьма много способствовали постоянныя сообщенія полка съ Гассанъ-Кала, гдѣ находился переполненный больными подвижной лазаретъ 20-й дивизіи. Люди, сопровождавшіе больныхъ, нерѣдко сами заражались и возвращались въ полкъ больными. При такихъ условіяхъ, всѣ съ радостью привѣтствовали извѣстіе о предстоящемъ возвращеніи полка въ Александрополь. Дѣйствительно, въ концѣ мѣсяца полученъ былъ маршрутъ и 1-го апрѣля полкъ выступилъ изъ Насыжвана. Видя проходившій по дорогѣ полкъ, многіе больные нижегородцы, выбѣгая босыми изъ госпиталей, умоляли взять ихъ съ собою. Къ сожалѣнію, не только не было возможности исполнить просьбы этихъ несчастныхъ, но во время похода полкъ оставилъ по дорогѣ, въ разныхъ лазаретахъ и госпиталяхъ, еще 169-ть человѣкъ.

Итакъ, перейдя границу 12-го апрѣля 1877-го года, полкъ ровно черезъ годъ, 13-го апрѣля 1878-го года, возвратился въ Александрополь. Хотя потери, понесенныя полкомъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ, были не особенно значительны, тѣмъ не менѣе, ряды полка замѣтно порѣдѣли. Слѣдующая таблица опредѣляетъ убыль людей и лошадей, понесенную полкомъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ и отъ болѣзней, за все время кампаніи.

Названіе чиновъ.	Убито и умер. отъ ранъ.	Контужено.	Ранено.	Взято въ плѣнъ.	Безъ вѣсти пропало.	Умерло отъ тифа и другихъ болѣзней по 1-е іюня.	Лошадей пало отъ изнуренія.
Офицеровъ.	2	2	5	»	»	2	»
Классныхъ чиновниковъ.	»	»	»	»	»	1	»
Нижнихъ чиновъ. . .	43	»	83	3	1	91	»
Строевыхъ лошадей. .	104	»	82	»	2	»	37

Необходимо замѣтить, что приведенныя здѣсь цифры не вполнѣ точны и выражаютъ собою лишь минимумъ потерь. Въ число раненыхъ нижнихъ чиновъ не включены многіе, не выходившіе изъ строя послѣ полученія ранъ. Нѣкоторые умершіе и по сіе время числятся по отчетамъ полка въ неизвѣстныхъ госпиталяхъ, такъ какъ нѣтъ офиціальныхъ увѣдомленій о ихъ смерти. Убыль лошадей по таблицѣ тоже показана меньше дѣйствительной, потому что многія лошади пали отъ ранъ и изнуренія послѣ откомандированія ихъ отъ полка. Такъ, напримѣръ, изъ 97-ми раненыхъ и загнанныхъ лошадей, отправленныхъ въ концѣ сентября для поправки въ запасный эскадронъ, возвратилось въ полкъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ только 72. Остальныя пали отъ ранъ, или пришли отъ изнуренія въ совершенную негодность къ дальнѣйшей службѣ. Вообще, въ минувшую войну самая большая убыль лошадей была въ Нижегородскомъ полку.

Съ прибытіемъ въ Александрополь, число больныхъ нижнихъ чиновъ, попрежнему, увеличивалось ежедневно и наконецъ къ 1-му мая ихъ было 417-ть человѣкъ. Число это такъ красноречиво говоритъ само за себя, что всякія объясненія къ нему излишни. Сопоставляя сумму вышеприведенныхъ чиселъ съ наличнымъ соста-

вомъ полка въ день перехода границы, видно, какъ мало было счастливцевъ, которыхъ пощадили война и эпидемія. Не смотря, однако, на угнетающее впечатлѣніе, производимое опустошеніями тифа, нравственное настроеніе полка было прекрасное. Воспоминанія о Бегли-Ахметѣ, Орлокѣ, объ атакахъ 3-го октября, какъ животворная струя свѣжаго воздуха въ удушливой атмосферѣ, удерживая духъ полка на прежней высотѣ, вносили въ душу каждаго отрадное сознаніе свято исполненнаго долга. Дѣйствительно, нижегородцы честно исполнили свой долгъ и, по милостивому выраженію покойнаго Государя, достойно поддержали прежнюю славу полка. Заслуги нижегородцевъ въ минувшую войну удостоились небывалой еще въ нашей арміи награды: 26-го ноября 1878-го года, полку Всемилостивѣйше пожалованы на георгіевскіе штандарты широкія георгіевскія ленты 1-й степени со звѣздами и надписями: 1-му дивизіону—„за сраженія 2-го и 3-го октября на аладжинскихъ высотахъ", а второму дивизіону—„за дѣла при Бегли-Ахметѣ 18-го мая и на орлокскихъ высотахъ 2-го октября".

Такимъ образомъ, въ минувшую войну, полкъ внесъ новую блестящую страницу въ свою исторію.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КЪ ГЛАВѢ ПЕРВОЙ.

А.

Нижегородскій драгунскій полкъ сформированъ Петромъ Великимъ въ 1701-мъ году, подъ названіемъ драгунскаго Морелія полка, а въ 1708-мъ году названъ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ. Въ 1846-мъ году Императоръ Николай I назначилъ Своего друга, Наслѣднаго Принца Виртембергскаго шефомъ полка, почему полку повелѣно было именоваться Нижегородскимъ драгунскимъ Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полкомъ. Въ 1864-мъ году полкъ названъ былъ 16-мъ драгунскимъ Нижегородскимъ Его Величества Короля Виртембергскаго полкомъ. Наконецъ, въ 1882-мъ году, вслѣдствіе переформированія всѣхъ армейскихъ уланскихъ и гусарскихъ полковъ въ драгунскіе, полку присвоенъ 44-й номеръ, вмѣсто прежняго 16-го.

Полкъ имѣетъ слѣдующіе знаки отличія за военные подвиги: 1) два георгіевскихъ штандарта за персидскую и турецкую кампаніи 1827-го, 1828-го и 1829-го годовъ. Сверхъ того, Высочайшимъ приказомъ 30-го августа 1856-го г., на штандартъ 2-го дивизіона пожалована новая надпись: „и за отличные подвиги въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24-го іюля 1854-го года". При штандартахъ имѣются орденскія александровскія ленты. 2) У всѣхъ чиновъ полка знаки на шапкахъ, съ надписью: „за отличіе"—пожалованы 22-го сентября 1830-го г. 3) 17-ть георгіевскихъ серебряныхъ трубъ, съ надписью: „за отличные подвиги при пораженіи 36000-го турецкаго корпуса на башъ-кадыкляр-

скихъ высотахъ 19-го ноября 1853-го года—пожалованныхъ 21-го января 1854-го года. 4) Штабъ и оберъ-офицеры имѣютъ на воротникахъ и обшлагахъ мундировъ золотое шитье—пожалованное 10-го октября 1854-го г. 5) Нижніе чины имѣютъ на воротникахъ и обшлагахъ мундировъ петлицы изъ георгіевской ленты—пожалованныя 21-го августа 1864-го г. 6) Широкія георгіевскія ленты 1-й степени на штандарты, со звѣздами и надписями: 1-му дивизіону—„за сраженія 2-го и 3-го октября 1877-го года на аладжинскихъ высотахъ", а 2-му дивизіону—„за дѣло при Бегли-Ахметѣ 18-го мая и на орлокскихъ высотахъ 2-го октября 1877-го года". Сверхъ того, въ видѣ особой милости къ полку, въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ 12-го іюля 1864-го года соизволилъ зачислить Себя въ списки полка. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ осчастливилъ полкъ такимъ-же высокимъ вниманіемъ, зачисливъ Себя въ списки полка 27-го ноября 1881-го года.

Полкъ вооруженъ шашками азіатскаго образца. Многіе утверждаютъ, что онѣ пожалованы въ награду за военныя отличія, но объ этомъ свѣдѣній нѣтъ. Въ полку имѣются двадцать серебряныхъ трубъ, съ надписью: „Нижегородскаго карабинернаго полка" и двѣ серебряныя литавры, „построенныя въ 1767-мъ году раченіемъ полковника Николая Панина".

КЪ ГЛАВѢ ВТОРОЙ.

Б.

Второй дивизіонъ полка выступилъ изъ Баяндура вмѣстѣ съ войсками авангарда главныхъ силъ, послѣ торжественнаго молебствія, передъ началомъ котораго командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ прочиталъ слѣдующій приказъ Его Высочества Главнокомандующаго арміею:

„Войска кавказской арміи! Державная воля Государя Императора призываетъ васъ нынѣ къ защитѣ оружіемъ чести и достоинства нашего отечества. За вами—славное прошлое кавказ-

скихъ войскъ; передъ вами—поля и твердыни, обагренныя кровью вашихъ отцовъ и братьевъ. Впередъ, съ Богомъ, за родину и Великаго Государя!"

В.

По поводу кавалерійскаго рейда за Карсъ, состоялся приказъ по дѣйствующему корпусу отъ 20-го апрѣля за № 59-мъ, слѣдующаго содержанія:

„Главнокомандующій арміею, по доведеніи мною вчера до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества объ исполненномъ кавалеріею корпуса съ конною артилеріею, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе, 16-го, 17-го и 18-го сего апрѣля поискѣ по южную сторону Карса, изволилъ почтить меня отвѣтомъ—телеграммою слѣдующаго содержанія:

„Только что получилъ вашу депешу о лихомъ поискѣ вашей молодецкой кавалеріи. Въ высшей степени доволенъ, и благодарю; объявить войскамъ Мое спасибо. Кресты вышлю завтра. Разрѣшаю выдать ихъ по одному на каждый эскадронъ, сотню и батарею, а во 2-ю терскую батарею два—какъ просятъ.

„Съ особенно пріятнымъ чувствомъ спѣшу сдѣлать эти дорогія слова извѣстными по ввѣренному мнѣ корпусу".

КЪ ГЛАВѢ ШЕСТОЙ.

Г.

Пѣсня, составленная прапорщикомъ Протопоповымъ, по поводу дѣла съ турками 2-го октября 1877-го года.

„Ура" живымъ и память павшимъ
За бой неравный, страшный бой,
Когда съ маіоромъ Витте нашимъ
Врубились мы во вражій строй!

* * *

Кругомъ насъ турки обступили,
Гремѣли залпы, словно громъ;
Мгновенно шашки обнажили
И понеслись мы напроломъ.

***

Разъ въ двадцать больше вражья сила
Насъ не съумѣла удержать;
Вдругъ, пропасть путь загородила—
И повернули мы назадъ.

***

И тутъ драгуны не сплошали,
Опять въ атаку понеслись,
Вторично шашки засверкали,
Вторично кровью упились.

***

Мѣста тѣ памятны остались,
Гдѣ мы 2-го октября
Со славой, честью, храбро дрались
За вѣру, родину, Царя.

***

Хоть много нашего тутъ брата
Себѣ снискало вѣчный сонъ,
Но долгъ исполнили мы свято,
„Ура“-же, третій эскадронъ!

КЪ ГЛАВѢ СЕДЬМОЙ

Д.

17-го октября, у сел. Куруджукъ, генералъ Гейманъ отдалъ слѣдующій приказъ по отряду:

„Войска согаплугскаго отряда! Въ теченіе семи съ половиною дней, не смотря на непогоду и горныя дороги, вы прошли не только пространство въ 174-ре версты, но успѣли настигнуть непріятеля, который въ страхѣ отъ васъ бѣжалъ. Всѣ, отъ старшаго до младшаго, перенесли громадные труды, возможные только для войскъ, испытанныхъ въ бояхъ. Искренно благодарю всѣхъ гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ за ихъ неутомимое содѣйствіе такому важному дѣлу, какъ занятіе всей непріятельской страны. Въ особенности, выражаю мою душевную признательность начальнику кавалеріи генералъ-маіору Лорисъ-Меликову и генералъ-маіору Келбали-хану нахичеванскому—за неутомимое преслѣдованіе непріятеля въ ночь съ 16-го на 17-е октября.

„Душевное спасибо молодцамъ нижнимъ чинамъ за ихъ баснословные труды, въ особенности, нижегородцевъ, сѣверцевъ, и 2-го горско-моздокскаго полка, которые, не смотря на усталость, лихо разбили турокъ".

КЪ ГЛАВѢ ВОСЬМОЙ.

Е.

По случаю окончанія войны, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ издалъ по войскамъ дѣйствующаго корпуса слѣдующій приказъ:

„По волѣ великаго нашего Государя, война съ Турціею окончена и 19-го сего февраля заключенъ миръ. Боевые сподвижники мои! Съ 12-го апрѣля прошлаго года много оказано вами отличій, много вынесено неимовѣрныхъ трудовъ, но за то вы достигли сердца малой Азіи и почти вся, съ боя взятая вами земля присоединена къ Россійской Державѣ.

„Поздравляю васъ съ окончаніемъ славной войны и съ блестящимъ миромъ. Вы честно и геройски выполнили слова, съ которыми я обратился къ вамъ въ день открытія военныхъ дѣйствій; подъ знаменами вашихъ отцовъ и дѣдовъ, вы снова закрѣпили громкую славу вашихъ частей, доказавъ Россіи и всему міру, что въ вашихъ жилахъ течетъ та самая богатырская кровь,

которая не разъ являла чудеса храбрости. До пятисотъ взятыхъ вами орудій и десятки тысячъ плѣнныхъ турецкихъ солдатъ служатъ тому доказательствомъ.

„Овладѣніе штурмомъ крѣпостью Ардагана, дѣйствія эриванскаго отряда и двадцатитрехдневная оборона осажденнаго Баязета, разгромъ анатолійской арміи на Аладжѣ, штурмъ непріятельской крѣпости Карса, разбитіе соединенныхъ силъ Мухтара и Измаила пашей на Деве-Бойну и, наконецъ, безпримѣрная по громаднымъ, изумившимъ даже непріятеля трудностямъ, среди жестокой зимы, въ безлѣсной мѣстности и на высотѣ семи тысячъ футъ, строгая блокада Эрзерума и другіе ваши подвиги будутъ записаны золотыми буквами въ лѣтописи военной исторіи.

„Не мнѣ быть цѣнителемъ вашихъ заслугъ и доблестей: за десять мѣсяцевъ непрерывныхъ военныхъ дѣйствій не разъ заслужили вы дорогое Царское спасибо, благодарность нашего Августѣйшаго Главнокомандующаго и благословеніе всѣхъ русскихъ людей. Относясь съ высокимъ и неизгладимымъ въ памяти моей уваженіемъ къ вашимъ боевымъ достоинствамъ и понесеннымъ трудамъ, я отъ глубины души благодарю Провидѣніе за ниспосланное мнѣ счастіе—съ начала и до конца войны быть воглавѣ дѣйствующаго корпуса. достойнаго преемника старыхъ кавказскихъ бойцовъ.

„Помянемъ вмѣстѣ, товарищи, вѣчною памятью тѣхъ братьевъ нашихъ, коимъ Господь не судилъ дожить до минуты славнаго мира, воздадимъ дань благоговѣйнаго уваженія семьямъ, оспротѣвшимъ послѣ войны, а когда судьба вернетъ насъ къ родному очагу—будемъ наставлять дѣтей нашихъ и внуковъ, чтобы и они, когда до нихъ дойдетъ очередь, по первому слову Царя шли умирать за отечество съ такою же беззавѣтною готовностью, какою были преисполнены всѣ чины ввѣреннаго мнѣ корпуса, отъ перваго и до послѣдняго“.

Ж.

Списокъ офицерамъ и классным чиновникамъ 44-го драгунскаго Нижегородскаго Его Величества Короля Виртембергскаго полка, участвовавшимъ въ кампании 1877-го—1878-го годовъ, съ обозначеніемъ, кто какія получилъ награды.

Чины, имена и фамиліи.	Занимаемыя должности.	Награды.
Перешли границу въ составъ полка:		
Полковникъ		
Александръ Александровичъ Кельнеръ.	Командиръ полка.	Золотое оружіе, ордена: св. Владиміра 4-й и 3-й ст., св. Георгія 4-й ст., виртембергскій кавалерскій крестъ ордена за военныя заслуги и серебряная медаль.
Маіоры:		
Керимъ-бекъ Наврузовъ.	Командиръ 2-го дивизіона съ 10-го апрѣля 1877-го года.	Золотое оружіе, ордена: св. Станислава 2-й ст., св. Анны 2-й ст., св. Георгія 4-й ст., слѣдующій чинъ, виртембергскій крестъ ордена за военныя заслуги и серебряная медаль.
Яковъ Яковлевичъ Маралинъ. . . .	Завѣдывающій хозяйствомъ и временно-командующій 1-мъ дивизіономъ.	Золотое оружіе, орденъ св. Анны 2-й ст., и слѣдующій чинъ.

Александръ Юліевичъ Витте . . .	Командиръ 3-го эскадрона.	Золотое оружіе, ордена: св. Владиміра 4-й ст., св. Георгія 4-й ст. и слѣдующій чинъ.
Капитаны:		
Николай Федоровичъ Чернышевъ. .	Командующій 2-мъ эскадрономъ.	Ордена: св. Станислава 2-й ст., и св. Анны 3-й ст.
Иналъ Тегоевичъ Кусовъ.	Командиръ 4-го эскадрона.	Золотое оружіе, ордена: св. Станислава 2-й ст., св. Анны 2-й ст., св. Владиміра 4-й ст., св. Георгія 4-й ст. и слѣдующій чинъ.
Николай Акимовичъ Тетюцкій . .	Командиръ 1-го эскадрона.	Ордена: св. Станислава 3-й ст. и св. Владиміра 4-й ст.
Поручики:		
Василій Павловичъ Дебогорій-Мокріевичъ.	Принялъ 3-й эскадронъ 1-го декабря.	Ордена: св. Анны 4-й, 3-й и 2-й ст., св. Станислава 2-й ст. и серебряная медаль.
Константинъ Адамовичъ Карангозовъ.	Завѣдывающій оружіемъ, принялъ 2-й эскадронъ 19-го августа.	Ордена: св. Анны 3-й и 4-й ст., св. Станислава 2-й ст. и св. Георгія 4-й ст.
Люцій Яковлевичъ Винарскій. . . .	Командиръ нестроевой роты.	Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст.
Александръ Павловичъ Фурдуевъ. .	Полковой казначей.	Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст., слѣдующій чинъ и серебряная медаль.
Евгеній Алексѣевичъ Панчулидзевъ.	Субалтернъ-офицеръ 1-го эскадрона.	Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 2-й ст. и св. Георгія 4-й ст.

Князь Александръ Семеновичъ Аваловъ.	Субалтернъ-офицеръ 2-го эскадрона.	Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст. и слѣдующій чинъ.
Персидскій принцъ Махмудъ-Мирза. .	Субалтернъ-офицеръ 1-го эскадрона.	Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст., св. Станислава 3-й и 2-й ст. и серебряная медаль.
Персидскій принцъ Эмиръ-Казымъ-Мирза.	Субалтернъ-офицеръ 4-го эскадрона.	Ордена: св. Анны 4-й, 3-й и 2-й ст., св. Станислава 3-й и 2-й ст.
Сергѣй Прокофьевичъ Евстафьевъ. .	Субалтернъ-офицеръ 3-го эскадрона.	Ордена: св. Анны 3-й ст., св. Станислава 3-й ст. и слѣдующій чинъ.
Прапорщики:		
Александръ Васильевичъ Соколовскій 2-й. . . .	Субалтернъ-офицеръ 2-го эскадрона.	Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст. и св. Станислава 3-й и 2-й ст.
Князь Ростомъ Георгіевичъ Церетели	Субалтернъ-офицеръ 4-го эскадрона.	Орденъ св. Анны 4-й ст.
Иванъ Васильевичъ Крыжановскій.	II. д. полковаго квартермистра.	Ордена: св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст.
Князь Михаилъ Абеловичъ Андроникovъ.	II. д. полковаго адъютанта.	Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст., св. Владиміра 4-й ст. и виртембергскій кавалерскій крестъ ордена за военныя заслуги.
Станиславъ Чеславовичъ Бернацкій. .	Субалтернъ-офицеръ 1-го эскадрона.	Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст. и чинъ поручика.

Степанъ Герасимовичъ Калантаровъ .	Дѣлопроизводитель полковаго суда.	Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст., слѣдующій чинъ и серебряная медаль.
Антонъ Игнатьевичъ Гурскій. . .	Субалтернъ-офицеръ 2-го эскадрона.	Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст., св. Станислава 3-й ст., слѣдующій чинъ и серебряная медаль.
Іосифъ Климентьевичъ Долинскій. .	Субалтернъ-офицеръ 3-го эскадрона.	Орденъ св. Анны 4-й ст.
Баронъ Викторъ Антоновичъ де-Форжетъ	Субалтернъ-офицеръ 4-го эскадрона.	— — —
Бей-Булатъ Тургіевъ	Субалтернъ-офицеръ 4-го эскадрона.	Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст., св. Станислава 2-й ст., слѣдующій чинъ и серебряная медаль.
Прибыли въ полкъ во время кампаніи:		
Подполковникъ		
Иванъ Соломоновичъ Авалдовъ . .	Изъ командировки.	— — —
Капитанъ		
Николай Михайловичъ Литвиновъ. .	3-го эскадрона. Переведенъ изъ 14-го гусарскаго митавскаго Принца Альберта прусскаго полка.	Ордена: св. Станислава 3-й и 2-й ст., св. Владиміра 4-й ст. и серебряная медаль.
Штабсъ-капитаны:		
Сергѣй Андреевичъ Демидовъ. .	Изъ запаснаго эскадрона.	Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст. и св. Владиміра 4-й ст.

Князь Іосифъ Семеновичъ Чхейдзе. .	Изъ командировки.	— — —
Поручики:		
Михаилъ Васильевичъ Бѣлостоцкій.	Изъ запаснаго эскадрона.	Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст. и св. Станислава 3-й ст.
Борисъ Борисовичъ Вертейль. . . .	1-го эскадрона. Переведенъ изъ крымскаго дивизіона.	Ордена: ст. Станислава 3-й ст. и св. Анны 4-й и 3-й ст.
Федоръ Федоровичъ Колышкинъ. . .	3-го эскадрона. Переведенъ изъ лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка.	Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст. и св. Станислава 3-й ст.
Егоръ Тимоновичъ Колупайловъ. . .	Изъ отставки.	Орденъ св. Станислава 2-й ст.
Василій Павловичъ Шведовъ. . . .	Изъ командировки.	— — —
Прапорщики:		
Казиміръ Оттоновичъ Слизенъ . .	Изъ ставропольскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища, 28-го мая.	Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст. и св. Станислава 3-й ст.
Александръ Васильевичъ Эрастовъ.	Изъ ставропольскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища, 28-го мая.	Орденъ св. Анны 4-й ст.
Валеріанъ Петровичъ Протопоповъ. .	3-го эскадрона, изъ отставки, прибылъ 2-го августа.	Ордена: св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст.

Николай Александровичъ фонъ-Мензенкампфъ	3-го эскадрона, изъ николаевскаго кавалерійскаго училища, прибылъ 20-го іюля.	Ордена: св. Станислава 3-й ст., св. Анны 3-й ст., серебряная медаль и слѣдующій чинъ.
Князь Георгій Александровичъ Тумановъ	2-го эскадрона, изъ николаевскаго кавалерійскаго училища, прибылъ 20-го іюля.	Ордена: св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст.
Петръ Ивановичъ Котелкинъ . . .	Ставропольскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища.	Ордена: св. Станислава 3-й ст. и св. Анны 4-й ст.
Лазарь Васильевичъ Артазовъ . .	Ставропольскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища.	Ордена: св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст.
Князь Семенъ Николаевичъ Эристовъ.	Ставропольскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища.	Ордена: св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст.
Евгеній Арсентьевичъ Максимовъ . .	1-го эскадрона, изъ портупей - юнкеровъ 1-й конно-артилерійской батареи, прибылъ 17-го августа.	Орденъ св. Станислава 3-й ст.
Павелъ Васильевичъ Александровскій	2-го эскадрона, изъ пажескаго Его Величества корпуса, 10-го сентября 1877-го года.	Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст. и слѣдующій чинъ.
Александръ Борисовичъ Нейдгардтъ .	Изъ пажескаго Его Величества корпуса, 30-го сентября 1877-го года.	Ордена: св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст.
Произведены въ прапорщики изъ вольноопредѣляющихся, за отличія въ дѣлахъ:		

Графъ Матвѣй Владиміровичъ Соллогубъ	Субалтернъ-офицеръ.				
Князь Ясонъ Яковлевичъ Эристовъ . .	—	—	—		
Князь Николай Андреевичъ Трубецкой	—	—	—		
Князь Василій Андреевичъ Трубецкой.	—	—	—		
Князь Сергѣй Георгіевичъ Церетели .	—	—	—		
Георгій Ивановичъ Васильевъ . . .	—	—	—		
Князь Александръ Давидовичъ Чавчавадзе	—	—	—		
Князь Владиміръ Петровичъ Долгорукій	—	—	—		
Князь Соломонъ Арчиловичъ Андроникovъ	—	—	—		
Князь Александръ Леоповичъ Джорджадзе	—	—	—		

Знаки отличія военнаго ордена 4-й степени.

Классные чиновники, состоящіе при полку съ 12-го апрѣля 1877-го года:		
Коллежскій совѣтникъ Владиміръ Семеновичъ Ярмоловичъ	Старшій полковой врачъ по 11-е мая 1877-го года.	— — —
Надворный совѣтникъ Фортунатъ Ивановичъ Маркевичъ.	Полковой ветеринарный врачъ.	Ордена: св. Станислава 2-й ст. и св. Анны 2-й ст.
— Францъ Адамовичъ Кучинскій . .	И. д. старшаго полковаго врача съ 11-го мая 1877-го года.	Орденъ св. Владиміра 4-й ст.
Коллежскій регистраторъ Ивановъ .	Классный медицинскій фельдшеръ.	Орденъ св. Станислава 3-й ст.
Губернскій секретарь Николай Антоновичъ Низяховскій.	Дѣлопроизводитель по хозяйственной части.	Ордена св. Станислава 3-й ст. и св. Анны 3-й ст.
Протоіерей Іоаннъ Семеновичъ Сеперовичъ	Полковой священникъ.	Ордена св. Анны 2-й ст. и св. Владиміра 4-й ст.

Примѣчаніе: Въ этотъ списокъ не включены офицеры, откомандированные отъ полка на время кампаніи, для занятія должностей адъютантовъ, постоянныхъ ординарцевъ и т. п.

3.

Списокъ офицерамъ 44-го драгунскаго Нижегородскаго Его Величества Короля Виртембергскаго полка, раненымъ, контуженымъ и умершимъ отъ ранъ и отъ тифа во время войны 1877-го—1878-го годовъ.

Чины, имена и фамиліи.	Отмѣтка.
Подполковникъ	
Иванъ Соломоновичъ Авалдовъ.	Умеръ отъ тифа 27-го ноября 1877-го года.
Маіоръ	
Александръ Юліевичъ Витте.	Контуженъ въ голову 8-го августа 1877-го года.
Капитаны:	
Николай Федоровичъ Чернышовъ.	Контуженъ въ ногу 8-го августа 1877-го года.
Ипалъ Тегоевичъ Кусовъ.	Раненъ штыкомъ въ руку 3-го октября 1877-го года.
Штабсъ-капитанъ	
Николай Акимовичъ Тетюцкій.	Умеръ отъ раны, полученной въ ночь на 17-е октября 1877-го года, при Гассанъ-Кала.
Поручики:	
Люцій Яковлевичъ Винарскій.	Умеръ отъ тифа 9-го марта 1878-го года.
Персидскій принцъ Махмудъ-Мирза.	Контуженъ въ шею пулею 6-го августа 1877-го года.

Персидскій принцъ Эмиръ-Казымъ-Мирза.	Раненъ штыкомъ въ руку 3-го октября 1877-го года.
Сергѣй Прокофьевичъ Евстафьевъ.	Раненъ пулею въ ногу 6-го августа 1877-го года.
Прапорщики:	
Александръ Васильевичъ Эрастовъ	Раненъ осколкомъ гранаты въ ногу 13-го августа 1877-го года.
Баронъ Викторъ Антоновичъ де-Форжетъ. . . .	Умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ дѣлѣ при Бегли-Ахметѣ, въ ночь съ 17-го на 18-е мая 1877-го года.
Лекарскій помощникъ	
Коллежскій регистраторъ Ивановъ	Умеръ отъ тифа.

II.

Списокъ офицерамъ 44-го драгунскаго Нижегородскаго Его Величества Короля Виртембергскаго полка, получившимъ ордена св. Георгія 4-й степени во время войны 1877—1878-го годовъ.

Чины, имена и фамиліи.	За какія дѣла получили ордена.
Полковникъ	
Александръ Александровичъ Кельнеръ.	За сраженія 2-го и 3-го октября.
Маіоры:	
Керимъ-бекъ Наврузовъ . .	За дѣло при Бегли-Ахметѣ, въ ночь съ 17-го на 18-е мая.
Александръ Юліевичъ Витте	За дѣло 2-го октября.
Капитанъ	
Иналъ Тегоевичъ Кусовъ.	За сраженіе 3-го октября.
Штабсъ-капитанъ	
Константинъ Адамовичъ Карангозовъ.	За сраженіе 3-го октября.
Поручикъ	
Евгеній Алексѣевичъ Панчулидзевъ.	За взятіе турецкаго знамени 3-го октября.

I.

СПИСОКЪ

Нижнимъ чинамъ 44-го драгунскаго Нижегородскаго Его Величества Короля Виртембергскаго полка, убитымъ и умершимъ отъ ранъ въ дѣлахъ съ турками, во время войны 1877—1878-го годовъ.

Званія, имена и фамиліи.	Когда убитъ или смертельно раненъ.
Унтеръ-офицеръ	
Егоръ Огарковъ. . . .	Умерли отъ ранъ, полученныхъ въ ночь съ 17-го на 18-е мая.
Рядовые:	
Александръ Мещеряковъ. .	
Григорій Гриценко. . .	
Тимофей Папковъ. . . .	Убиты въ ночь съ 17-го на 18-е мая.
Евсей Телковъ.	
Иванъ Савченко. . . .	
Никита Синегубовъ. . .	Умеръ отъ ранъ, полученныхъ 13-го августа.
Петръ Гриценко. . . .	Убитъ 13-го августа.
Взводные унтеръ-офицеры:	
Петръ Козловъ.	Убиты 2-го и 3-го октября, на аладжинскихъ высотахъ.
Михаилъ Ильинъ. . . .	
Унтеръ-офицеръ	
Елисей Бабуновъ. . . .	
Ефрейтора:	
Кузьма Бондаревъ. . . .	
Сергѣй Степановъ. . . .	
Михаилъ Анучинъ. . .	

Рядовые:	
Тимофей Зинченко. . . .	Убиты 2-го и 3-го октября.
Кузьма Пилипенко. . .	
Михаилъ Ожередовъ. . .	
Николай Логовиченко. . .	
Архипъ Терещенко. . .	
Романъ Борисенко. . .	
Семенъ Лучниковъ. . .	
Никита Дейникинъ. , .	
Изотъ Слюсаревъ. . . .	
Василій Абрамовъ. . .	
Иванъ Литвиненко. . .	
Сильвестръ Тарасовъ . .	
Иванъ Курочкинъ. . . .	
Емельянъ Евдуновъ. . .	
Степанъ Васильевъ. . .	
Василій Пахомовъ. . .	
Андрей Коробка. . . .	
Прокофій Кривогузовъ. .	
Прохоръ Плескуновъ. . .	
Айже Цукерманъ. . . .	
Старшій ветерин. фельдшеръ	
Кириллъ Минаевъ. . . .	
Рядовые:	
Иванъ Гречкинъ. . . .	Умерли отъ ранъ 2-го и 3-го октября.
Иванъ Плужниковъ. . .	
Михаилъ Кабельскій. . .	
Василій Неговора. . .	Убиты 17-го октября.
Казиміръ Ошмянъ. . .	
Сергѣй Петровъ. . . .	
Степанъ Осиповъ. . . ,	
Даніилъ Бондаренко . . .	Убитъ 25-го января 1878-го года.

К.

СПИСОКЪ

Нижнимъ чинамъ 44-го драгунскаго Нижегородскаго Его Величества Короля Виртембергскаго полка, получившимъ знаки отличія военнаго ордена, во время кампаніи 1877—1878-го годовъ.

Званія, имена и фамиліи.	Какихъ степеней.	№№ знаковъ.
Вахмистры:		
Иванъ Плетеницкій . . .	4	11580
	3	1655
	2	81
Василій Казначейскій . .	4	22450
	3	3670
Францъ Ленцкусъ . . .	4	22436
	3	3669
Никита Губановъ . . .	4	86209
Иванъ Клюшниковъ . . .	4	22438
	3	3671
	2	3671
	1	333
Иванъ Дроздовъ	4	42384
Взводные унтеръ-офицеры:		
Юрій Поплавскій. . . .	4	33851
Михаилъ Никитинъ. . .	4	33852
Василій Шевцовъ. . . .	4	33212
Антонъ Горькавый . . .	4	33243
	3	3673
Петръ Кувшинниковъ. . .	4	42365
Андрей Нижниковъ. . .	4	33243
	3	3673
Семенъ Радченко . . .	4	33591
Николай Шіяновъ. . . .	4	49544
Василій Мацигора . . .	4	49506
Захаръ Рокитянскій. . .	4	33344
Игнатъ Куриловъ. . . .	4	42390

Василій Денисенко . . .	4	33579
Адамъ Жемайдукъ . . .	4	33286
Василій Бабенко. . . .	4	42344
Алексѣй Мирошниченко. .	4	48811
Даніилъ Гредасовъ. . . .	4	51166
Степанъ Мартіяновъ. . .	4	49065
Унтеръ-офицеры:		
Павелъ Семеновъ. . . .	4	33854
	3	3674
Степанъ Черепянный. . .	4	33333
Иванъ Сироватскій . . .	4	49525
Василій Мурашкинъ. . .	4	33853
	2	746
Петръ Кононовъ. . . .	4	49541
Варфоломей Загорскій . .	4	49413
	3	3394
Викентій Шеркинсъ. . .	4	49503
Пантелей Ткаченко . . .	4	49533
Кузьма Шпякинъ. . . .	4	49542
Илья Полковниковъ. . .	4	49508
Федоръ Яровой.	4	49509
Степанъ Кучкинъ. . . .	4	61130
Андрей Некрыловъ . . .	4	61121
Давидъ Михайловъ . . .	4	33567
Алексѣй Бобуновъ . . .	4	33589
Иванъ Шапуцисъ. . . .	4	58949
Емельянъ Горобцовъ. . .	4	58955
Никита Ермола	4	58954
Федоръ Заморуевъ. . . .	4	58948
Дмитрій Воротниковъ . .	4	58953
Иванъ Форофоновъ . . .	4	34753
	3	3676
	2	914
Кузьма Шепцовъ. . . .	4	49057
	3	2972
Александръ Берновъ. . .	4	86214
Адамъ Шмагоржевскій . .	4	51192
	3	3675
Адамъ Егуновъ	4	86212

Христофоръ Руденко. . .	4	86211
Богумилъ Гавласу . . .	4	86210
Дмитрій Семенченко. . .	4	49550
Яковъ Максимовъ . . .	4	36877
Андрей Вороновскій. . .	4	48838
Пантелей Ярцовъ. . . .	4	48831
Станиславъ Захаровъ. . .	4	48821
Михаилъ Бондаренко. . .	4	49039
Григорій Жихаревъ. . .	4	51154
Николай Панченко . . .	4	48843
Ефрейтора:		
Павелъ Дорошенко . . .	4	49536
Федоръ Сапрыкинъ . . .	4	49545
Петръ Трояновъ	4	86213
Рядовые:		
Сергѣй Божковъ	4	33856
Маркъ Хишкинъ. . . .	4	33857
Мартынъ Пелецкій . . .	4	33858
Михаилъ Кветкинъ . . .	4	33228
Матеусъ Юнайтисъ . . .	4	33241
Леонтій Землянченко. . .	4	33240
Григорій Соловьевъ . . .	4	33324
Кузьма Шелковниковъ . .	4	33329
Степанъ Палей	4	48548
Филиппъ Мещеряковъ . .	4	49504
Спиридонъ Цапенко . .	4	49512
Михаилъ Анцуповъ . . .	4	49501
Федоръ Желтухинъ . .	4	49502
Денисъ Каледа	4	49505
Григорій Луценко . . .	4	49549
Степанъ Степаненко . .	4	49510
Федоръ Алехинъ. . . .	4	49511
Яковъ Горожа	4	49543
Филиппъ Бочковскій. . .	4	49507
Акимъ Аксеновъ . . .	4	61109
Александръ Берулисъ . .	4	61108
Іосифъ Кохановъ	4	61127

Василій Вечеринъ . . .	4	61120
Василій Морозовъ . . .	4	61102
Томасъ Делаксъ	4	50086
Петръ Сидоровъ	4	33592
Іосифъ Кривошлыковъ . .	4	33599
Иванъ Рашевскій . . .	4	58900
Филиппъ Ряполовъ . . .	4	58956
Дмитрій Степановъ . . .	4	58952
Иванъ Замковой. . . .	4	58950
Асонтій Чертовъ . . .	4	58954
Иванъ Третьяковъ . . .	4	58957
Семенъ Кліокисъ. . . .	4	55768
Давидъ Шантатаевъ . .	4	55769
Іосифъ Леонтіевъ. . . .	4	55770
Альфанъ Радзевскій. . .	4	63488
Владиміръ Балакиревъ. .	4	81989
Петръ Струновъ. . . .	4	81991
Трофимъ Пасиковъ . . .	4	81992
Карпъ Простотовъ . . .	4	81998
Николай Гопцей . . .	4	80901
Томашъ Шупшинскій . .	4	86215
Іосифъ Федотовъ. . . .	4	36216
Николай Кашниковъ . .	4	86217
Петръ Полозюкъ. . . .	4	86218
Евгеній Орловъ	4	48823
Моисей Щербаковъ . . .	4	42369
Анисимъ Босиковъ . . .	4	48874
Василій Зайцевъ. . . .	4	33358
Алексѣй Жуковъ. . . .	4	49005
Иванъ Можайка. . . .	4	42362
Евсей Барковъ.	4	49007
Штабъ-трубачъ		
Крышъ Березнякъ. . . .	4	33619
	3	2928
Трубачи:		
Антонъ Афанасьевъ. . .	4	58947
Семенъ Тютюнниковъ. . .	4	86208

Полковые писаря:		
Филиппъ Яковенко . . .	4	86207
Карапетъ Теръ-Сааковъ. .	4	86219
Фельдфебеля:		
Алексѣй Глазовъ. . . .	4	48818
Устинъ Черкашинъ. . .	4	48839
Унтеръ-офицеры изъ вольноопредѣляющихся:		
Кн. Сергѣй Церетели . .	4	33254
Кн. Ясонъ Эристовъ. . .	4	33271
Кн. Александръ Чавчавадзе.	4	33614
Кн. Соломонъ Андроникovъ.	4	34760
Георгій Васильевъ. . . .	4	34762
Александръ Джорджадзе. .	4	34761
Кн. Николай Трубецкой. .	4	48833
Кн. Василій Трубецкой. .	4	42390
Кн. Владиміръ Долгорукій.	4	49546

2007097036